

**ОРЕНБУРГСКОЕ
КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО**

Поиски. Находки. Открытия

Министерство общего и профессионального образования
Российской Федерации

Челябинский государственный университет

Оренбургское казачье войско

Поиски. Находки. Открытия

Челябинск 1999

ББК ТЗ(2) 4я 43
О-653

О-653 Оренбургское казачье войско: Поиски. Находки. Открытия: Сб. науч. ст. / Под ред. А.П.Абрамовского; Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 1999. 195 с.

ISBN 5-230-20044-8

Сборник научных статей посвящен 70-летию доктора исторических наук, профессора М.Д.Машина – крупного ученого, историографа Оренбургского казачьего войска.

Авторы рассматривают вопросы, связанные с патриотическим воспитанием молодых казаков, деятельностью станичных судов, правовым положением станичных правлений, страницами жизни войсковых генералов и офицеров.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Челябинского государственного университета.

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук А.П.Абрамовский (отв. редактор),

д-р ист. наук В.С.Кобзов,

историк-краевед Н.С.Шибанов

Рецензенты: кафедра истории Челябинского государственного института искусств и культуры;

д-р ист. наук И.Ф.Галигузов;

д-р ист. наук П.Г.Агарьшев

О 0501000000 – 010
4К8(03) – 99

Без объявл.

ББК ТЗ(2Р-40Р) 4-294 я43

+ ТЗ(2) 4-294 я43

ISBN 5-230-20044-8

© Челябинский государственный университет, 1999

А.П.Абрамовский, В.С.Кобзов

О ПРОФЕССОРЕ М.Д.МАШИНЕ – ДРУГЕ, НАСТАВНИКЕ, УЧЕНОМ

18 июня 1990 года ушел из жизни известный ураловед, доктор исторических наук, профессор Михаил Дмитриевич Машина. Но память о нем не угасает, она живет в делах исторического факультета Челябинского государственного университета, созданной при его активном участии кафедры новейшей истории России, в мероприятиях областного общества охраны памятников истории и культуры, бессменным членом президиума которого Михаил Дмитриевич являлся с 1967 года. О жизни и творчестве профессора М.Д.Машина напоминают учебные аудитории и специальные кабинеты, в создание которых он вложил часть своей души, его статьи и монографии, посвященные истории родного Южного Урала.

О Михаиле Дмитриевиче, человеке самобытном, сложном и в то же время удивительно простом в отношениях с окружающими, прощательном и необычайно доверчивом, однозначно говорить нельзя. Время и только время, самый строгий и непредвзятый судья, во всей полноте сможет раскрыть его незаурядный талант, многогранность

личности и трагизм творческого пути. Мы же, его коллеги и ученики, только в самых общих чертах сможем дать портрет исследователя и человека, страстно любившего жизнь и жившего по совести.

Родился Михаил Дмитриевич в семье казака Оренбургской станции 1 января 1928 года. Семья, как и подобает казачьей, была большая, дружная и трудолюбивая и потому материально обеспеченная. Как и многие казачьи семьи, в 1930 году семья Машинных попала в план раскулачивания и была выселена в Карагандинскую область. Практически на голом месте несколько десятков казаков-спецпереселенцев построили землянки и потихоньку стали обживать, сохранив прежний образ жизни и традиции. Именно здесь Михаил Дмитриевич прошел закалку, в среде простых тружеников он формировался как личность. Казачьи традиции и уклад жизни, в основе которых лежали труд, товарищеская взаимовыручка, уважение к окружающим, и особенно к старшим, определили его отношение к людям. Как и его сверстники, Михаил был очень подвижным и лобознательным, и нередко озорные ребячьи проделки заканчивались самыми суровыми взысканиями со стороны родителей и старших. Но уже в этом возрасте он не перекладывал своей вины на других, не прятался за спины товарищей.

В школу Михаил ходил с удовольствием, но из всех предметов с первых лет учебы выделял историю. Его с детства будоражили рассказы о славном прошлом оренбургского казачества, связавшего свою судьбу с заселением и освоением богатейшего южноуральского края. И кто знает, может быть, детские думы, рассказы стариков и случайно сохранившиеся в поселковой библиотеке работы В.Н.Витевского и П.И.Рычкова привели его к мысли о необходимости посвятить свою жизнь изучению истории родного края, познанию ее забытых страниц.

Михаил перешел в седьмой класс, когда началась Великая Отечественная война. Из поселка на фронт один за другим уходили взрослые. Старик, бодрясь, рассказывал мальчишкам о своей лихой молодости, стремительных сабельных атаках, подвигах предков-оренбуржцев во имя Родины. Эти беседы окончательно убедили паренька в его давнем стремлении. Ранней весной 1944 года, закончив школу и получив аттестат о среднем образовании, Михаил твердо заявил родителям: буду историком.

Время было тяжелое. Трудности с продовольствием, одеждой, отсутствием денег не испугали выросшего отнюдь не в тепличных условиях Михаила. Собрав самое необходимое, он в грузовом эшелоне отправился в Алма-Ату поступать на исторический фа-

культет Казахского государственного университета им. С.М.Кирова. Успешно сдав вступительные экзамены, Михаил с головой ушел в студенческую жизнь. В университете в это время работали высококвалифицированные преподаватели, главным образом профессора и доценты московских и ленинградских вузов, эвакуированные в начале войны в Казахстан. Их лекции отличались высоким профессиональным уровнем и глубиной, а требовательность удивительно сочеталась с доброжелательностью и интеллигентностью. Жадно впитывая знания, Михаил первую половину дня проводил в учебных аудиториях, а к вечеру вместе с товарищами по курсу шел на разгрузку вагонов, колот и пилил дрова, носил воду – словом, зарабатывать на хлеб своими руками. Придя в общежитие, студенты, наскоро приготовив скудный ужин, ночь напролет штудировали иностранные языки, готовились к семинарам, зачетам и экзаменам, жарко споря о прошлом и будущем России. Позднее Михаил Дмитриевич вспоминал о годах своего студенчества с особой теплотой и грустью. “Алма-Ата – это город яблок, – улыбался он. – И спасли нас, заброшенных за сотни километров от родных домов мальчишек военной поры, они, яблоки. Фрукты на завтрак, яблоки на обед и ужин – таково было наше обычное меню. Ну а если удавалось купить немного хлеба – тогда был самый настоящий пир. Но не о хлебе думали мы тогда, а о Родине и во имя ее терпеливо переносили все невзгоды. В Родину мы верили свято...”

Летом 1945 года, демобилизовавшись из армии, в университет пришла большая группа фронтовиков. Не раз смотревшие смерти в глаза и закаленные в боях, эти молодые люди сыграли в судьбах вчерашних школьников определенную роль. Бывшие капитаны и лейтенанты, делившие с солдатами в окопах и радости, и горе, они принесли в студенческую среду дух и традиции фронтового братства и взаимовыручки. Получаемые по армейским аттестатам деньги, в том числе и за ордена и медали, продукты, купленные на заработанные после занятий деньги, домашние посылки – все шло в общий котел, делилось поровну на всех. Именно эта поддержка позволила многим студентам военной поры получить образование. В атмосфере подлинного братства и товарищеской взаимовыручки окончательно сформировались их характеры и определилось отношение к жизни. Эти черты Михаил Дмитриевич сохранил и бережно пронес через всю свою жизнь. Таким он и остался в памяти знавших его и работавших с ним – доброжелательным, неунывающим, готовым прийти на помощь в трудную минуту, поддержать словом и делом. Эти черты его ха-

рактера снискали глубочайшее уважение к нему коллег и студентов.

Успешно завершив курс обучения в Алма-Атинском университете, молодой историк по распределению был направлен на работу в Петропавловский педагогический институт, где занял должность ассистента кафедры отечественной истории. В течение двух лет он преподавал там любимый предмет, показав себя способным и неординарным педагогом. Многие бывшие студенты, вспоминая Михаила Дмитриевича, отмечают такие его качества, как страстность и убедительность. Влюбленные в лектора студенты даже в перерыв не выпускали его из аудитории и жадно слушали увлекательные и яркие лекции.

В 1953 году Михаил Дмитриевич поступил в аспирантуру Московского государственного педагогического института им. В.И.Ленина, где на кафедре истории СССР подготовил и в сентябре 1955 года успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме "Борьба Советской власти с голодом 1921-1922 годов", а через 30 лет (24 мая 1985 года) была защищена докторская диссертация "Оренбургское и уральское казачество в февральской буржуазно-демократической, Октябрьской социалистической революциях и гражданской войне (февраль 1917-1920 г.)".

Если кандидатская диссертация была утверждена ВАКом через месяц после защиты, то докторская из-за ряда "доброжелателей" подверглась неоднократному рецензированию и экспертизам, затянувшимся до 24 октября 1986 года. Заведующий кафедрой истории советского общества Московского пединститута им. Ленина Э.М.Щагин в своем поздравлении писал Михаилу Дмитриевичу: "От души поздравляю с прохождением основного "чистилища" и желаю новых свершений на поприще науки и высшей школы".

По распределению после окончания аспирантуры М.Д.Машина почти 20 лет проработал на кафедре истории СССР Челябинского государственного педагогического института, а когда в Челябинске был создан госуниверситет, возглавил в нем соответствующую кафедру.

Проработав заведующим кафедрой истории СССР исторического факультета Челябинского государственного университета около 10 лет, Михаил Дмитриевич получил звание профессора только в 1989 году все по той же причине - вновь помогли "доброжелатели", радевшие за чистоту науки.

Творческий расцвет М.Д.Машина как ученого приходится на 50-е годы, когда уральские историки обратились к проблемам революции 1917 года и гражданской войны. История политической борьбы рабочих, крестьян и казаков за лучшую жизнь, за личную свободу стала главным объектом научных интересов Михаила Дмитриевича. Сегодня многие положения из казавшихся бесспорными научных изысканий прежнего периода подвергаются пересмотру. Тем не менее нельзя отвергать работы историков 50-х - начала 80-х годов как закономерный этап становления отечественной исторической мысли. Ученые доперестроечного периода ввели в научный оборот громадную массу архивных материалов, существенно расширили тематику научных исследований, всей своей творческой жизнью подготовив переход науки на новый уровень исторического сознания.

Особенностью творческого наследия Михаила Дмитриевича является то, что уже в первых его работах прослеживается стремление исследователя объективно раскрыть трудный процесс революционных преобразований в крае, линию поведения политических партий в тот крайне противоречивый период. Молодой ученый много внимания уделил изучению архивных документов и материалов по истории борьбы рабочих и крестьян за установление и упрочение Советской власти на Урале. Немало усилий он затратил на выявление новых архивных источников, изучение материалов периодической печати, встречался также с участниками революционных событий и гражданской войны, анализировал их письменные воспоминания.

Все это позволило М.Д.Машину многогранно осветить революционную деятельность рабочего класса трех заводов - Катав-Ивановского, Усть-Катавского и Юрюзанского в его первой книге "За власть Советов", вышедшей в Челябинске в 1958 году и вызвавшей значительный научный интерес. Рецензенты, откликнувшиеся на выход этой книги, основную ценность научной работы М.Д.Машина видели "в правдивом и интересном описании событий". Автору удалось раскрыть страницы прошлого вышеназванных предприятий, показать численный рост "рабочих людей" и их тяжелое экономическое, материальное и правовое положение, проанализировать причины и динамику противостояния южноуральских горнозаводчиков и трудящихся масс. Историк одним из первых исследователей основное внимание уделил особенностям создания и деятельности политических организаций, советов рабочих и солдатских депутатов, профсоюзов, союзов молодежи и красногвардейских отрядов. В книге ярко показана

ны все перипетии процесса установления и упрочения Советской власти в Катав-Ивановском горном округе, раскрыт механизм социально-экономических преобразований от введения рабочего контроля над производством до национализации заводов.

Следует особо подчеркнуть, что М.Д.Машин критически подошел к оценке существовавшей традиционной схемы установления Советской власти на Южном Урале и в ряде своих работ опроверг ее. Традиционно было принято считать, что сначала революционные преобразования осуществлялись в губернских центрах, затем распространялись на уезды и только после этого происходили в заводских поселках и деревнях. Исследователь сделал вывод, что советизация Южного Урала, как и Урала в целом, проходила иначе в силу ряда причин и особенностей. "В первые же дни после победы Октябрьской социалистической революции в Усть-Катаве, Катав-Ивановске и Юрюзани власть перешла полностью в руки Советов", — утверждал в своем исследовании М.Д.Машин.

В конце 60-х годов Михаил Дмитриевич обратился к "казацкой проблеме" и остался ей верен до конца своей жизни. История казачества Урала буквально захватила его своей необычайной трагичностью, богатством событий, значительностью вклада казачьего сословия в процесс экономического освоения региона. Труды предшественников — исследователей истории казачества П.И.Рычкова, И.Л.Дебу, В.М.Черемшанского, В.В.Зверинского, В.Н.Витевского, Д.Н.Соколова, Ф.М.Старикова, П.Е.Матвиевского, А.Ф.Рязанова, В.Н.Севастьянова и др. — помогли ученому более полно и всесторонне изучить поставленную проблему: создание Оренбургского казачьего войска, правовое и экономическое положение казаков, земельные отношения на территории войска, участие казачества в боевых действиях, революциях и гражданской войне в России, влияние казачьего фактора на развитие политических событий в крае. Скрупулезная работа в архивах и библиотеках увенчалась выходом в свет до сих пор остающейся уникальной монографии "Из истории родного края. Оренбургское казачье войско", изданной в Челябинске в 1976 году. В ней впервые дана обстоятельная историография Оренбургского казачьего войска, изучена и проанализирована обширная литература, сборники документов и правительственных распоряжений по казачьим войскам России и многие другие исторические источники.

Проследивая первые шаги русской колонизации Южного Урала, процесс строительства крепостей, образовавших шесть оборонительных линий, политические, экономические и нацио-

нальные факторы, способствовавшие созданию и укреплению Оренбургского казачьего войска, ученый сумел не только реалистично раскрыть проблему, но и, по сравнению со своими предшественниками, существенно расширить источниковую базу.

Изучая историю оренбургского казачества, М.Д.Машин тщательно проанализировал количественный и национальный состав войска, раскрыл механизмы управления общинами, показал особенности отбывания воинской повинности и участие казачества в военных кампаниях в составе частей русской армии. Значительное место в его творческом наследии занимает анализ земельных отношений в казачьих общинах, в частности особенностей пользования станичными наделами, экономического положения оренбургского казачества в целом. Жаль только, что автор ограничился в монографии событиями февральской революции. Несмотря на то, что вне поля зрения автора остались события октябрьского переворота, гражданской войны и ликвидации войскового сословия, уральские историки высоко оценили эту работу М.Д.Машина. До настоящего дня практически ни одно исследование по проблеме казачества в крае не обходится без ссылки на эту книгу.

Увлечшись изучением истории казачества, М.Д.Машин не бросил и свою прежнюю тему. В тот же год из-под его пера выходит ряд брошюр и статей, раскрывающих различные вопросы истории установления Советской власти на Южном Урале, антиколчаковского подполья, партизанского движения в период гражданской войны и социалистического строительства в Челябинской области. В брошюрах "Челябинское большевистское подполье в период колчаковщины" (1989 г.) и "Год героической борьбы" (1990 г.), написанных М.Д.Машиным в соавторстве, анализируются причины и ход чехословацкого мятежа, создание челябинской подпольной организации, начало организованной борьбы рабочих, крестьянства и казачества с контрреволюцией, боевая деятельность подпольщиков в годы гражданской войны.

70-летию со дня рождения одного из организаторов Красной Армии на Урале В.К.Блохера историк посвятил брошюру "Легендарный маршал" (1986 г.), в которой на основании новых архивных материалов проследил его боевой путь от председателя Челябинского военно-революционного комитета до командующего Особой Краснознаменной Дальневосточной армией и трагической гибели 9 ноября 1938 года.

В ряде статей, к примеру таких, как "Борьба за власть Советов на Южном Урале (обзор новых публикаций, документов и

исследований)", "Установление Советской власти в Челябинске", "Фабрично-заводская промышленность Южного Урала накануне Великой Октябрьской социалистической революции", "Осуществление первых социалистических преобразований в уральской деревне в период упрочения Советской власти (октябрь 1917 – июль 1918 г.)", "Из истории строительства совхозов в Челябинской губернии в 1919–1920 гг.", "Продразверстка и ее осуществление в Челябинской губернии", "Из истории сельскохозяйственного кооперирования крестьянских хозяйств Челябинской губернии в 1921–1922 гг." и др., прослеживается эволюция сознания трудящихся масс от признания и поддержки власти Советов до отрицания руководящей роли большевиков и организации вооруженной борьбы с советской властью. К такому выводу М.Д.Машин пришел одним из первых среди уральских историков еще в начале 80-х годов. Свою позицию он достаточно убедительно обосновал многочисленными документами и примерами.

В современной историографии не проводится четкой грани между событиями революций 1917 года и гражданской войной. Подавляющим большинством историков сегодня анализируются работы, в основном посвященныеначальному, наиболее драматическому периоду гражданской войны. Иная позиция изначально была присуща М.Д.Машину, поставившему своей целью изучение всех периодов братоубийственной войны и кровавого противостояния белого и красного казачества.

Военные события в крае развернулись в конце мая 1918 года, с момента вооруженного выступления чехословацкого корпуса, и закончились летом-осенью 1919 года занятием Урала частями Красной Армии. Этой проблематике М.Д.Машин посвятил отдельные статьи своего исследования: "Партизанское движение в тылу колчаковских войск в 1918–1919 гг. на Южном Урале (из истории Карабашского партизанского отряда)", "Из истории большевистского подполья и партизанского движения в Троишском уезде в 1918–1919 гг.", "Героическая борьба трудящихся Южного Урала против белочехов и внутренней контрреволюции весной и летом 1918 г.", "Рабочий класс горнозаводского Урала в борьбе против контрреволюции (из истории большевистского подполья и партизанского движения в Симском горном округе в 1918–1919 гг.)."

Вне всякого сомнения вершиной научной деятельности Михаила Дмитриевича является монография "Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны", опубликованная издательством Саратовского университета в 1984 году. Уча-

стие оренбургского и уральского казачества в вооруженном противоборстве в годы гражданской войны было изучено недостаточно глубоко, поэтому М.Д.Машин, опираясь на труды предшественников – советских историков гражданской войны, предпринял удачную попытку объективного рассмотрения поднятой проблемы, показав не только участие казачества в боевых действиях на стороне пролетарской власти, но и процесс формирования и причины разложения Отдельной Оренбургской и Уральской белоказачьих армий.

Рассматривая социально-экономическое положение казачества накануне октябрьских событий и гражданской войны, М.Д.Машин убедительно показал, что под воздействием протекавших в стране сложных процессов происходило разложение традиционной казачьей общины. На основе тщательного анализа подворных карточек всероссийской поземельной переписи 1917 года им было доказано, что бедняцких и середняцких хозяйств в оренбургских станицах насчитывалось свыше 70 процентов, во многом именно по этой причине казачьи районы и не стали русской Вандеей на Южном Урале.

Автор приходит к правильному, на наш взгляд, выводу о том, что рабочий класс и казачество в период февральской революции не являлись врагами и их противостояние в последующем было сознательно спровоцировано. Вместе с тем трудно согласиться с рядом оценок и выводов исследователя, в частности о существовании в войске некой "атаманско-старшинской верхушки", ее сверхъестественном влиянии на протекавшие политические и экономические процессы, о масштабах и влиянии "дутовского мятежа" на политические позиции основной массы оренбургского казачества. Занятая исследователем позиция в этом вопросе во многом объясняется общим состоянием советской исторической школы, где заданность оценок и концепции определяла характер и результаты проводимых исследований. Но и в этих условиях М.Д.Машин стремился объективно восстанавливать события тех лет, используя богатый фактологический материал, который при внимательном анализе приводил читателя к прямо противоположным выводам, на что и рассчитывал исследователь.

Анализируя причины гражданской войны, процесс зарождения белоказачьего движения, М.Д.Машин стремился показать их особенности, ярко проявившиеся на Южном Урале, социальные и экономические корни кровавого противостояния русского народа. В монографии на основе многочисленных документальных материалов раскрывается деятельность подпольных ор-

ганизаций, исследуются позиции различных социальных групп, причины поражения Отдельной Оренбургской и Уральской казачьих армий, процесс нового государственного строительства в казачьих районах Южно-Уральского края.

Михаил Дмитриевич никогда не был кабинетным ученым, он продолжал работу в центральных и местных архивах, организовывал и возглавлял студенческие экспедиции по местам революционных событий, встречался с участниками гражданской войны, подпольщиками и партизанами. Под его руководством студенты Челябинского пединститута и государственного университета записывали воспоминания ветеранов, собирали документы, которые после обработки пополняли фонды местных краеведческих музеев в Аше, Миньяре, Симе, Карабаше. В вузах, где он работал, регулярно проводились студенческие научные конференции по итогам поисковых экспедиций, его ученики активно участвовали в деятельности научных кружков, готовили работы на многочисленные смотры-конкурсы и научные олимпиады. На многих студенческих научных конференциях выступали участники исторических событий, ветераны войн, бывшие партизаны и подпольщики.

Будучи председателем краеведческой секции Челябинского областного педагогического общества, М.Д.Машин организовал и возглавил постоянно действующий семинар учителей истории по проблемам: "Крестьянская война под предводительством Е.Пугачева", "Столыпинская аграрная реформа и ее осуществление на Южном Урале", "Установление и упрочение Советской власти на Южном Урале", "Новая экономическая политика" и др. Как правило, Михаил Дмитриевич выступал с различными докладами как на учительских семинарах, так и перед учащимися школ области.

Состоя членом бюро Челябинского областного совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, М.Д.Машин проводил большую работу по сохранению и реставрации памятников истории, боевой и трудовой славы Южного Урала.

В 60-е годы под руководством профессора Н.К.Лисовского была развернута работа по созданию в Челябинске Уральского совета по координации и планированию научно-исследовательской работы по гуманитарным наукам и региональной сек-

ции головного научного совета по проблемам Октябрьской революции, возглавлявшегося академиком И.И.Минцем. Михаил Дмитриевич стал членом бюро Уральской секции и занимался проведением научных конференций и сессий по актуальным вопросам истории социалистического строительства на Урале. Наиболее значимыми и интересными явились конференции, проведенные в Челябинске: "Установление и упрочение Советской власти на Урале" (1983 г.), "Историография Октябрьской социалистической революции на Урале" (1985 г.). Михаил Дмитриевич принимал самое непосредственное участие в их подготовке, выступил с докладом "Рабочий класс Южного Урала в борьбе за трудовые массы казачества в период установления и упрочения Советской власти", в котором обратил внимание исследователей на ряд слабоизученных проблем, в том числе на проблему так называемого "дутовского мятежа".

Этот вопрос в то время в полном объеме не мог быть рассмотрен. Только в начале 90-х годов ряд молодых уральских ученых, в том числе В.Войнов и Н.Чирухин, смогли без давления традиционных схем проанализировать причины и ход выступления против пролетарской власти части оренбургского казачества во главе с атаманом А.И.Дутовым. Но для этого потребовалось время и ослабление идеологического контроля за творчеством историков, а также немалое личное мужество и долгие поиски в архивах и спецхранах.

Как лектор Михаил Дмитриевич был нестандартен, его занятия, будь то лекция или спецсеминар, всегда отличались нетрадиционностью. Время пролетало настолько быстро, что студенты с сожалением покидали аудиторию, с нетерпением ожидая следующего занятия. Яркие образы, меткость выражений, юмор и авторская оценка многих событий, зачастую не совпадавшая с общепринятой, навсегда запомнились слушавшим спецкурсы и занимавшимся на "машинских" спецсеминарах студентам.

Многие лично знавшие ученого единодушно отмечали его доброжелательность, радушие, стремление прийти на помощь в трудную минуту, бескорыстие. Эти удивительные человеческие качества достойно дополняют творческий портрет Михаила Дмитриевича Машина как ученого и педагога. Таким он и остается в памяти его коллег, друзей и учеников.

**СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
ПРОФЕССОРА М. Д. МАШИНА**

№ п/п	Наименование	Название сборника, журнала. Место, год издания, № журнала	Кол-во печ. л.	Соавтор
1	Борьба Советской власти с голодом в 1921-1922 гг.	Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ист. наук. М., 1955	1	
2	За власть Советов	Челябинск: Челяб. кн. изд-во, 1958	3,95	
3	Партизанское движение на Южном Урале в 1918-1919 гг.	Доклады и сообщения научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1960	0,3	
4	Борьба за власть Советов на Южном Урале (обзор новых публикаций, документов и исследований)	История СССР. 1961. № 4	0,3	Л.М.Папин
5	Установление Советской власти в Челябинске	Научная конференция, посвященная 225-летию г. Челябинска. Челябинск, 1961	0,3	
6	Из истории классовой борьбы в период перехода к НЭПу в Челябинской губернии в 1920-1921 гг.	Доклады научно-краеведческой конференции. Челябинск, 1961	0,3	
7	Из истории партизанского движения на Южном Урале в 1918-1919 гг.	Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы в 1961-1962 учебном году. Челябинск, 1962	0,3	
8	Интернациональная помощь трудящихся Челябинской области в восстановлении народного хозяйства в 1922-1923 гг.	Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы в 1961-1962 учебном году. Челябинск, 1962	0,2	
9	Из истории сельскохозяйственного кооперирования крестьянских хозяйств Челябинской губернии в 1921-1925 гг.	Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1966	0,95	
10	К вопросу о деятельности АРА на Южном Урале в 1921-1925 гг.	Некоторые вопросы всеобщей истории. Вып.3. Челябинск, 1968	1,1	

№ п/п	Наименование	Название сборника, журнала. Место, год издания, № журнала	Кол-во печ. л.	Соавтор
11	Партизанское движение в тылу колчаковских войск в 1918-1919 гг. на Южном Урале (из истории Карабашского партизанского отряда)	Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып.2. Челябинск, 1968	1,2	А.П.Абрамовский
12	Интернациональные связи трудящихся Урала в годы строительства экономического фундамента социализма	Историческая наука на Урале: Материалы III науч. сессии Урал. экон. р-на. Вып.2. Свердловск, 1968	0,4	
13	Продразверстка и ее осуществление в Челябинской губернии	Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып.3. Челябинск, 1969	1,2	Г.Н.Вахонина
14	Из истории большевистского подполья и партизанского движения в Троицком уезде в 1918-1919 гг.	Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып.4. Челябинск, 1969	1,94	А.П.Абрамовский
15	Из истории строительства совхозов в Челябинской губернии в 1919-1920 гг.	Краеведческие записки. № 2. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1969	0,5	
16	Героическая борьба трудящихся Южного Урала против белочехов и внутренней контрреволюции весной и летом 1918 г.	Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып.5. Челябинск, 1971	1,5	А.П.Абрамовский
17	Рабочий класс горнозаводского Урала в борьбе против контрреволюции (из истории большевистского подполья и партизанского движения в Симском горном округе в 1918-1919 гг.)	Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып.6. Челябинск, 1971	1,5	А.П.Абрамовский
18	Из истории сельскохозяйственного кооперирования крестьянских хозяйств Челябинской губернии в 1921-1922 гг.	Новая экономическая политика. Историческое значение новой экономической политики (в связи с 50-летием перехода к новой экономической политике): Всесоюз. сессия. Материалы обсуждения. Вып.2. М., 1971	0,4	

№ п/п	Наименование	Название сборника, журнала. Место, год издания, № журнала	Кол-во печ. л.	Соавтор
19	Фабрично-заводская и кустарная промышленность Южного Урала накануне Великой Октябрьской социалистической революции	Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып.7. Челябинск, 1973	1,7	
20	Участие оренбургских казаков в крестьянской войне 1773-1775 гг. под предводительством Е.Пугачева	Участие народов в крестьянской войне 1773-1775 гг.: Тез. докл. на Всесоюз. науч. конф. (Уфа, 3-5 июня 1974 г.). Уфа, 1974	0,2	
21	Из истории родного края: Оренбургское казачье войско	Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1976	1,73	
22	Осуществление первых социалистических преобразований в уральской деревне в период упрочения Советской власти (октябрь 1917 г. - июль 1918 г.)	Проведение аграрной политики Советской власти в Зауралье. Челябинск, 1976	0,98	В.П.Половинко
23	Русский и иностранный акционерный капитал в промышленности Южного Урала	Социально-экономическое развитие Южного Урала и Зауралья в XIX - начале XX в.	1,4	
24	Рабочий класс Южного Урала в борьбе за трудовые массы казачества в период установления и упрочения Советской власти	Установление и упрочение Советской власти на Урале: Тез. междуз. регион. науч. конф. Челябинск, 1983	0,2	
25	Литература XIX века об Оренбургском казачьем войске	Исследования и исследователи Оренбургского края XVIII - начала XIX в.: Материалы регион. науч. конф. Свердловск, 1983	0,1	
26	Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны	Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984	10	
27	Разложение в белоказачьих войсках и освобождение Красной Армией Оренбурга, Уральска и большей части казачьих территорий	Казачество в Октябрьской революции и гражданской войне. Черкесск, 1984	0,3	В.С.Кобзов

№ п/п	Наименование	Название сборника, журнала. Место, год издания, № журнала	Кол-во печ. л.	Соавтор
28	Оренбургское и уральское казачество в февральской буржуазно-демократической, Октябрьской социалистической революциях и гражданской войне (февраль 1917 - 1920 г.)	Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Саратов, 1984	2,5	
29	Участие оренбургского и уральского трудового казачества в борьбе за власть Советов (историография вопроса)	Историография гражданской войны на Урале: Тез. междуз. науч. конф. Челябинск, 1985	0,2	
30	Уральские станкостроители (историко-биографический очерк)	Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1985	10	Г.В.Форстман
31	Легендарный Маршал (к 70-летию Великого Октября и 100-летию со дня рождения В.К.Блюхера)	Челябинск, 1986	2	
32	Вооруженная борьба трудящихся Южного Урала с внутренней и внешней контрреволюцией (1918-1919 гг.)	Иркутск, 1919	15,6	В.С.Семьянинов
33	О работе студентов-заочников над курсовыми работами по истории	Сборник материалов зональной научно-методической конференции по заочному образованию учителей (1-3 февраля 1961 г.). Челябинск, 1961	0,2	
34	Восстановление народного хозяйства (1921-1925 гг.). (Глава в учебном пособии)	Краткий очерк истории Челябинской области. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1965	1,7	
35	Использование краеведческого материала на спецсеминарах по истории советского общества	Подготовка студентов педагогических вузов к краеведческой работе и природоохранительной работе с учащимися: Тез. докл. к конф. по проблемам краеведения и охраны окружающей среды в работе школ и педвузов (окт. 1974). М., 1974	0,2	

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И ВОЕННАЯ ПОДГОТОВКА В ОРЕНБУРГСКОМ КАЗАЧЬЕМ ВОЙСКЕ

Казачество представляло собой специфическое военно-служилое сословие, и характер его службы налагал неизгладимый отпечаток на все без исключения стороны его деятельности. На ранних этапах существования казачьих государств-общин подрастающая молодежь наравне с умудренными жизненным опытом казаками принимала участие в военных действиях, с раннего детства обучалась владению оружием и управлению конем. Никакой специальной системы военной подготовки, не говоря уже о военно-патриотическом воспитании, не существовало. Сам образ жизни независимых казачьих общин, промышлявших военной добычей и постоянно находившихся во враждебном окружении, вынуждал их членов осваивать мастерство владения оружием независимо от желания.

На всех этапах существования казачества одной из отличительных его черт являлась высокая степень патриотизма. Даже не связанные союзническими отношениями с Москвой, казаки не допускали и мысли о заключении каких-либо договоров с ее врагами, способных принести вред русскому народу. Казачий патриотизм вытекал из характера существования общин, в его основе лежала идея коллективизма, освященная православием. Вне больших коллективов-общин казачество существовать не могло, даже захваченная в набегах добыча сдавалась казаками в общий котел, после чего делилась поровну.

Казаки ставили свое братство превыше всего, именно оно позволяло им выживать в сложных условиях вражеского окружения, продолжать свой род. Не случайно в XIX – начале XX века уходивший на службу казак клялся на верность "матушке-земле", прилюдно целуя ее в знак нерушимости клятвы¹. Земля ассоциировалась в сознании казачества с Родиной, то есть большой общиной, с которой казак связан многообразием внутренних связей. Горсть земли – частичку Родины казаки, уходя в поход, носили на груди в специальной лядунке, свято веря, что в трудную минуту родная земля защитит и сбережет сына-воина. Где бы ни находился казак, в минуту опасности, сотворив молитву, он мысленно обращался к родной станице, семье, черпая в родительском очаге силу и уверенность в правоте своего дела.

№ п/п	Наименование	Название сборника, журнала. Место, год издания, № журнала	Кол-во печ. л.	Соавтор
36	Борьба за демократизацию оренбургского казачьего войска накануне Великой Октябрьской социалистической революции	Всесоюзная научно-практическая конференция по проблеме "Великая Октябрьская социалистическая революция и освещение ее всемирно-исторического значения в преподавании общественных наук и исторических дисциплин в высшей педагогической школе: Тез. докл. и сообщений (13-15 сент.). Вып.2. Секция исторических наук. М., 1977	0,4	
37	Краеведческая работа со студентами в Челябинском педагогическом институте	Задачи школьного краеведения и природоохранительного просвещения в свете решений XXV съезда КПСС: Материалы семинара, проведенного 12-13 окт. 1976 г. в Ростове-на-Дону. М., 1977	0,2	
38	Программа архивной практики студентов III курса (специальность "история")	Программа подготовки студентов Челябинского государственного университета к работе учителя и воспитателя (спец. "история"). Челябинск, 1980	0,2	
39	Методические указания к курсовым работам, выполняемым студентами-историками ЧелГУ на 1, 2, 3, 4-м курсах	Программа подготовки студентов Челябинского государственного университета к работе учителя и воспитателя (спец. "история"). Челябинск, 1980	0,2	
40	Специальные семинары по истории СССР: Планы и методические указания	Челябинск, 1982	1,75	

В духе патриотизма казачью молодежь воспитывал повседневно, исподволь весь образ жизни, пример старших. В длинные зимние вечера старики вспоминали о своей боевой молодости, боях и походах, рассказывали о наиболее отличившихся в них близких, закладывая в сознание подростков неписанный кодекс чести защитника Отечества и веры. "Старинные семейные предания казаков говорят, что прежде все воспитание казачьих детей оставлялось в доме, в быту", — отмечалось в одном из выпусков "Военного сборника". Большую роль здесь играли обряды, "какие не могли не поддерживать в них воинственного духа"². Из рассказов старших казачья молодежь извлекала одну непреложную истину: сила казачества — в его сплочении, товариществе и взаимовыручке. В качестве примера для подражания выступали не безызвестные для нее абстрактные личности, а свои, порой проживавшие в той же станице реальные люди. Таковыми являлись участник подавления пугачевщины Войсковой атаман полковник В.И.Могутов, герой войны 1812 года и заграничных походов русской армии подполковник В.А.Углицкий, сотник Зайков, есаул В.Авдеев, командир 9-го казачьего полка, герой русско-турецкой войны 1828–1829 годов есаул И.В.Падуров, участник туркестанских походов, один из первых обладателей четырех степеней Знака отличия военного ордена урядник Е.Махин, старый служака Я.Шатров. В частности, пропагандируя верность казачьим традициям, войсковые власти в начале XX века выпустили специальный плакат-агитку, рассчитанную на молодежь. В ней речь шла о 85-летнем казаке Еткульской станицы Я.П.Шатрове, сохранившем в полной готовности свое обмундирование и вооружение образца середины XIX века. Агитка заканчивалась словами: "Казак до гроба! Молодежь! Вот пример, каким надо быть казаком и как нужно беречь заветы предков"³.

Ореолом славы было овеяно имя урядника Богатырева, сумевшего в жаркой схватке зарубить неуловимого и хитрого Исета Кутебарова — предводителя кочевников, нападавших в середине XIX века на припильные укрепления, о лихости которого в степи слогали легенды⁴.

Особо пропагандировались примеры мужества и героизма, проявленного в боях. В ходе Восточно-Прусской операции осенью 1914 года казаки 2-го Оренбургского воеводы Нагого казачьего полка попали в окружение и несколько дней были отрезаны от основных сил. В боях погиб командир полка, почти половина личного состава, и только незначительной части казаков удалось пробиться из окружения и вынести знамя полка.

К знамени в русской армии и в казачьих частях относились, как к святыне. "Полковой святыней знамя зовется потому, — отмечалось в специальном пособии для учащихся казачьих школ, подготовленном есаулом Д.Е.Серовым, — что ... оно в себе вмещает знаки всего того, что самое дорогое для русского воина: веру православную, Государя и Родину — и что клянется казак при поступлении на службу защищать до последней капли крови. Поэтому-то и позорно потерять в бою знамя, потерявшие знамя — клятвopепреступники, они, значит, не верят в Бога, не чтут своего Государя и не любят своей Родины"⁵.

Казаки 2-го полка во главе с приказным А.Прочанкиным клятву выполнили неукоснительно. "Знамя было снято с древка заблаговременно младшим урядником Прочанкиным, — отмечалось в специальном приказе Наказного атамана Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенанта Сухомлинова, — будучи знаменосцем, помня присягу и выполняя свой долг, отбившись со снятым знаменем во главе 10 человек, неся потери в лошадях, в течение четырех дней пешком ... перешел границу, доставив знамя к остаткам полка... Этим подвигом урядник Прочанкин спас полковую святыню от плена и увековечил свое имя в истории"⁶. Все отличившиеся в этих событиях казаки были награждены Георгиевскими крестами, повышены в чинах, от имени Наказного атамана им были вручены дарственные иконы Георгия Победоносца с наградной табличкой⁷.

Значительную роль в сохранении патриотических традиций казачества играли бытовые обряды. С рождением в казачьей семье ребенка мужского пола неукоснительно соблюдался древний обычай дарить новорожденному боевое оружие. С малых лет казачата учились управлять конем, проводя в уходе за ним все свое детство. Любимыми играми детворы были игры военные. "Иногда ребята устраивают настоящую войну, — отмечал известный исследователь истории казачества А.И.Кривошеков. — Разделившись на две партии, вооруженные палками, изображающими палки, мальчуганы начинали сходить друг с другом. На сцену являлись разведчики, засады, прочие военные атрибуты включительно до атаки "в рукопашную"⁸. Военные игры имели существенное значение в подготовке будущего воина. В станицах устраивались импровизированные батальи со взятием снежных городков, организовывались скачки на лошадях с награждением отличившихся, проводились спортивные праздники, стрельбы боевыми патронами и рубка лозы⁹. В приложении к упомянутому выше пособию для учащихся казачьих школ были

собраны все игры, ориентированные на выработку у молодежи воинских навыков, ловкости и физической силы. Учителям и атаманам станиц предписывалось всячески поддерживать игровую деятельность казачат и помогать им в организации "испытаний", то есть соревнований между собой, а нередко и между целыми поселками. Поэтому в станице нередко можно было встретить "мальчика 12-15 лет, нарядившегося в доспехи своего отца и важно идущего с взятой тайком винтовкой, хотя она видимо тяготит его"¹⁰.

В казачьих станицах существовала и неукоснительно поддерживалась практика празднования различных праздников и знаменательных дат истории Российского государства, в том числе и религиозного содержания. Отправлявшиеся на службу сменные команды или направляемые на театр военных действий полки благословлялись священниками, проводились церковные службы, отводились Божественные Литургии и моления о даровании казакам победы. Как отмечали многие свидетели проводов казаков на службу, они отправлялись в действующую армию не как пушечное мясо, а осознавая свой долг защитника Родины. "Условия воспитания в военном духе, постоянные рассказы стариков о походах и войнах, о проказах и ловкости, — отмечал А.И.Кривошеков, — с детства приучили каждого казака трезво смотреть на военную службу, быть удалцом, героем, а если придется погибнуть, то умереть с честью на поле славы и не осрамить своей родной станицы"¹¹. Известны многочисленные случаи, когда недостойное поведение казаков в боевых действиях становилось предметом тщательного обсуждения на станичных сходах, и нередко по ним принимались решения о различных наказаниях, одним из которых было моральное воздействие на семью провинившегося. Даже попавших в плен казаков, не нарушивших присягу, дома встречали как героев, оказывая им всяческое уважение¹².

Во время церковной службы священнослужители обращались к патриотическим чувствам казаков, что передавалось и присутствовавшим в церкви малолеткам. Ежегодно в годовщины наиболее знаменательных побед русской армии в церквях служили молебны, поминали погибших, в школах устраивались выставки и проводились занятия. В частности, в станицах Оренбургского казачьего войска широко и торжественно отмечалось 100-летие Бородинского сражения и разгрома армии Наполеона, 100-летие Военного министерства, 300-летие Дома Романовых.

Воспитательные элементы просматриваются и в порядке организации и проведения различных религиозных и бытовых

праздников. В масленицу, войсковой праздник (день Св. Георгия Победоносца, покровителя оренбургских казаков) в станицах проводились скачки верхом на лошадях, участие в которых принимала и детвора, соревнования по владению оружием, спортивные состязания. Во время посещения станиц Наказным атаманом, высокими должностными лицами или проверяющими казачата принимали участие во встрече гостей в составе отдельных "школьных" сотен и групп, демонстрировали им свою выучку и мастерство владения холодным и огнестрельным оружием, как это имело место во время поездки по войсковой территории наследника престола Великого князя Николая Александровича¹³.

Определенное влияние на патриотическое воспитание в станицах оказывал фольклор. В исторических песнях, широко любимых в войсковой среде и охотно исполнявшихся, прославлялись героические поступки оренбуржцев, участвовавших в среднеазиатских походах, нередко в них содержатся сведения о реальных лицах. В частности, до настоящего времени в песнях жителей ряда бывших казачьих поселений Челябинской области упоминается Писталькоро, чья фамилия вызывает недоумение у современных собирателей фольклора¹⁴. Хотя в этом нет никакой ошибки. Уникально другое — по истечении более чем века в народной памяти сохраняется имя Эрика Августовича Пистолькорса, принимавшего участие в туркестанских походах и командовавшего одной из оренбургских сотен. За героизм, проявленный в боях, штаб-ротмистр, пользовавшийся немалым уважением казаков-оренбуржцев, был в числе немногих удостоен высокой награды — ордена Св. Георгия 4-й степени¹⁵. Благодарная народная память сохранила в одной из историко-патриотических песен имя офицера, умершего в эмиграции в чине генерал-майора, делившего с казаками все трудности и опасности военной службы.

Военно-походные и патриотические песни оренбургского казачества в начале XX века были собраны и опубликованы в четырех томах есаулом А.И.Мякутиным¹⁶, издавались в качестве приложения к пособию есаула Д.Е.Серова¹⁷, опубликовывались в газетах. Наряду с другими литературными произведениями, прочитанными в раннем возрасте, они оказывали неслышимое впечатление на казачат и становились мерилем нравственности и отношения к служебному долгу. Руководством в этом служило завещание Великого князя Константина Константиновича, долгое время возглавлявшего систему подготовки офицерских кадров в России. "Будь же ты верен преданьям доброй, простой старины, будь же всегда упованьем нашей родной стороны, — призывал

старый генерал. – С верой твердой, святою честно живи ты свой век! Сердцем, умом и душою русский ты будь человек! Пусть тебе в годы сомненья, в пору тревог и невзгод служит примером терпенья наш православный народ!”¹⁸

Однако сложившиеся в войске традиции патриотического воспитания не могли сами по себе решить всех проблем, связанных с подготовкой казачьей молодежи к воинской службе. Впервые по-настоящему остро эта задача встала в начале XIX века, когда Россия столкнулась с сильным противником – наполеоновской Францией и ее союзниками. Рутинными способами можно было воевать с более отсталой, чем Россия, Турцией, но хорошо обученная и отмобилизованная армия Франции нанесла русским полкам ряд серьезных поражений в период антинаполеоновских войн 1805–1807 годов в Западной Европе. Направленные в состав заграничной армии два конных полка Оренбургского казачьего войска приняли участие только в заключительных боях, тем не менее для военных властей края стало ясно, что организация подготовки казаков, выходящих на внешнюю службу по традиционному для XVIII века принципу, устарела.

Один из офицеров войска, пожелавший остаться неизвестным, позднее справедливо отмечал, что “регулярный строй до того сковал их подвижность, сноровку и казачью удачу, что казаки оказались уже далеко не теми казаками, какими были прежде, и неприятельская конница тотчас же приобрела над ними значительный перевес”¹⁹.

Опыт войн начала столетия, а также утвердившаяся практика командирования из войск двух-трех полков ежегодно для несения службы на турецкой границе и в различных городах империи поставили Войсковую канцелярию перед необходимостью более серьезного отношения к вопросу начальной военной подготовки казаков в станицах. Меняющийся характер войн и военных доктрин настоятельно требовал постановки военного обучения казаков на совершенно иной организационный уровень. Тем более, что, начиная с 40-х годов XIX века, войсковое сословие увеличилось не столько вследствие естественного прироста, сколько путем причисления в казачество государственных крестьян, беглых и ссыльных, солдат линейных батальонов и инородцев, как называли в то время калмыков, крещенных татар и представителей других национальных групп, проживавших на Южном Урале, как правило не обученных военному мастерству. Это, в конечном итоге, привело к падению общего уровня боевой подготовки ка-

зачьих частей. Поэтому войсковое начальство стало принимать меры к исправлению создавшегося положения.

Во второй трети XIX века руководство Оренбургского казачьего войска пришло к убеждению, что воспитание будущего воина, обучение его навыкам воинского искусства, физическую подготовку нужно начинать еще со школьной скамьи. Однако численность казачьих школ была незначительной и они не могли охватить обучением всю казачью молодежь. Учитывая это, Наказной атаман специальным приказом по войску 16 марта 1842 года предписал командирам полковых округов организовать в каждой станице в воскресные дни обучение малолеток “цельной стрельбе, сначала пешими, а когда получат достаточный навык, собирать верхом и укоренять между ними древние воинские игры: ристания на лошадях, плавание, ловкое действие пикою и саблею, стрельание в цель из пистолета и ружья, бегание, борьбу и прочие гимнастические упражнения, свойственные казачьей службе”²⁰. Во исполнение приказа начальства к 25 декабря полковые командиры подготовили предложения по совершенствованию военной подготовки так называемых “сиденков” – казаков, готовящихся к выходу на полевую службу. С того времени ежегодно не реже пяти раз в год стали проводить сборы казачат по станицам, где они числились согласно спискам, каждый раз собирая их на три дня для обучения, как отмечалось, “вместо забав”²¹.

Спустя девять лет этот приказ еще раз был продублирован тогдашним Оренбургским и Самарским генерал-губернатором и командиром Отдельного Оренбургского округа генерал-адъютантом В.А.Перовским. “Обучающихся в станичных училищах детей, – отмечалось в приказе, – и учителей их, получающих жалованье, в особенности стараться доводить до совершенства знания правил пешего и конного построения, упражняться в которых регулярно, и иметь в виду, что образование их по фронтовой части по мере поступления на действительную службу будет необходимо в полку”²². “Правилами о порядке управления школами...” указывалось, что учителям станичных и поселковых школ необходимо не только обучать детей чтению, письму и арифметике, но и целенаправленно готовить их к предстоящей воинской службе”²³.

Обучение школьников воинскому делу, как указывалось в специальном кратком наставлении инструкторам станичных и поселковых школ, имело целью: “1) развить в них любовь к Государю Императору, Престолу и Отечеству настолько, чтоб каждый был способен пожертвовать для блага Царя и Отечества своей

жизнью; 2) развить их в духе уважения к военным доблестям, в духе дисциплины, уважения к старшим и вселить в них чувство чести, правдивости, уважения к существующим порядкам; 3) развивать в них способность соображать, оценивать обстановку, найтись при выборе средств; 4) развить силу, ловкость, любовь к коню, шашке, пике и винтовке как будущим их товарищам и помощникам; 5) вселять убеждение, что лучше умереть с честью, чем позорно отступать и быть побежденным противником”²⁴.

Наказные атаманы лично проводили осмотры школ. В приказе о результатах инспектирования войска генерал-майор И.В.Падуров отмечал, что в ходе поездки он столкнулся с многочисленными фактами нарушения “Положения об управлении школой”. Так, при осмотре школ станицы Изобильной ему представился учителем урядник Мясников, “будучи одет не в полную форму”, нарушив тем самым страсовой устав. Особое внимание Наказной атаман обратил на качество военной подготовки школьников, лично проверял навыки строевой подготовки и выправки, фехтования и физическую подготовку. По результатам проверки Падуров отметил командира 7-го полкового округа подполковника В.К.Деменева, проявлявшего должную заботу о развитии военных знаний среди учащихся, которые показали “весьма удовлетворительные по их возрасту результаты”. Наказной атаман высказал уверенность в том, что “господа полковые командиры на оставят обратить внимание на весьма важное для мальчиков, имеющее прямое назначение казачьей службе обучение ловко владеть оружием и прямым правилам фронтальной выправки... Занятия эти ни в коем случае не будут сокращать определенного времени обучения в школе, а будут производиться преимущественно в послеобеденное время, чтобы не отнять у них возможности изучить все определенные программой школы предметы”²⁵.

Военное воспитание, привитие азов воинской дисциплины начиналось с соблюдения школьниками правил ношения специального обмундирования. В 1848 году родителям предписывалось “давать ученикам шинель казачьей формы, шаровары темно-зеленого сукна или черного холста, сапоги”. “Волосы учеников должны быть опрятно острижены, а ногти обрезаны”²⁶. Кроме того, “Советы школьникам в духе Устава внутренней службы” рекомендовали казачатам ежедневно мыться с мылом, промывать глаза и уши, мыть глубже шею, полоскать рот и зубы. Если работа грязная – умываться несколько раз. “Приучайся делать все сам казакom будешь – няньки не дадут”²⁷.

Обмундирование школьников менялось несколько раз в соответствии с изменением форменной одежды казаков войска. Согласно Положению об Оренбургском казачьем войске от 12 декабря 1840 года, школьникам рекомендовалось носить чекмени, темно-зеленые шаровары с синей выпушкой и шинели, а также кивера без лопастей казачьего образца²⁸. Однако в связи с неодинаковым материальным положением казачьих семей не все школьники были одеты в соответствии с требованиями. В ходе вышеупомянутого инспектирования генерал Падуров отмечал, что во многих школах, несмотря на требования станичных атаманов, ученики были неприлично одеты в различные кафтаны и халаты. В связи с этим он дал указание, чтобы казачата, по возможности, имели одинакового покроя одежду. Но если для семей с небольшим достатком это было не более, чем пожелание, то для состоятельных – обязанностью²⁹. Позднее, в конце XIX века, школьные чекмени были заменены на холщовые гимнастерки серого цвета и введены темно-синие шаровары³⁰. В обязанности школьников стало входить ношение форменной фуражки без козырька, но с кокардой и деревянной шашки. В начале XX века добавились лампасы на шароварах и погоны светло-синего цвета без цифр на гимнастерках³¹. В холод и зимнее время школьники должны были носить серые шинели и черные папахи. Постепенно устанавливалась единая форма и для девочек – голубые или темно-коричневые платья с белыми передниками.

С 1871 года военную подготовку в станичных школах стали вести под наблюдением офицеров специальные военные инструкторы из нижних чинов, приглашавшиеся станичными сборами за особую плату³². Как правило, это были отставные урядники и вахмистры, но с начала XX века работа в станичных школах стала засчитываться как сверхсрочная служба. Определенный интерес в этом отношении представляет “приговор” жителей Еткульской станицы о выборах военного инструктора для станичной школы от 12 февраля 1887 года. “Мы, – говорится в этом документе, –... жители поселков Каратабанского, Кузнецовского и Грозненского, постановили настоящий приговор в том, что для обучения мальчиков Каратабанской школы строевому образованию в течение настоящего года в учебное для того время избрали урядника второй очереди Ивана Ивановича Ежова. За труд этот определили выдать из Каратабанской и Грозненской сумм по 3 рубля в каждый учебный год, а учителю Замятину выдачу жалованья за эту обязанность с сего числа прекратить”³³.

На протяжении всего времени существования казачьих школ требования к начальной военной подготовке неоднократно ужесточались. Наказной атаман генерал-майор К.Н.Боборыкин специальным циркуляром в 1871 году указывал, что кроме преподавания элементарных знаний, предусматривавшихся учебной программой станичных и поселковых школ, казачат необходимо готовить к предстоящей службе, отрабатывая строевую выправку, маршировку, обучая построениям, кавалерийским сигналам и умению верховой езды. В движениях, построении и личной выправке школьники должны были достигать "возможного совершенства". Для развития ловкости рекомендовалось ежедневно проводить занятия по гимнастике, для чего предписывалось в каждой школе строить "хозяйственным способом" специальные "гимнастические машины". На уроках по физической подготовке инструкторы должны были добиваться от учащихся ловкости, "умения прыгать с деревянного коня, лазанья по веревкам, косвенной и вертикальной лестницам"³⁴.

В начале XX века военные инструкторы должны были, кроме того, разъяснять школьникам особенности службы казака, что должен знать и уметь казак перед выходом на службу. Особое внимание уделялось конной подготовке: "Пешим строем не увлекаться сверх меры, - говорилось в "Кратком наставлении инструкторам...", - настоящее место казака - на коне, его гордость - сделать удар шашкой, чтоб быка перерубить пополам, чтоб пикой проткнуть сразу всадника и коня... его гордость в том, чтобы все видеть, все знать, проехать там, где даже и пехотинцу в ум бы не пришлось"³⁵. Поэтому необходимо было ознакомить школьников с правилами ухода за лошадей, ее седловкой, пригонкой стремян и т.д. Обучение велось на живой, а в крайнем случае - на деревянной лошади. Инструкторы показывали правила посадки на лошадь и управления ею на месте, в движении на всех аллюрах и при поворотах, а также при перепрыгивании через различные препятствия, приемы рубки и уколов в цель. Обучение джигитовке основывалось на выполнении ряда упражнений: поднимания предмета с земли с "нагибанием направо и налево", подъема на коня пешего товарища, увоза раненого одним или двумя всадниками, соскакивания и всакивания на коня в карьере. Но особое мастерство наездники приобретали при отрабатывании приемов вольной джигитовки, которые состояли в следующем: умение положить коня на карьер, скачка о двуконь и триконь с пересадкой с одной лошади на другую, скачки группами, стоя, вниз головой, переворачивание на карьере лицом назад и скачка стоя спиной

вперед, расседывание коня на скаку, упражнения в джирид (метание дротиков в цель на скаку) и другие игры, направленные "к развитию ловкости и лихости всадника". При обучении владению холодным оружием (шашкой и пикой) необходимо было объяснить названия частей оружия и их назначение. Среди упражнений особое внимание уделялось "на круги, как развивающие мускулы рук, а также чтоб уколы и удары наносить возможно энергичнее". После освоения ударов и уколов на месте переходили к выполнению этих приемов на ходу и обязательно "в цель, а не впустую". Школьников знакомили также и с винтовкой, но лишь в отношении ее предназначения и знания ее основных частей, их назначения.

Освоение школьниками требований полевого устава шло, как правило, в три этапа. Целью первой "прогулки" было научить вниманию и наблюдательности ко всему окружающему, и особенно к местности. В открытом поле инструктор объяснял воспитанникам, как будущим разведчикам, различные приметы, например: следы от копыт, людей, колес, их направление и количество, пыль на дороге и т.д. Разъяснял значение местности для движения, стрельбы, укрытия, прочности построек, удобства для квартирования и т.д., учил использовать особенности местности: ложины, овраги, кустарники, рощи, канавы, дома вдоль дороги, изгороди, возвышенности. В целях закрепления материала просил школьников подробно описать тот или иной предмет, находившийся в поле их зрения. Кроме того проводил практические занятия по скрытому передвижению на местности.

Вторая "прогулка" предпринималась для показа порядка дозоров, разъездов, сторожевки (обязанности часового в сторожевой цепи), передачи приказаний. При этом организованный еще в поселке "разъезд" пешком выходил по дороге в поле и двигался до пункта, который инструктор выбирал в качестве сторожевого поста. Инструктор расставлял всех школьников по сторожевым постам и объяснял им обязанности часового в сторожевой цепи. Затем проводились упражнения по передаче приказаний на расстоянии.

Целью третьей "прогулки" было повторение и закрепление навыков, полученных школьниками в результате первых двух "прогулок".

В конце XIX - начале XX века в станицах войска стали практиковать стрельбы школьников дробинками из учебных винтовок. Стрельбы, как правило, проводились поселковыми инструкторами и учителями в присутствии станичных инструкторов.

Причем стрелять могли не только школьники, но и все желающие малолетки, но только после школьников. Ученики старше 12 лет должны были выпустить не менее 30 дробинок. Инструктор вел учет результатов. Стрельбам предшествовали тщательные практические занятия, на которых школьники знакомились не только с частями винтовки, но и с приемами изготовления для стрельб, установки прицела, заряжания и разряжания, постановки курка на предохранитель – иными словами, осваивали, “что именно надо соблюдать, чтобы попасть в цель, и отчего бывает, что стрелок не попадает”³⁶.

Определенное значение для усвоения азов тактических приемов казачьего строя, развития ловкости, смелости, физической выносливости и силы имели игры казачат на открытом воздухе. До нас дошло подробное описание около тридцати игр. Часть из них носит чисто военный характер: “стенка на стенку”, “бой слонов”, “школьный бой”, “битье горшков с завязанными глазами”, “взятие снежного городка”. Последняя, как правило, разыгрывалась на станичной или поселковой площади на снегу в двух вариантах: “пешком” и “нападающие на конях”. Устройство таких соревнований вызвало живейший интерес у всех слоев населения. Желающие посмотреть на зрелище прибывали даже из соседних поселков станичного юрта. Зрителей собиралось так много, что не только площадь, на которой были построены городки, но даже дома и сараи, окружавшие ее, были заняты людьми.

Состязание проводилось обычно в выходные дни во время масленичной недели³⁷. Как правило, на площади станицы или поселка строилось два снежных городка: для казаков и подростково-казачат. Место для строительства городков определял атаман либо кто-то из станичного правления. Для взрослых казаков снежный городок строился более высокий и большего размера, чем городок, предназначавшийся для штурма казачатами. Городки воздвигались на снежных валах-редутах и представляли собой импровизированные снежные крепости с башенками по краям. В центре крепости возвышался флаг, который и являлся главной целью штурмующих, разноцветные флажки развивались и на башенках.

Казаки делились на два отряда: защитников крепости, готовивших заранее “снежную картечь”, и атакующих крепость. За каждой командой следил посредник, который выводил из строя школьников, пораженных снежком.

Защитники вооружались снежками, деревянными лопатками, иногда ружьями, заряженными холостыми патронами. Нападающие на конях отводились на 20–30 саженей от городка, выстраивались для кавалерийской атаки и по команде с криком бросались в карьер на городок. Проникнув за вал, они спешивались и продолжали штурмовать городок при помощи заостренных деревянных кольшквов. Игра заканчивалась взятием флага. Иногда проигравших выстраивали в шеренгу и победители с десяти шагов пятью ударами снежками сзади “расстреливали” побежденных³⁸.

Так, в субботу 22 февраля 1897 года состоялось взятие двух снежных городков, сооруженных в Оренбурге на площади между городом и Форштадтом (Оренбургской станицей)³⁹. Начало было назначено на три часа дня, однако уже с 10–11 часов на площади стал собираться народ. К часу дня весь вал, отделяющий город от станицы, и площадь были заполнены зрителями.

Мероприятие началось с пения войскового хора в сопровождении оркестра. Первыми пошли развернутым фронтом в атаку 70 старослужащих казаков. На боевых лошадях сначала “рысью”, а затем “в карьер” с гиканьем они поскокали к городку, несмотря на интенсивную снежную “картечь”, затем, спешившись, быстро полезли на снежный вал. Вскоре какой-то храбрец взобрался на самый верх и захватил флаг. Штурм кончился. В том же порядке брали городок и казаки подготовительного разряда.

Затем за казаками подошла очередь казачат-школьников. Они брали свой снежный городок двумя отрядами: в одном – 10–15-летние казачата, в другом – младше 12 лет. Каждый отряд был численностью 60 человек. Казачата на доморощенных отцовских лошадях выстроились развернутым флангом против городка. По команде “в карьер” понеслись на штурм. И вскоре флаг был захвачен.

После взятия городков состоялись состязания по джигитовке. В конце праздника атаман 1-го отдела генерал-майор Мелянин под музыку войскового оркестра вручил призы отличившимся при штурме казакам и казачатам. В качестве призов выступали, как правило, предметы форменного обмундирования казаков (сапоги, серая рубаха, платок, голубой кушак, папаха и т.д.)⁴⁰. После награждения казачата с флагом, взятым в бою, отправлялись по домам, распевая казачьи песни.

В некоторых станицах снежные городки для школьников строились отдельно около школы. Так, в станице Татищевской сами школьники построили снежный городок на площади около школы, штурм которого был произведен 28 февраля 1899 года⁴¹.

Учащиеся были разделены на два отряда по 27 человек в каждом. Один отряд должен был пешим порядком бежать через снежную стену и брать городок, другой – стоять у стены и сталкивать с нее атакующих. При штурме мальчики показали примерную ловкость, перелетая в один прыжок через стену и через головы защищавших ее. Среди атакующих первый приз – 2 рубля получил ученик Орлов, среди защищавших – Крипанов⁴². Взятие снежных городков на глазах войсковых и станичных начальников по примеру старших имело большое воспитательное значение, развивало у казачат воинский дух, ловкость и отвагу.

Воспитание молодежи на боевых традициях войска, закрепление и демонстрация приобретенных в школе знаний и навыков воинского искусства происходило во время войсковых и полковых праздников. Особое значение в этом отводилось участию детей в войсковом празднике в день Святого Георгия (23 апреля по старому стилю). В торжественном церемониале наряду с принадлежащими к войсковому сословию учащимися кадетских корпусов и иных учебных заведений губернии участвовал и взвод казачат станичных школ⁴³. Ежегодно войсковой праздник заканчивался скачками и джигитовкой на ипподроме, в которых активное участие принимали и казачата-школьники. Лихая джигитовка, как, например, соскакивание с лошади или фланкировка пикой и рубка шашкой, а также стрельба стоя на лошади и другие различные упражнения, показывала ловкость и смелость наездников. По результатам скачек, джигитовки, а также проводимых на празднике гимнастических соревнований победители, в том числе и казачата-школьники, награждались согласно приказу Наказного атамана Оренбургского казачьего войска. Так, в 1892 году по скачкам первый приз, серебряные часы, получил учащийся школы Гирьяльской станицы Нестеренков, который проскакал на своей собственной лошади 3 версты 34 сажени за 4 минуты 30 секунд⁴⁴. За первое место по джигитовке среди школьников серебряные часы получил казачонок Павловской станицы Василий Базаров, за победу в гимнастических упражнениях папаху получил ученик школы Сакмарской станицы Лаврентий Поляков⁴⁵. Кроме состязаний, проводившихся в день войскового праздника, казачата-школьники принимали участие и в скачках, устраивавшихся в разное время года в станицах и поселках войска. Так, в рождественские праздники 1898 года были устроены скачки на призы в станице Ильинской, в которых приняли участие самые малые казачата. Дистанцию они прошли отлично и получили в награду казачье снаряжение⁴⁶.

С созданием в войске военных отделов наблюдение за военной подготовкой в казачьих школах было передано одному из обер-офицеров, находившихся в подчинении атамана отдела. С этого времени военной подготовке стали уделять еще больше внимания, тем более, что с отменой осенних и зимних станичных сборов начальная подготовка молодых казаков оказалась сведенной к минимуму. «Глубоко все осознают, что воспитание будущего воина и его физическое развитие нужно начинать со школьной скамьи, – писал помощник атамана 2-го военного отдела войсковой старшина Д.Е.Серов. – Во многих государствах в этом отношении идет лихорадочная работа, во многих выработаны подробные программы военного воспитания и физического развития детей, и они энергично проводятся в жизнь... Поэтому в настоящее время, более чем когда-либо, все свои надежды приходится возлагать на станичные и поселковые школы, теперь, более чем когда-либо, необходимо военное воспитание и образование в казачьих войсках привести в стройную систему, которую и проводить с непоколебимой настойчивостью, иначе окончательно погибнет в казаках священный огонь – наследие боевого прошлого казачества»⁴⁷.

Для организации перестройки начальной военной подготовки и приведения ее в соответствие с требованиями времени в войске была создана специальная комиссия, которую возглавил Наказной атаман генерал-лейтенант Я.Ф.Барабаш. Комиссия выработала перечень основных мероприятий, которые стали неуклонно претворяться в жизнь и вскоре дали ожидаемые результаты – военная подготовка в казачьих школах была поставлена на должный уровень⁴⁸. Отмечали это и полковые командиры. Так, командир первоочередного 4-го Оренбургского казачьего полка полковник Ш.А.Кочуров докладывал начальнику Войскового штаба, что прибывшее на смену уволенным на льготу казакам пополнение «подготовлено к службе хорошо и не требует длительного обучения в полковой учебной команде».

Для станичных школ было подготовлено специальное учебное пособие «В помощь школам и малолеткам казачьих войск», автором которого был войсковой старшина Д.Е.Серов. На титульном листе пособия было начертано крылатое высказывание А.В.Суворова: «Сам погибай, а товарища выручай». Этот эпиграф как бы определял сущность отношений между казаками, строившихся не столько на палочной дисциплине, сколько на сознательном отношении к своему долгу. По новому учебному плану на военную подготовку специально выделялось по четыре

часа в неделю и три недели в конце учебного года, в течение которых учащиеся отрабатывали и закрепляли на практике полученные знания.

Изучение военных дисциплин начиналось с общих сведений о назначении казачьих войск, войскового и полкового знамени, с формирования умения различать, называть и титуловать воинских чинов. В первой части учебника содержались сведения из дисциплинарного устава и уставов внутренней, гарнизонной и полевой службы. Несколько занятий специально посвящались условиям службы, порядку повышения в чинах и наградам, которые могли получать казаки, находившиеся на действительной службе. Вторая часть учебного пособия называлась "Строевой устав школьников" и содержала в себе подробную программу по гимнастике, играм на открытом воздухе и обучению владению холодным и огнестрельным оружием. В приложениях давались тексты казачьих песен, краткие инструкции по уходу за лошадью, седловке, выезде, джигитовке. Особое значение имело "Краткое наставление инструкторам станичных и поселковых школ при обучении военному делу школьников". В пособии давалась "Таблица-программа сроков обучения школьников предметам военного образования"⁴⁹.

Это пособие сыграло большую роль в упорядочении и совершенствовании военного дела в школах Оренбургского казачьего войска. По нему работали все инструкторы войсковых школ, внося, где это вызывалось необходимостью, незначительные изменения. По прежней школьной программе классные занятия новичков начинались с 15 сентября, а общие (2, 3, 4-е классы) – с 1 октября. По рекомендации комиссии в нее были внесены заметные изменения – начиная с 1911 года к 15 сентября в школы собирали всех без исключения учеников, независимо от срока обучения. До 1 октября они занимались практическими воинскими упражнениями, за исключением первоклассников, которые приступали к изучению основ казачьей службы. Используя теплые погожие дни, инструкторы отрабатывали навыки, полученные в течение теоретического курса, а с наступлением ненастья и холодов занятия переносились в школьные помещения. Благодаря этой мере качество первоначальной военной подготовки казачьей молодежи удалось заметно поднять. Однако начавшаяся вскоре мировая война отвлекла внимание войсковой администрации на более важные дела, и преподавание военных дисциплин в школах вновь перешло в руки уволенных со службы по причине увечья и ранения казаков и урядников.

В соответствии с "Таблицей-программой сроков обучения школьников предметам военного образования" в первый год (9 лет) учащиеся школы получали общие сведения о старшинстве в чинах и титуловании воинских чинов, знакомились с основными положениями уставов и военной гигиены. В первом же классе приступали к разучиванию подготовительных упражнений по гимнастике (обычно в виде игр). Большое внимание уделялось строевой подготовке: учащиеся младшего класса отрабатывали стойку, повороты, отдавание чести, разучивали казачьи строевые песни.

Казачата 2-го и 3-го годов учебы в станичной школе (10–11 лет) изучали текст присяги, сведения о казачьих войсках, более глубоко знакомились с дисциплинарным, строевым, полевым и другими уставами, с 11 лет учились уходу за лошадьми и их седловке. В этих классах у учащихся формировали наблюдательность в ходе практических занятий, приступали к обучению владению оружием. В конце учебного года инструктора проводили занятия на местности по топографии, учили ориентированию и определению расстояния визуальным способом, навыкам конной разведки.

Учащиеся 4-го и 5-го годов обучения (12–13 лет) изучали особенности действий различных родов войск и их взаимодействия, отрабатывали понятия рассыпного строя, движения цепи к пункту атаки, применительно к местности. На заключительном этапе казачата заучивали наизусть обязанности часового, правила субординации по отношению к старшим по чину и начальникам, меры дисциплинарного наказания по суду, отрабатывали навыки стрельбы по мишеням дробинками и многое другое, необходимое для прохождения сборов в лагерях перед выходом на службу в первоочередные полки.

Вклад станичных и поселковых школ в военную подготовку казаков был огромен. Это подчеркивали все, кто в какой-либо степени сталкивался с этой работой. "В школе все воспитание казачат проникнуто требованиями воинской дисциплины, – отмечал "Военный сборник", – ... школа представляет из себя как бы сотню, форменно одетую и вооруженную. Школьники наравне с учебными предметами знакомятся со строевой подготовкой, с необходимой словесностью, словом, еще до перехода в подготовительный разряд проходят всю несложную программу обучения молодых казаков. Подготовительный же разряд и, как завершение его, лагерный учебный сбор перед выходом в полк является как бы венцом станичного обучения малолеток военному делу. Этой подготовке придается большое значение; атаманы отделов при своих инспекторских объездах станиц уделяют внимание и школам,

производя им настоящие смотры. И результаты соответствующие – в сотнях грамотных 95–96 процентов, а станичная военная подготовка малолетков, может быть, и далека от идеальной, но несравненно выше армейской”⁵⁰.

Высокую оценку системе начальной военной подготовки, сложившейся в Оренбургском казачьем войске в конце XIX века, дал один из историков полковник П.И.Авдеев. “Школы эти, – отмечал он, – принесли войску в свое время немало пользы. Изучившихся в них и теперь есть штаб-офицеры, с честью занимающие высокие посты в войске”⁵¹. Среди воспитанников станичных учебных заведений немало лиц, окончивших впоследствии военные училища и академии. В их числе следует назвать генералов А.И.Дугова, И.Г.Акулинина, Н.П.Мальцева, Н.А.Наследова, М.В.Ханжина и многих других выходцев из казачьего сословия, оставивших заметный след не только в истории войска, но и страны в целом.

Предпринятые войсковой администрацией усилия по организации военной подготовки школьников в определенной мере повлияли на улучшение военной подготовки оренбургских казаков в целом, о чем неоднократно сообщалось в приказах командующих теми военными округами, на территории которых несли службу конные казачьи полки.

Примечания

- 1 См.: Кривошеков А.И. Обряды и обычаи оренбургских казаков // Вестн. Оренбург. учеб. округа. 1915. № 7. С.234.
- 2 Военный сборник. 1874. № 4. С.292.
- 3 Голубых М.Д. Казачья деревня. М.; Л., 1930. С.240.
- 4 См.: Мамонов В.Ф., Кобзов В.С. Пограничная линия: Казаки Урала на защите рубежей Отечества. Челябинск, 1992. С.85.
- 5 Серов Д.Е. В помощь школам и малолеткам казачьих войск. Оренбург, 1910. С.9.
- 6 Семенов В.Г. Назидание потомкам // Оренбург. неделя. 1891. 25 янв.
- 7 См.: Приказы по Оренбургскому казачьему войску. 1915. № 34.
- 8 Кривошеков А.И. Указ. соч. № 3. С.101.
- 9 ГАЧО, ф.И-10, оп.1, д.89, л.26.
- 10 Оренбургские губернские ведомости. 1863. 25 мая.
- 11 Кривошеков А.И. Указ. соч. № 6–7. С.234.
- 12 ГАОО, ф.1912, оп.2, д.97, л.2 об.

- 3 См.: Семенов В.Г. Краткая хроника Оренбургского казачьего войска // Новое поколение. 1991. 24 авг.
- 4 См.: Глинкин А.В., Лазарев А.И. Песни оренбургских казаков. Старые и новые записи. Челябинск, 1996. С.13.
- 5 РГВИА, ф.1442, оп.1, д.1, л.45.
- 6 См.: Семенов В.Г. Судьба казачьих офицеров Мякутиных // Оренбургское казачье войско: Культура, быт, обычаи: Межвуз. сб. науч. тр. Челябинск, 1996. С.126.
- 7 См.: Серов Д.Е. В помощь школам и малолеткам казачьих войск: Приложение. Оренбург, 1910. С.4–21.
- 8 Ельницкий К. Патриотическое чувство и воспитание его // Вестн. Оренбург. учеб. округа. 1914. № 2. С.82.
- 9 Оренбургское казачье войско // Военный сборник. 1874. № 4. С.292.
- 10 ГАЧО, ф.10, оп.1, д.72, л.78.
- 11 Там же, д.78, л.24.
- 12 Приказы по Оренбургскому казачьему войску. 1851. № 214.
- 13 См.: Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 9–10. Оренбург, 1910. С.602.
- 14 Серов Д.Е. В помощь школам и малолеткам казачьих войск. С.67.
- 15 ГАЧО, ф.30, оп.1, д.6, л.23.
- 16 Материалы по историко-статистическому описанию... Вып. 9–10. С.602.
- 17 Серов Д.Е. В помощь школам и малолеткам казачьих войск. С.15.
- 18 2 ПСЗ. Т.15. Отд.1. № 14041.
- 19 ГАЧО, ф.30, оп.1, д.6, л.23.
- 20 ГАОО, ф.185, оп.1, д.9, л.16.
- 21 См.: Казачий вестник. 1910. № 4. С.26.
- 22 ГАОО, ф.185, оп.1, д.9, л.6.
- 23 Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Во славу государства Российского: Начальное образование и военная подготовка в Оренбургском казачьем войске. Челябинск, 1994. С.49.
- 24 Школьное образование в Оренбургском казачьем войске за 1819–1895 гг.: (Краткий исторический очерк). Составил подьяесаул С.Н.Севастьянов. Оренбург, 1896. С.12.
- 25 Серов Д.Е. В помощь школам и малолеткам казачьих войск. С.70.
- 26 Там же. С.71–72.
- 27 См.: Оренбургская газета. 1899. 6 марта.
- 28 См.: Оренбургские губернские ведомости. 1897. 25 февр.

- 39 См.: Оренбургская газета. 1899. 6 марта.
 40 См.: Кривошеков А.И. Указ. соч. № 6-7. С.242.
 41 См.: Оренбургские губернские ведомости. 1897. 25 февр.
 42 См.: Оренбургская газета. 1899. 6 марта.
 43 Там же. 1898. 21 апр.
 44 См.: Оренбургский листок. 1892. 3 мая.
 45 ГАОО, ф.37, оп.3, д.200, л.7.
 46 См.: Оренбургская газета. 1898. 14 янв.
 47 Военный сборник. 1909. № 2. С.45.
 48 См.: Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Указ. соч. С.51.
 49 Серов Д.Е. В помощь школам и малолеткам казачьих войск. С.5.
 50 Военный сборник. 1904. № 4. С.38-39.
 51 Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, составленная советником Войскового хозяйственного правления полковником П.И.Авдеевым в 1873 году. Оренбург, 1904. С.118.

А.П.Абрамовский, В.С.Кобзов

ПРОДРАЗВЕРСТКА В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГУБЕРНИИ (август 1919 г. – март 1921 г.)

Большевики в октябре 1917 года свергли аморфное Временное правительство, разогнали Учредительное собрание и, войдя на короткое время в коалицию с левыми эсерами, от имени народа присвоили себе право единолично определять судьбу многомиллионного населения России. Провозгласив строго направленную классовую политику в экономике, социальной сфере, культуре, они очень скоро остались в одиночестве на политической арене республики – одни партии были опельменованы и запрещены, другие, например, их недавние политические союзники – левые социалисты-революционеры, сами поспешили отмежеваться от левозкстремистской организации, явно ведущей корабль российской государственности к неминуемому краху. Однако это ничуть не смутило прозорливых и всезнающих большевистских лидеров – вслед за национализацией земли были экспропрированы транспорт, промышленность, банковское дело, распущена армия, правоохранительные органы, ликвидирован прежний механизм государственного управления. Самонадеянность борцов за народное счастье дошла даже до отрицания товарно-денежных отношений,

которых отнюдь не наивные мечтатели видели источник всех бед, эксплуатации человека человеком. Возведя это утверждение в ранг классовой политики, радители народа заявили о стремлении построить такое общество, в котором даже самая возможность эксплуатации трудящихся была в корне невозможна.

Однако лозунги остаются лозунгами, а суровая проза жизни очень скоро дала понять лидерам большевиков, что политическая и экономическая ситуация стала медленно, но неуклонно выходить из надуманных ими схем. Национализация всей без исключения промышленности и банковской системы, разгром "буржуазного" инженерно-технического персонала, разрушение отлаженных десятилетиями экономических связей и рынков сбыта готовой продукции – все это предопределило окончательный развал российской промышленности. Заводы встали, продукция не выпускалась, банки не работали, поэтому рабочим перестали платить заработную плату, что уже зимой 1918 года вызвало резкое недовольство ожидавших молочных рек пролетариев.

Медленно развивалось и сельское хозяйство страны. Старые деньги превращались в бумагу, новые совзнаки не были ничем подкреплены. Самое главное – крестьяне не могли, как прежде, свободно приобретать необходимые им промышленные товары. В условиях нарастающего экономического кризиса некоторое время новой власти удавалось обеспечивать снабжение городов продовольствием за счет контрибуций на "буржуазию", в разряд которой наряду с торговцами и самостоятельными гражданами, стало попадать зажиточное крестьянство и значительная часть казачества. Но грабежами долго не проживешь, и уже к весне уфимским большевикам в голову пришла "светлая" мысль об изъятии у сельского производителя "излишков" хлеба по твердым ценам. Для этой цели в деревни и станицы стали посылаться вооруженные отряды, выгребавшие эти самые "излишки" как заблагорассудится. Земля еще только номинально перешла в руки тех, кто ее обрабатывал, крестьяне не успели на ней вырастить ни колоска, как власть стала с них требовать продовольствие за бумажные деньги, на которые в обстановке экономического кризиса практически ничего нельзя было купить.

Особенно бесперемонно и жестоко "посланцы промышленных центров и рабочих поселков" обращались с казачьим населением. Казачество мало разбиралось в хитросплетениях политических лозунгов и интуитивно держалось в стороне от происходивших событий. Однако так называемый "нейтралитет" казачества продлился недолго – сначала большевики отказали ему в

праве иметь свое самоуправление, затем стали открыто грабить, заставляя неизвестно за какие преступления перед пролетариатом выплачивать громадные суммы контрибуций. К весне под видом борьбы с мифической дутовщиной местные партийные деятели, дабы оправдать свою неспособность к "укреплению на Урале советской власти", стали широко применять индивидуальный и массовый террор по отношению к казачеству. Только по официальным сведениям Войскового правительства Оренбургского казачьего войска красногвардейскими отрядами весной 1918 года с использованием артиллерии было сожжено 19 казачьих станиц (3285 жилых строений)¹.

Периодика тех лет сохранила страшные по своей сути примеры действий таких отрядов, выступавших за "справедливость, равенство и братство". Вот только одно из таких свидетельств, запечатленных в газете "Оренбургский казачий вестник". В статье Н. Горного "Исторический документ" сообщалось: "...Все известно, что станица Павловская была сожжена большевиками 19 мая. Об этом мы знаем только как о пожаре. Пожар видели все, и ни для кого это не кажется чем-то необычным. Но в Павловке во время набега и поджога 19 мая 1918 года было нечто ужасное, о чем мало кто знал. Только теперь по официальным данным видно, какую во время пожара большевики творили там варварскую работу.

Атаманом Павловской станицы присланы документы, относящиеся к борьбе с большевиками. В числе других бумаг, имеется исторический документ – список жителей, убитых большевиками во время набега на Павловку 19 мая. В этом списке написано буквально следующее: 1) Казак Василий Ефимович Енин, 80 лет, дряхлый и параличный, заколот штыком и сожжен; 2) Герасим Ефимович Енин, 70 лет, дряхлый и калека, застрелен пулей и сожжен; 3) Его жена Прасковья Ивановна, 70 лет <...> 9) Вдова Дарья Шевцова, 95 лет, дряхлая и больная, сожжена в избе; <...> 11) Дмитрий Степанович Алехин, 18 лет, зарублен и сожжен <...>². И, таким образом, в списке 15 фамилий людей в возрасте от 18 до 95 лет. Комментарий здесь излишни.

Размах репрессий и незаконных действий принял такие масштабы, что местные власти в лице Оренбургского губисполкома вынуждены были издать специальное постановление, требовавшее "принять энергичные меры по борьбе с этими разрушениями"³.

Весной 1918 года на Южном Урале имело место и несколько крупных крестьянских восстаний, направленных против губительской политики советской власти, в частности Ай-

линское, Месягутовское, Верхне-Кигинское. Крестьяне отказались отдавать хлеб и разгромили присланные из Златоуста и Уфы продотряды. За этими восстаниями на долгие годы в советской исторической литературе устойчиво закрепилось определение "кулацко-эсеровские". Парадокс состоит в том, что при ближайшем знакомстве с материалами расследования оказывается, никаких кулаков там и в помине не было – отказавшихся сдавать хлеб даже по большевистским меркам можно причислить к беднейшим слоям деревни. А вот подвергшимся разгрому отрядом, к примеру, в Месягутово командовал член Златоустовского уисполкома ...левый эсер Н. К. Рудаков⁴.

Именно произвол реквизиционных отрядов, помноженный на политические и социальные притеснения основной массы населения Урала и в том числе Оренбургской губернии, во многом обусловил нарастание политического кризиса советской власти.

Этот кризис разрешился по-большевистски: их политические противники, поставленные после Октября вне закона – меньшевики, эсеры, народные социалисты и пр., используя недовольство населения, выступление чехословаков и опираясь на местное крестьянство, казаков и рабочих, просто разогнали советы, арестовали наиболее проявивших себя в деле переустройства старой жизни активистов и создали основанные на широком политическом представительстве новые органы самоуправления.

Однако и режиму "демократической контрреволюции", как он традиционно именуется в исторических работах, долго продержаться не удалось. В ноябре 1918 года в Омске произошел переворот, и на обширной территории Поволжья, Урала и Сибири установилась военная диктатура. По мере затягивания борьбы с большевизмом, колчаковская власть все более быстрыми темпами стала терять авторитет и поддержку у населения. Этому в немалой степени способствовали просчеты в экономической политике, произвол военных властей, пренебрежение законами, мобилизации в армию и многие другие непопулярные меры Омского правительства. Свою лепту внесли и большевистская пропаганда, и успехи Красной Армии в боевых действиях на востоке страны. Поэтому к весне 1919 года значительная часть населения Южного Урала ожидала советские войска как желанных освободителей, наивно полагая, что полученный большевиками в 1918 году опыт пойдет им впрок.

Вне всякого сомнения – урок был учтен, но весьма своеобразно. От демократических принципов организации власти большевики отказались как от ненужного хлама уже в процессе про-

движения на Урал, обосновав это необходимостью мобилизации всех сил и ресурсов на борьбу с контрреволюцией. Не отметив и годовщины первой советской Конституции, они в обход нее стали создавать чрезвычайные органы власти – революционные комитеты, подменявшие собой представительные советы, избравшиеся населением. Контролируя процесс восстановления местных органов управления в освобожденных районах, большевики могли назначать в состав ревкомов лояльных к советской власти людей преимущественно из собственных рядов, либо сочувствующей их идеям части местного населения.

Непосредственное проведение этой работы ЦК РКП(б) поручило армейским политорганам, в структуре которых создавались специальные подразделения, так называемые крестьянские подотделы и секции. Работники этих подразделений, комиссары дивизий, полков и батальонов в полосе действия своих частей по освобождению того или иного района, города или деревни выявляли сочувствующих советской власти, формировали аппараты ревкомов, назначая их руководителями армейских политработников. По мере налаживания работы представители армии отзывались в свои части и вновь направлялись на соответствующие должности в освобожденные к тому времени районы Урала.

На создаваемые чрезвычайные органы власти возлагались обширные задачи – от восстановления общественных организаций, поддержки “революционного порядка” до оказания помощи наступавшей армии людскими и материальными ресурсами. Ревкомы, в отличие от советов, были призваны действовать чрезвычайными, т.е. принудительными мерами, чем сокращалось время от поступления до исполнения любого распоряжения вышестоящих властей, партийных органов, либо армейского командования.

Сеть ревкомов на территории будущей Челябинской губернии была создана уже к середине августа 1919 года и включала в себя уездные, станичные, волостные и сельские (поселковые) комитеты. В начале сентября в связи с созданием самостоятельной административно-территориальной единицы был создан и Челябинский губернский революционный комитет, который возглавил бывший председатель городской Думы (до лета 1918 года), один из лидеров уральской организации партии социалистов-революционеров М.Х.Поляков⁵.

Одной из наиболее важных задач, стоявших перед ревкомами Челябинской губернии, было обеспечение наступавшей 5-й армии Восточного фронта (командующий М.Н.Тухачевский) ма-

териально-техническими ресурсами, в том числе обмундированием и продовольствием. Продовольствие во все возрастающих объемах требовалось для “центра”, а также обеспечения населения городов и рабочих поселков. Из разряда экономических эта проблема уже к началу осени 1919 года стала перерастать в политическую. Большевики прекрасно понимали: если не накормить городское и рабочее население, то советской власти долго удержаться не удастся. Голодное брюхо абсолютно не восприимчиво к политическим лозунгам, поэтому требовалось много хлеба, мяса, жиров и других продуктов сельского хозяйства.

Продвигаясь на Урал, пролетарская власть преследовала цель взять под свой контроль не только один из центров российской промышленности, но и возлагала большие надежды на его сельское хозяйство, способное дать громадное количество необходимого продовольствия. Не случайно, что предсовнарком В.И.Ленин, ставя перед командованием Восточного фронта задачу завоевать Урал, отмечал: если она не будет выполнена до зимы, “считаю гибель революции неизбежной”⁶.

Даже по самым скромным подсчетам, имевшегося в земледельческих районах губернии хлеба и другого продовольствия должно было хватить для удовлетворения неотложных нужд армии и центра. До революции на ее территории в среднем засевалось не менее 7,2 дес.хлебов на одно крестьянское хозяйство (для сравнения: в Самарской – 6,2 дес., в Уфимской – 5,3 дес., Пермской – 3,4 дес.); в среднем крестьянские хозяйства имели 15 голов скота (в Самарской – 12,5; в Уфимской – 11,8; в Пермской – 8,1). Общая посевная площадь земельных культур в период 1914–1916 годов составляла более 1,5 млн десятин, и при среднем урожае в 40 пудов крестьянство и казачество собирало более 60 млн пудов хлеба. Челябинцы сеяли преимущественно пшеницу “Кубанку” (58% всех посевов) и только 0,7% посевных площадей занимала рожь.

Уже 2 августа 1919 года Челябинский ревком получил первое задание центра на поставку продовольствия. На первом этапе было решено на выполнение полученного задания пустить хлеб с брошенных полей, для чего приступили к созданию специальных отрядов из беженцев. В августе на уборку полей ревком направил 1526 человек, а к октябрю на полях работало уже 15 отрядов, силами которых было убрано 10 тыс.десятин пшеницы, 6,5 тыс. дес. овса, заготовлено большое количество сена для кавалерийских полков 5-й армии.

Семь отрядов по 100 человек в каждом направил в уезд Курганский ревком, более 4 тыс.дес брошенных полей было выяв-

лено в Верхнеуральском уезде, 1815 тыс.десятин – в Троицком. “Несмотря на громадные трудности, – отмечалось в отчете земельного отдела Троицкого ревкома, – при посредстве местных ревкомов за некоторым исключением уборку всех полей бежавших, так и наличного населения, закончили своевременно”⁷.

Складывавшаяся в начале 1919 года политическая обстановка в губернии не способствовала расширению объемов посевных площадей, колчаковские службы также немало выкачали у населения продовольствия, значительная часть хлебов погибла на корню в ходе боевых действий между красными и белыми частями. Только, к примеру, в Курганском уезде погибло 43017 дес. посевов, в Челябинском – 9233 дес., в Троицком – 3575 дес., в Верхнеуральском – 3699 дес., в целом по губернии потери хлебов составили 60852 десятины⁸. Несмотря на все сложности, наступавшим частям Красной Армии местное население, в том числе и казачье, оказывало добровольно посильную помощь продовольствием. К примеру, только в 5 казачьих станицах в начале осени 1919 года население собрало и передало советским войскам 17491 пуд пшеницы, 8529 пудов овса и ячменя, 35988 пудов сена, 2063 пуда отрубей, 4462 пуда муки, 2032 пуда пшеничного хлеба, 75 голов крупнорогатого скота и многое другое⁹.

Но столь мизерные поставки не удовлетворили ни центр, ни местных совпартработников. Хлеба требовалось много, и дать его должно было сельское население. Укрепив свое положение, убедившись, что местное население в целом благожелательно встретило советскую власть, а организованное сопротивление “контрреволюционных элементов” подавлено, власть приступила к широкомасштабному выкачиванию продовольствия у крестьян и казаков, лукаво обозвав его “излишками”.

Еще задолго до начала наступления советского Восточного фронта, 21 января 1919 года Совнарком принял “Декрет о разверстке зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства, между производящими губерниями”. В нем отмечалось, что количество обязательного отчуждения хлеба и фуража устанавливается народным комиссаром продовольствия по установленным твердым ценам и с учетом размеров урожая, имеющегося запаса и норм потребления населением. “Сельские хозяйства, не сдавшие к установленному сроку (к 15 июня. – Авт.) причитающегося на них количества хлебофуража, подвергаются безвозмездному принудительному отчуждению обнаруженных у них запасов. К упорствующим из них и злостно скрывающим свои запасы применяются суровые меры, вплоть до конфискации иму-

щества и лишаются свободы по приговорам народного суда”¹⁰, – так заканчивался этот документ.

К работе по разверстке продовольствия Челябинский губревком приступил через месяц после изгнания с Урала колчаковских войск. Приказом № 7 от 18 августа 1919 года в то время, когда начались работы по уборке хлеба с брошенных полей, было уже установлено, что продовольственная разверстка определяется от наличия хлебов урожая 1918 года и более ранних лет¹¹.

Объем продразверстки на губернию определялся астрономической цифрой – 21 млн 160 тыс.пудов. Губревком не принял во внимание тяжелые условия прифронтовой полосы, когда часть посевов была уничтожена противоборствующими войсками, а скот, и не только тягловый, забирался проходившими мимо как белыми, так и красными войсками безвозмездно. Потеря зерновых нового урожая, даже по самым скромным подсчетам, оказалась огромной – более 3 млн пудов. Этого количества хлеба вполне могло хватить, чтобы прокормить все городское население губернии в течение 1 года 7 месяцев. Для выполнения задания в губернии было сформировано 33 продотряда, сведенные в 3 продполка¹².

В соответствии с указанием из Москвы, каждому району, селу, станице определялась строго установленная норма хлебопродуктов, как правило, без учета сбора нового урожая и состава семьи. Кроме того, Челябинский ревком приказом от 18 августа 1919 года установил, что при определении продразверстки необходимо учитывать урожай прошлых лет. Непосредственное проведение этой работы возлагалось на специально созданную сеть продорганов – к концу августа в губернии уже действовало 22 райпродкома, имевших в своем составе райпродкомиссаров и специальных уполномоченных работников. Возглавлял эту пирамиду губернский продовольственный комитет, формированием которого занимались уполномоченные Наркомпрода А.С.Якубов и А.Н.Торопов.

Приступая к хлебной заготовке, Челябинский губпродком открыл 12 ссыпных пунктов для приема зерна: на железнодорожных станциях Аргаяш, Есаульская, Каясан, Полетаево, Шумиха, Чумляк, Юргамыш; в Челябинске на мельницах Архипова и мучкомольного товарищества; в станицах Усть-Уйской и Еманжельинской и селе Куртамыш. Из них голодающему центру только за 4 месяца 1919 года был отправлен 1441 вагон с хлебом – всего 1 млн 340 тыс.пудов¹³. К концу 1920 года в губернии насчитывалось уже 40 ссыпных пунктов¹⁴.

В советской историографии прочно укоренилось мнение о том, что власть не просто изымала у сельского населения продовольствие и сельскохозяйственное сырье, а закупала по установленным ценам, преследуя в том числе и цель борьбы со спекуляцией. Действительно, Губпродкомом были установлены твердые закупочные цены на продукты: рожь, пшеница, ячмень – 30 рублей за пуд; просо – 34 рубля, гречиха – 41 рубль; горох – 50 рублей. О том, насколько смехотворной является оценка изымаемых по разверстке продуктов, ярко говорят реальные цены того времени. Если по состоянию на 1 сентября 1919 года фунт (400 г) пшеничной муки стоил 2 рубля, то к 1 июня 1920 он поднялся в цене до 45 рублей. Аналогично росли цены и на другое продовольствие – фунт сахара с 25 вырос до 1000 рублей, животные жиры – с 15 до 850 рублей, чай фамильный – со 100 до 8000 рублей¹⁵. Таким образом, наблюдался ежемесячный рост цен на продукты питания, в то время как цены на изымаемые по продразверстке “излишки” продовольствия оставались твердыми, т.е. не менялись. Рост стоимости продовольствия можно проследить и на примере установленного суточного продуктового пайка, заменившего собой в условиях политики “военного коммунизма” заработную плату для рабочих и служащих. Его показатели на “свободном” рынке были следующие: в сентябре 1919 года – 9 рублей, в октябре – 18,1 руб., в ноябре – 31,4 руб., в декабре – 58,9 рубля. В 1920 году цены поползли вверх еще быстрее – если на 1 января стоимость продпайка определялась в 75,2 рубля, то уже 1 июня он оценивался в 299,4 руб.¹⁶

Можно возразить, что рыночная цена всегда выше установленной государством. Можно. Но необходимо учитывать, что свободная торговля большевистским правительством была запрещена, и торговцы, а также пытавшиеся что-то продать крестьяне, жестоко преследовались. Приведенные нами “рыночные” цены – не что иное, как преискурант кооперативных лавок, широко создававшихся в первые годы профсоюзами. Государственная стоимость суточного пайка в январе 1920 года составляла 88,3 руб., к июлю она выросла незначительно – до 94,0 руб. Разница между “рыночным” и “государственным” продпайком заключалась только в том, что первый всегда можно было свободно приобрести, а дешевый “государственный” рабочие не получали в полном объеме никогда, и выдача его постоянно задерживалась. Не случайно, что уже в октябре 1919 года местные власти ввели в Челябинске карточную систему снабжения населения продовольствием.

Катаклизмы революции и гражданской войны привели к резкому снижению жизненного уровня населения губернии. Отток рабочих рук, грабежи под различными политическими лозунгами (“За мировую революцию”, “За единую и неделимую”), износ сельхозорудий, сокращение поголовья лошадей и многие другие причины обусловили упадок сельского хозяйства некогда одного из наиболее хлебобородных и наиболее богатых регионов. К началу 1920 года посевная площадь в губернии сократилась в 5 раз и составляла всего 20% от площади 1916 года, поголовье лошадей составило 40,7% от дореволюционного, крупнорогатого скота – 30,2%, овец – 30,8%. У крестьян и казаков хлеба от урожаев прошлых лет в наличии было мало – даже по официальным данным на одного едока приходилось всего по 19 пудов (в 1916 году – 50 пудов), поэтому выполнение продразверстки шло крайне напряженно. Ни районные продуполномоченные, ни контрагенты, опиравшиеся на декрет о хлебной монополии, согласно которому все излишки хлеба являлись достоянием советского государства и подлежали безоговорочной сдаче на сыпные пункты, значительных успехов достичь не сумели. В 1919 году в Челябинской губернии сумели заготовить зерна только 2 млн 481 тыс. пудов или 27% от плана, в том числе на сентябрь – 200 тыс., октябрь – 600 тыс., ноябрь – 900 тыс., декабрь – 1 млн 100 тыс. пудов¹⁷. “Хлебная разверстка выполнена в размере 1700 из положенных 70235 пудов, – сообщалось из станицы Куракульской. – Разверстку население выполнить не сможет, так как наличие хлеба небольшое, у кулачества все излишки отобраны”¹⁸. Подобного рода донесения поступали со всех станиц и волостей губернии: у населения хлеба было в обрз – для семенного фонда и пропитания семей. Но его крестьяне отдавать не собирались, да и подвести семенной фонд под “излишки” было невозможно. Можно было только ограбить сельчан под прикрытием очередного революционного лозунга, а нежелавшим умирать от голода – прилепить ярлык либо кулака, либо врага советской власти, что собственно было равноценно.

Сложившееся с выполнением продразверстки положение не могло удовлетворить ни местные власти, на которые постоянно осуществлялся нажим из Москвы, ни центральное руководство, находившееся под давлением голодной массы совслужащих, рабочих и красноармейцев тыловых районов. Попробуй, сорви снабжение – получишь новую февральскую революцию, когда толпа полуголодных женщин, требовавших хлеба, без особого труда свалила трехсотлетнюю романовскую монархию. Власть ведь тогда страшна, когда ее боятся. Опасаясь очередного

окрика из Москвы, местное руководство в лице губревкома 24 октября 1919 года проанализировало двухмесячную работу по сбору зерна, потребовав от советских и партийных работников коренного улучшения организации этой работы, и наметило более жесткие сроки выполнения продразверстки: 35% объема – к 15 февраля, 20% – к 15 апреля, 15% – к 30 июня¹⁹. Районные органы советской власти принимали всевозможные меры для выполнения продразверстки, однако, как свидетельствуют документы, она осуществлялась “в самом малом количестве”. В райпродкомы поступали протоколы станичных сходов о том, что лишнего хлеба уже нет, скоро есть будет нечего и всем будет грозить голод. “Но я не обращал внимания на их протоколы, – указывает в одном из своих отчетов уполномоченный по Полтавскому району, – настойчиво требовал о выполнении. Сам выезжал в станицы, выступал на собраниях, грозил судом”²⁰.

Уездные исполкомы и райпродкомы зимой и особенно ранней весной почти ежедневно получали заявления и ходатайства от волостей и станиц об уменьшении хлебной разверстки или о ее снятии. “Во всех этих заявлениях много говорится о голодных бедняках, которые останутся без хлеба в случае выполнения разверстки”, – указывалось в одном из приказов Троицкого горuezдного исполкома²¹. Но это никого из совпартверхушки не волновало, задания не только не уменьшались, но и даже увеличивались.

Местные работники срыв выполнения разверстки, как всегда, свалили на стрелочника – кулака, который вел иезуитски тонкую агитацию против изъятия у населения хлебных “излишков”. “Хлеб возьмут, а вам, беднякам, придется умирать с голоду, – раскрывалась в одном из документов коллегии губпродкома сущность контрреволюционной пропаганды врага народа кулака, – а когда бедняк приходит к кулаку и просит хлеба, он говорит – не могу, я выполняю разверстку и выходит – ни бедняку, ни государству. А сами кулаки умышленно затянули обмолот пшеницы, пытаясь доказать этим отсутствие у них наличного зерна”²². Обмолот зерна был взят под контроль продкомитетов. Уездные отделы управления провели регистрацию кулацких и других нетрудовых элементов, запретив им выезд за пределы волостей и станиц²³.

В начале февраля 1920 года в адрес Челябинского губпродкома поступила телеграмма-приказ за подписью предсовнаркома В.Ленина и наркомпрода А.Цюрупы. “Предписываю губпродкомиссарам, упродкомиссарам, райпродкомиссарам немед-

ленно предъявить требования к председателям и членам президиумов волостных, станичных, сельских и поселковых исполкомов и коммунистических ячеек немедленно, безоговорочно сдать полностью все продукты, причитающиеся по разверстке, не сдавших немедленно арестовывать и препровождать для содержания в губернскую тюрьму. Приказ этот широко опубликовать, об исполнении его сообщить компроду (народному комиссару продовольствия. – Авт.) по установленным десятидневкам, за точностью выполнения приказа отвечают губернские, уездные и районные продкомиссары. Продовольственное положение республики и рабочих, голодающих в центре, требует энергичной работы и беззаветной преданности продработников”²⁴.

На основе этой телеграммы последовали три грозных первомартовских приказа, подписанные председателем губкома РКП(б) Р.Эйхе, предгубревкома М.Поляковым, губпродкомиссаром А.Тороповым и губвоенкомом Б.Каврайским “О милитаризации продовольственных органов” Челябинской губернии. В своем стремлении выкачать у населения продовольствие власти не останавливались ни перед чем, готовы были обрушить самые тяжкие кары на головы нижестоящей совпартноменклатуры. В частности, в приказе № 1 разъяснялось, что распоряжением народного комиссара А.Д.Цюрупы продовольственные органы советской власти милитаризованы. “С этого дня продработник, не исполнивший боевого приказа, – подчеркивалось в документе, – будет судиться так же строго, как солдат, отказавшийся идти в бой; продработник, не делающий своего дела, будет приравнен к тем, кто сознательно помогает врагам советской власти. Все, кто будет мешать работе по выполнению разверстки, будет беспощадно отстраняться с пути”²⁵. Губернские власти жестко требовали принятия райпродкомами срочных мер по выполнению продразверстки в установленные сроки. Через каждые три дня, к 18 часам, им предписывалось сообщать в губпродком и губстатбюро “точные краткие цифровые сводки о выполнении разверстки, приравняв их к оперативным”. За любые промедления в исполнении этого приказа прозвучало предание виновных суду ревтрибунала.

Приказ № 2 уточнял, что райпродкомитеты несут полную ответственность за своевременную сдачу хлеба по произведенной разверстке и доставку его к станциям железной дороги. Все советские учреждения обязывались выделять необходимое количество ответственных работников для оказания помощи в выполнении разверстки исполкомам волостных, станичных и сельских советов. “За неприятие решительных мер для получения хлебных излишков

виновные арестовываются и передаются губчека”, – грозно указывалось в этом документе. Кроме того, были определены сроки выполнения продразверстки по всем 12 районам губернии. В связи с тем, что за первые 2,5 месяца 1920 года реализация плана продразверстки не продвинулась ни на шаг, то вся задолженность в размере 9 млн 640 тыс. пудов должна была быть ликвидирована к апрелю. Все собранное зерно должно было доставляться на съезные пункты, находившиеся на железнодорожных станциях.

Руководство этой работой, особо подчеркивалось в приказе № 2, возлагалось на районных чрезвычайных уполномоченных, их помощников и командиров специальных продовольственных отрядов.

Что же касается приказа № 3, то он предоставил чрезвычайным районным уполномоченным право немедленного ареста отдельных продработников, а также членов волостных и станичных исполкомов советов и коммунистических ячеек, не принимавших мер к выполнению продразверстки. Все эти приказы приравнивались к боевым и должны были неуклонно выполняться. “Малейшая непредусмотрительность и заминка в работе, – особо подчеркивалось в этой жестком документе, – будет караться, как тяжкое преступление по должности”²⁶.

Рьяно взявшись за выполнение продразверстки в уездах, в ряде сел и станиц выгребли хлеб подчистую, в том числе и семенной фонд. Весной 1920 года губернские власти были вынуждены завозить в станицы деревни семена для проведения посевной кампании. Было роздано малоимущим хозяйствам 245 тыс. пудов, в том числе: пшеницы – 137 тыс., овса – 96 тыс. пудов и др.²⁷ Успешно проведенная ранняя посевная кампания вселяла надежды на хороший урожай хлебов и трав. Но вскоре весеннее тепло перешло в засуху и взопевшие посевы стали засыхать. Неправильный вред нанесла появившаяся в неисчислимых количествах кобылка (саранча), губившая всю молодую растительность. В южных районах губернии, сильнее других пострадавших, хлеба постепенно погорели, “травы степные, незаливные – высохли, заливные в самом плохом состоянии, сбор кормов ощущается в недостаточном количестве для скота в зимний период”, – отмечается в отчете Полтавского райпродкомиссара о работе за июль 1920 года²⁸.

Однако тяжелое экономическое положение Челябинской губернии не было принято во внимание центральной властью. Наркомпродом была наложена продовольственная разверстка в размере 17 млн пудов, но в связи с отходом к Киркраю Кустанай-

ского, Федоровского, части Троицкого и Куртамышского районов, ее размер был сокращен²⁹.

На четвертой челябинской губернской конференции РКП(б) Р.И.Эйхе информировал делегатов об объеме продразверстки, отметив, что ее выполнение является боевой задачей всего партийного и советского аппарата. Под продразверсткой подразумевалось выполнение 23 ее видов, в частности: хлебная – 10 млн 320 пудов, мясная – 94 тыс. голов крупнорогатого скота и 284 тыс. овец, масляная – 123 тыс. пудов, картофельная – 1 млн пудов, яичная – 14 млн штук, мяса птицы – 60 тыс. пудов. Предусматривалась разверстка и на субпродукты как то: кожу, шерсть, рога и копыта³⁰.

Народный комиссариат продовольствия направил всем волостным и сельским советам письмо, в котором разъяснял методы проведения продразверстки, в частности отмечалась необходимость дифференцированного подхода, т.е. с учетом мощности хозяйств – чем оно богаче, тем большее количество продуктов должно на него приходиться. Для этого Наркомпрод требовал руководствоваться следующими правилами: а) распределять продовольственный наряд между зажиточным населением; б) если эти хозяйства “не покроют собой всего наряда, тогда недостающее количество хлеба распределять между хозяйствами “среднего достатка”, принимая во внимание количество земли и собранного урожая, состав семьи, чтобы наряд в основном приходился на хозяйства с “наибольшим достатком”³¹.

Через пять дней “Советская правда” в статье “Как должна выполняться государственная разверстка?” разъясняла, что основной груз должен лечь на плечи деревенских буржуев-кулаков, “беднота должна быть совершенно освобождена от выполнения этой разверстки. Середняк должен давать хлеб в самом ограниченном количестве”³². Но все это оставалось не более, чем благими намерениями – хлеб и другое продовольствие изымалось у всех, у кого его находили. Когда же в станицах и деревнях поднялась волна возмущения, то власти вновь все свалили на кулака, “крайне малочисленного, но влиятельного”. Именно ими, как объясняли большевики несознательным сельчанам, продразверстка распределялась поровну между всеми жителями. “Кулачество говорило, что в условиях советской власти нет богатых и бедных, а все поставлены в равные условия. Раз земля поделена поровну, – устами кулаков выпала газета “Советская правда”, – то значит и все должны вносить одинаковое количество продуктов продовольствия”³².

Фигура последнего российского императора Николая II противоречива и неприятна, и, на наш взгляд, именно на нем лежит ответственность за постигшую Россию в 1917 году страшную трагедию. Хотя Николай еще в 1903 году, выступая в Курске на церемонии открытия памятника своему отцу Александру III, сказал, обращаясь к представителям российского крестьянства, пророческие слова: "<...> нельзя разбогатеть за счет грабежа чужой собственности. Только честный и упорный труд, бережливость и следование Божьим советам принесут вам благо"³³. Увы, не вняли. Как сладко грабить соседа, не сознавая неизбежности того, что завтра ограбят тебя... В этом, к сожалению, проявилась вся наша сущность. Думали, пронесет за счет других... Не получилось. Установка на перенос всей тяжести повинности исключительно на зажиточные хозяйства импонировала так называемым беднякам и ими приветствовалась, но на деле получилось все иначе. В капкан попали все – и зажиточные, и беднейшие слои. Именно в этот период начинается закат российского крестьянства, кормившего не только свою страну, но и вывозившего большое количество хлеба, масла, сыра и другого продовольствия за границу.

Центр требовал ускоренной сдачи продуктов: к 31 октября 1920 года – половину плана, а к 1 декабря – полной реализации. Ежедневная сдача зерна на сыпные пункты должна была достигать не менее 300 тыс. пудов. Но этот сложный процесс по существу встал на мертвой точке: в августе на сыпные пункты было поставлено 312 тыс. пудов, в сентябре – 173 тыс., в октябре – 647 тыс. пудов. На 1 ноября 1920 года было собрано хлеба всего 1 млн 133 тыс. пудов, или 10% всего предусмотренного объема³⁴.

Один за другим шли грозные приказы губернских органов власти: "Разверстка должна быть выполнена хотя бы за счет сокращения потребления, никакие ходатайства и сложении разверстки, уменьшении до выполнения 50% приниматься не будут"³⁴.

Ретивые руководители ряда районов области за срыв сроков выполнения продразверстки отдавали коммунистов партийному суду, а беспартийных – ЧК. Одновременно производилась поголовная реквизиция хлебных продуктов, конечно, без учета каких-либо остатков по норме. В Куртамышском районе обнаруженные спрятанные хлеба конфисковывались вместе с рогатым скотом и лошадьми³⁵.

Постоянные угрозы со стороны органов советской власти, обыски и реквизиции, аресты не только крестьян и казаков, но и

продработников, не добившихся выполнения продразверстки, стали обычным явлением смутного 1920 года. Характеризуя политическое и продовольственное положение Катенинской станицы, старший милиционер Говорухин писал в донесении, что не все казаки за советскую власть, так как различные комиссии и продотряды обращаются с ними "неаккуратно, дерзко, производят обыски в сундуках, запугивая, а поэтому все население относится к ним негативно"³⁶.

Иначе и быть не могло. Поставленные в жесткое положение продработники вынуждены были в процессе работы пересматривать продовольственные задания – не может выполнить разверстку одно хозяйство, его план перекладывался на другое, хотя и уже выполненное свое задание. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные документы с мест. К примеру, агент Златоустовского райпродкома некто Вшивцев, опираясь на вооруженный отряд, в селе Екатерининка взял в счет разверстки 38 голов крупнорогатого скота, 90 овец, 5 свиней, что вдвое превышало установленные задания разверстки. В деревне Александровка вместо 57 голов скота им было реквизировано 114, через несколько дней он вновь вернулся в деревню и взял еще 18 коров, 88 овец, 1 свиью³⁷.

Опыт подобного рода "передовиков" Челябинским губпродкомом поощрялся – местным советским чинушам важно было любой ценой выполнить задания центра. А вот председателей волостных и сельских советов обвиняли в безответственности "подворной раскладки" хлеба и вывозке его на сыпные пункты. Имели место случаи арестов предисполкомов за "халатное" отношение, но после дачи ими подписки о немедленной вывозке хлебных "излишек", они освобождались. Однако результат оставался прежним. Нажим губернских органов на крестьянство и казачество усилился. На губернском совещании замрайпродкомиссаров, проведенном 28 ноября 1920 года, рассматривался ход выполнения продразверстки. Представители Курганского, Троицкого, Мишкинского, Челябинского, Миасского районов в один голос заявили, что даже при полном напряжении сил продразверстку можно выполнить не более, чем на 50–60%. Но Совет обороны требовал организовать выполнение в боевом порядке к 15 января. Поэтому член ВЦИК Жиряков прямо заявил: "Надо нажимать всеми средствами, не задумываясь о семенах и продовольствии на местах – это дело центра"³⁸.

Предгубкома РКП(б) Р.Эйхе настаивал на суровых наказаниях "виновных" в крайне медленных темпах сбора зерна. "На

местах не прониклись еще важностью применения нажимов при выполнении государственных разверсток. Метод нажимов надо применять со всей строгостью к упорствующим, дабы это возымело действие на всех остальных. Нажимы производить, взяв определенный подрайон, а не по всему району сразу. Раздражения и булабочные уколы не должны иметь место, а нужно наказывать реально и чувствительно”³⁹.

“Раздражения” загнанного в угол сельского населения действительно имели место. Еще в относительно благополучном ноябре 1919 года группа трудармейцев численностью в 150 человек в селе Больше-Никольском ворвалась в волысполком и потребовала освободить арестованного за невыполнение разверстки председателя исполкома, заявив: “Не дадим хлеба в разверстку”⁴⁰. На собрании жителей села Катавка, проводившемся приехавшими продработниками, население взбунтовалось и, как отмечалось в отчете, кулаки подстрекали собравшихся криками – “Держите их, не пускайте, их надо растерзать”⁴¹. Частым явлением стало появление листовок. “Долой коммунистов. Что ты смотришь, крестьянин, и даешь свой последний хлеб этим деспотам, которые сами не хотят работать?” – говорилось в одном из таких воззваний. В другом неизвестный автор обращался к односельчанам: “Христиане, посмотрите, что делают эти изверги-нехристи. Долой коммунистов. Зеленая армия”⁴².

Столкнувшись первоначально с робким, а затем все более усиливающимся сопротивлением крестьянства, народная власть была вынуждена на продовольственный фронт направить вооруженные отряды. В Челябинской губернии продработникам помогал выполнять их важную работу личный состав 9 рот 205-го стрелкового полка. В отрядах по изъятию хлебных излишков был занят 1281 человек, в охране продовольственных складов – еще 338 бойцов, на прессовке фуража и в заградотрядах соответственно 110 и 80 красноармейцев. Всего было задействовано 1889 красноармейцев и командиров⁴³.

Но и эта мера не смогла снять растущего напряжения. В здании школы станицы Прорывной на требования представителя Куртамышского райкома РКП(б) о беспрекословной хлебосдаче, казаки отвечали: “Нам самим есть нечего, а вы просите хлеба. Мы с голодудохнем, довольно нам сказки говорить, мы их давно знаем”. Власть этого не простила: 15 казаков тут же были арестованы и отправлены в район милиции для дальнейших разбирательств⁴⁴.

В Полтавской станице казак Шумаков агитировал против обмолота пшеницы в зимних условиях и вывозки зерна на сыпные пункты, так как одна треть зерна была сырой. Тем не менее дело на него было передано в следственные органы⁴⁵. Из доклада председателя Полтавского станисполкома, датированного 20 марта 1921 года, явствует, что экономическое положение казачества сильно ухудшилось. “Разверстку хлеба, фуража и других продуктов станица выполнила на все 100%, за исключением яиц и кож. В начальней период выполнения разверстки население шло навстречу советской власти очень хорошо. Но в настоящее время население относится к власти недоверчиво, ввиду того, что продовольственники как-то отнеслись к населению по выполнению разверстки неаккуратно. В настоящее время готовимся к посеву. Семян у населения станицы нет, все взято в разверстку. На март месяц выдано голодному населению и красноармейцам по 10 фунтов зерна. Жалуются, что норма мала”⁴⁶.

В конечном итоге, план продовольственной разверстки по Челябинской губернии был выполнен на 82,6%⁴⁷. Однако заплаченная за это достижение цена оказалась очень высокой.

Уже начиная с конца 1919 года, но особенно с лета 1920-го, губернию захлестывает массовая волна повстанческого движения. Десятки и сотни доведенных до отчаяния крестьян и казаков были вынуждены бросать мирный труд, брать в руки оружие и, соединившись с группами дезертиров, начать борьбу против всеуправства продотрядов. Оперативные сводки губчека и милиции свидетельствуют о широком размахе движения под лозунгами “Долой продразверстку”, “Да здравствует свободная торговля”, “Советы без коммунистов” и многими другими, также направленными против проводившейся большевиками политики. В ходе этой борьбы уничтожались активисты новой власти, работники продорганов, захваченный на сыпных пунктах хлеб и другое продовольствие раздавались жителям. Власть, в свою очередь, бросала на подавление “бандформирований” части особого назначения, милицейские отряды и подразделения регулярной армии. Разгоралась заря новой гражданской войны – войны между сельскими тружениками и рабочим классов республики, от имени которого большевики и проводили свой политический и экономический курс.

Обстановка в губернии с обеспечением населения продовольствием с конца 1920 года стала резко ухудшаться. Если в начале 1920 года на одного едока приходилось по 19 пудов хлеба, в феврале 1921-го уже только 13 пудов, в ноябре – 6,87 пуда, а июне

1922 года – всего 2,82 пуда хлеба. Подлинные масштабы наступившего голода трудно определить, но регион подобного ранее не знал. Донесения с мест спокойно читать невозможно. “В станице 8 тыс. душ, – отмечалось в сообщении председателя Лейпцигского станинполкома от 10 апреля 1922 года. – Положение безнадежное. Съедены практически весь скот, собаки, кошки. Имеются факты людоедства... Смертность дошла до 26 человек в день... Просят хлеба, хотя бы суррогата”⁴⁸. В некогда богатейшей Бородиновской станице в январе 1922 года умерло от голода 12 человек, в феврале – 18, в марте – 35, а апреле – 41 и с 1 мая ежедневно умирало, в среднем, по 5 жителей⁴⁹.

В голод 1911 года местные жители не употребляли в пищу конину. В 1922 году, на пятом году народной власти, стали варить человечину. “В феврале месяце 1922 года, – сообщал исполком Наследницкой станицы, – ежедневно умирает по 10–20 человек. Трупы убирать некому, настроение населения паническое. Собаки, кошки съедены. Развивается людоедство. 19 февраля в поселке Наследницком выяснено, что гражданки Прасковья и Елена Новиковы зарезали трех детей в пищу, взяв их из детской столовой под видом согреть у себя дома... Масса случаев убийства своих детей”⁵⁰. Многочисленные сводки того периода отличаются между собой лишь конкретикой фактов, именами, цифрами. Суть одна – голодающее население вынуждено питаться себе подобными, вырытыми из могил, либо убитыми с целью съедения. И это в некогда богатейшем крае. По сведениям современных исследователей проблемы, за 1921 год в губернии умерло от голода 28 074 чел., по состоянию на апрель 1922 года голодающих насчитывалось – 421 352 чел. взрослых и 368 330 детей – всего 789 682 человека⁵¹. Всего по неполным данным отдела управления Челябинского губисполкома и комитета “Помгола” в 1921–1922 годах в губернии от голода умерло более 70 тыс. человек⁵².

Продовольственная разверстка 1919–1921 годов была выполнена. 23 611 344 пуда собранного в губернии хлеба было отправлено в центр⁵³. Челябинские руководители посты и свои жизни сохранили. На время...

СПРАВКА: Председатель губревкома М.Х.Поляков в 1937 году занимал ответственную должность Главного государственного арбитра при СНК РСФСР. Арестован как враг народа. В 1938 году расстрелян.

Председатель губкома РКП(б) Р.И.Эйхе, с 1935 года кандидат в члены политбюро ЦК ВКП(б), первый секретарь Западно-

Сибирского крайкома партии. В 1939 году арестован, в феврале 1940 расстрелян.

Губернский военный комиссар Б.А.Коврайский в 1937 году в Новосибирске арестован по обвинению в заговоре против советской власти, расстрелян в 1939 году.

Редактор газеты “Советская Сибирь”, зампредгубкома РКП(б) В.И.Хотимский, в 1938 году кандидат экономических наук, профессор, ответственный работник ЦСУ, арестован, в 1939 году осужден к высшей мере наказания – расстрелу.

Председатель губчека А.П.Коростин в дальнейшем на чекистской работе в Перми. В 1938 году арестован, из заключения освобожден в 1957 году.

Член ВЦИК Т.Т.Жиряков – в конце 30-х арестован как враг народа, из заключения вышел после смерти Сталина.

Дальнейшая судьба председателя губпродкома А.Н.Торопова не установлена. Учитывая, что до 1918 года он был членом РСДРП(м), то есть меньшевиком, то ничего хорошего его не ожидало.

Примечания

- 1 ГАОО, ф.1912, оп.2, д.27, л.49.
- 2 Оренбургский казачий вестник. 1918. 1 дек.
- 3 ГАОО, ф.Р-1, оп.1, д.7, л.37.
- 4 Архив Златоустовского краеведческого музея, д.91, л.3.
- 5 ГАЧО, ф.Р-363, оп.1, д.5, л.38.
- 6 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.50. С.328.
- 7 ГАЧО, ф.Р-117, оп.1, д.35, л.274.
- 8 См.: Советская правда. 1920. 23 окт.
- 9 Подсчитано на основе еженедельных сводок станичных и поселковых ревкомов (ГАОО, ф.Р-1, оп.1, д.30, л.15–17).
- 10 Декреты советской власти. Т.4. М., 1968. С.293.
- 11 ГАКО, ф.Р-600, оп.1, д.1, л.9.
- 12 См.: Машин М.Д., Вахонина Г.Н. Прозразверстка и ее осуществление в Челябинской губернии // Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып.3. Челябинск, 1969. С.106.
- 13 См.: Советская правда. 1920. 11 янв.
- 14 См.: Челябинская губерния в период военного коммунизма (июль 1919 – декабрь 1920 года): Документы и материалы. Челябинск, 1960. С.439.
- 15 ГАЧО, ф.Р-153, оп.1, д.43, л.16.
- 16 Там же, л.17.

- 17 См.: Советская правда. 1920. 10 янв.
 18 ГАЧО, ф.Р-542, оп.1, д.31, л.17 об.
 19 ГАКО, ф.Р-600, оп.1, д.1, л.22.
 20 ГАЧО, ф.Р-20, оп.1, д.152, л.112.
 21 ГАЧО, ф.Р-434, оп.1, д.3, л.141.
 22 ГАЧО, ф.Р-20, оп.1, д.152, л.155.
 23 ГАЧО, ф.Р-482, оп.2, д.3, л.2.
 24 ГАЧО, ф.Р-434, оп.1, д.3, л.10.
 25 Челябинская губерния в период военного коммунизма ... С.394.
 26 Там же. С.397.
 27 ГАЧО, ф.Р-20, оп.1, д.27, л.74.
 28 ГАЧО, ф.Р-20, оп.1, д.141, л.13.
 29 См.: Советская правда. 1920. 21 нояб.
 30 См.: Советская правда. 1920. 9 янв.
 31 См.: Советская правда. 1920. 1 окт.
 32 Советская правда. 1920. 5 окт.
 33 Цит. по: Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С.20.
 34 ГАЧО, ф.Р-434. Оп.4, д.2, л.125.
 35 ГАКО, ф.Р-600, оп.1, д.1а, л.8.
 36 ГАЧО, ф.Р-434, оп.4, д.2, л.68.
 37 ЦГАООРБ, ф.Р-38, оп.1, д.15, л.358.
 38 ГАЧО, ф.Р-20, оп.1, д.95, л.296.
 39 Там же, л.295.
 40 ЦДНИЧО, ф.316, оп.1, д.64, л.30.
 41 ЗФ ГАЧО, ф.Р-173, оп.1, д.2, л.54.
 42 ЦДНИЧО, ф.78, оп.1, д.32, л.16-17.
 43 ГАЧО, ф.Р-20, оп.1, д.27, л.87.
 44 ГАКО, ф.Р-402, оп.1, д.15, л.33.
 45 ГАЧО, ф.Р-20, оп.1, д.152, л.156.
 46 ГАЧО, ф.Р-434, оп.1, д.278, л.3.
 47 См.: Советская правда. 1920. 21 янв.
 48 МФ ГАЧО, ф.Р-28, оп.1, д.1, л.19.
 49 Там же, л.39.
 50 ГАЧО, ф.Р-380, оп.2, д.7, л.8.
 51 См.: Боже В., Непенин И. Жатва смерти. Голод в Челябинской губернии в 1921-1922 гг: Материалы в помощь учителю. Челябинск, 1994. С.18.
 52 ГАЧО, ф.Р-380, оп.1, д.30, л.24.
 53 См.: Машин М.Д., Вахонина Г.Н. Указ. соч. С.111

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР Ф.М.СТАРИКОВ: СПОРНЫЕ И МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Имя Федора Митрофановича Старикова, казака и историка, не принадлежит к числу забытых. Его труды с момента выхода в свет вызывают неизменный интерес у всех изучающих прошлое Южного Урала. При этом жизненный путь этого, безусловно, способного исследователя, как нам кажется, изучен недостаточно глубоко. Отчасти это связано с тем, что вплоть до последнего времени, чуть ли не единственным источником сведений о Ф.М.Старикове была биографическая справка, составленная его дочерью О.Ф.Мельниковой и переданная ею в 60-70-е годы нашего века в оренбургский и челябинский музеи¹. Именно опираясь на сведения, сообщаемые Ольгой Федоровной, создали свои биографические этюды, посвященные историку, Ю.С.Зобов и В.Семенов². Сведения же эти, как показывает их сверка с послужным списком Ф.М.Старикова, хранящимся в Российском государственном военно-историческом архиве (г.Москва), не всегда точны. Это обстоятельство и подвигло нас к написанию публикуемого материала.

Родился Федор Митрофанович Стариков, как сообщает его послужной список, 1 июня 1842 года в семье зауряд-хорунжего Оренбургского казачьего войска и был приписан к войсковому сословию по Миасской станице. Отец Федора Старикова был не из бедных и передал сыну по наследству "в дачах Миасской станицы... потомственный участок в 340 десятин" земли и две потомственные березовые рощи в 23 десятины³. Он же смог дать сыну и неплохое, по казачьим меркам, образование, оплатив двухлетнее обучение Федора Старикова в Школе офицерских детей при Войсковом дежурстве (в дальнейшем - при Войсковом штабе)⁴. Окончив в ноябре 1862 года курс обучения в Школе в чине урядника, будущий историк был первоначально оставлен в кордонной службе, а потом (5 июня 1863 г.) определен в 5-й сводный Оренбургский полк, в составе которого и принял боевое крещение в действиях по ликвидации мятежа в Царстве Польском. Сведения об этом периоде жизни Федора Митрофановича, сообщаемые О.Ф.Мельниковой, разительно отличаются от сведений послужного списка, а потому нуждаются в комментариях.

По мнению Ольги Федоровны, ее отец в 1864 году был направлен в Бухарский поход, где попал в “Железную дивизию” генерал-адъютанта М.Д.Скобелева – героя того времени и завоевателя Туркестанского края. К тому времени относится и история будто бы тяжелого ранения Ф.М.Старикова. Как сообщает О.Ф.Мельникова, “во время бухарского похода (отец рассказывал нам) он был тяжело ранен узбекской пашкой от правой брови до шеи и в обе ноги, от ран этих он страдал всю жизнь. Его признали мертвым и бросили в общую могилу. Узбечки, разыскивая на поле боя своих родных, услышали стоны из могилы, раскопали могилу и нашли сверху молодого, но уже седого раненого русского. Узбечка взяла Старикова к себе и травами залечила его раны. Федор Митрофанович после своего выздоровления явился в штаб генерала Скобелева, где оказался в списке мертвых. Узбечку наградили деньгами, а Старикову дали первый чин офицера и именное оружие с надписью “За храбрость”. На оружие – знак ордена святой Анны – Анненский темляк. Раны и оружие с орденом у отца я видела сама лично”⁵.

Приведенный в полном объеме рассказ О.Ф.Мельниковой изначально вызывал у нас сомнения в истинности в силу своей фольклорной окраски. Подобные истории нам доводилось слышать о героях гражданской войны Олеко Дундиче, известном в Челябинске Эмилии Чоппе и других. Чтобы заставить читателя поверить своему рассказу, Ольга Федоровна в приведенном тексте ссылается сначала на самого Ф.М.Старикова (“отец рассказывал нам”), а затем на свои впечатления как очевидца (“я видела сама”). Тем не менее, мы возьмем на себя смелость и укажем, что приведенный О.Ф.Мельниковой фрагмент, скорее всего, не имеет никакого отношения к реальной судьбе Ф.М.Старикова. В пользу этого говорит все тот же послужной список. В 1864 году Ф.М.Стариков был в Польше. В документе сказано точно: “С 5 июня 1863 года по 4 июня 1865 года”. Поэтому попытка В.Семенова в своем биографическом материале о Старикове объединить свидетельства О.Ф.Мельниковой и послужного списка навряд ли правомерна⁶. Убытие Федорова Митрофановича из Польши для участия в военной кампании нашло бы, безусловно, отражение в послужном списке. Не совпадают со списком и другие сведения, приводимые О.Ф.Мельниковой. Первый офицерский чин, чин хорунжего, Ф.М.Стариков получил 18 августа 1866 года,

а “клякву” – орден Святой Анны 4-й степени – на оружие – лишь 22 марта 1869 года. И самое главное: в послужном списке за 1907 год указывается, что Ф.М.Стариков “ранен и в плену у неприятеля не был”⁷. А потому романтическую легенду, изложенную О.Ф.Мельниковой, следует исключить из наших представлений о жизненном пути историка и воспринять последний таким, каким он был на самом деле.

После польской кампании чуть менее года Федор Митрофанович трудился в Петровской станичной школе, после чего служба его проходила вдали от кабинетной тиши. Он участвует в боевых действиях в Туркестанском крае⁸, в которых показывает себя храбрым, мужественным и ответственным человеком. Поэтому неудивительно, что он продвигался по служебной лестнице и получал награды. При этом нет никаких документальных оснований считать его участником Хивинского и Кокандского походов русской армии, как на то указывает О.Ф.Мельникова. Послужной список зафиксировал участие Ф.М.Старикова кроме польской кампании в боевых действиях против “бухарцев” и “самаркандцев” в 1867–1868 годах, а также в 1875–1877 годах – службу в Аму-Дарьинском отряде, которая была приравнена к боевому походу. Остальные же годы жизни Ф.М.Старикова были наполнены обычными служебными обязанностями казачьего офицера. В 1881 году он возвращается в Оренбургский край, где несет службу вплоть до своей отставки. В 1884 году он получает звание подполковника, в том же году, по приказу Военного ведомства, переименовывается в войскового старшину “с правами и преимуществами подполковника”. В 1893 году становится полковником, а в 1903-м – генерал-майором. В эти годы он занимал различные должности, в том числе: помощника командира 2-го Оренбургского полка (1886–1889 гг.); помощника атамана 3-го (1893–1894 гг.) и атамана 2-го (1901–1907 гг.) военных отделов Оренбургского казачьего войска.

Мартом 1907 года датируется прошение Ф.М.Старикова об отставке, написанное в Оренбурге на имя императора Николая II. В нем говорится: “Расстроенные домашние обстоятельства лишают меня возможности продолжать службу Вашего Величества, и потому всеподданейше прошу: <...> дабы повелено было уволить меня со службы с награждением мундиром и полным пансионом”⁹.

По мнению О.Ф.Мельниковой, Ф.М.Стариков был отправлен в отставку "из-за сына Ивана", который "за революционную деятельность был исключен из Неплюевского военного училища и в 15 лет осужден на одиночное заключение сроком на три года"¹⁰. Это утверждение, равно как и сведения о дате смерти Федора Митрофановича (5 января 1911 года) еще нуждаются в архивном подтверждении и могут быть приняты или опровергнуты в ходе дальнейшего архивного поиска.

Имел ли Ф.М.Стариков какое-либо отношение к Челябинску? На первый взгляд кажется, что ничто не говорит о том, что подобная связь существовала. Однако документы, выявленные нами в Государственном архиве Челябинской области, позволяют утверждать, что в Челябинске жила первая семья Федора Митрофановича, здесь же казачий историк числился и домовладельцем.

Дом, принадлежавший первой семье Ф.М.Старикова, жене Анастасии Евграфовне и сыну Владимиру (родился 1 июля 1874 г.), находился на Соборной площади г.Челябинска (ныне пл. Е.Ярославского у оперного театра). Построен он был, судя по документам, в промежутке между 1873-м и 1888 годами. С 1888 года числился за женой войскового старшины А.Е.Стариковой. Дом "полукаменный, палубленный о 5 комнатах, с 2 комнатами и подвалом внизу, крыт железом". При доме было 5 амбаров, 2 конюшни на 4 стойла, поднавес на 10 сажень, крытый тесом¹¹.

В 1894 году дом этот перешел во владение полковника Федора Митрофановича Старикова¹², и в 1895–1896 годах подвергся реконструкции. Оценочная стоимость на недвижимое имущество по г.Челябинску за 1896 год фиксирует в нем уже "вверху и внизу 6 комнат"¹³. Для чего было увеличено количество комнат, сегодня сказать трудно, ведь сам дом в это время нуждался в ремонте. Об этом говорит письмо землемера В.А.Лиходзевского, написанное 27 мая 1898 года и адресованное городской управе. В нем говорится: "Замечено мною, что крыльцо с парадного подъезда у дома, принадлежащего Федору Митрофановичу Старикову, расположенного на Христорождественской площади в 30 плановом квартале на месте под № 395, пришло в совершенную негодность и грозит ежеминутным падением, так как кирпичи разъехались и связи поддерживающие крыльцо почти находятся на воздухе без всякого упора"¹⁴.

В 1905 году Федор Митрофанович продает дом на Соборной площади своему однофамильцу, а возможно и родственнику, поддесаулу Григорию Аверьяновичу Старикову¹⁵. Вышел ли он при этом из числа челябинских домовладельцев? Скорее всего нет,

послужном списке, составленном в 1907 году, т.е. уже после продажи дома на Соборной площади, в графе об имуществе сообщается: "Имеет в Челябинске благоприобретенный деревянный дом"¹⁶.

Выявленный нами список Ф.М.Старикова (1907 г.) и сведения о его связях с Челябинском, как нам кажется, однозначно убеждают в том, что в судьбе известного казачьего историка много вопросов, ждущих своего разрешения, а потому поиск должен быть продолжен.

Примечания

См.: Казачий историк: Материалы Ф.М.Старикова в фондах Челябинского областного краеведческого музея / Публ. Е.А.Чайко // Челябинск неизвестный: Краевед. сб. Вып.1. Челябинск, 1996. С.217–221.

Зобов Ю.С. Историки Южного Урала. Вторая половина XIX – начало XX в. Оренбург, 1991. С.51–64; Семенов В. Первосоздатель истории оренбургского казачества // Любовь и Восток. М., 1994. С.241–243.

Послужной список атамана 2-го военного отдела Оренбургского казачьего войска генерал-майора Старикова. Составлен марта 5 дня 1907 года (РГВИА, ф.33, оп.51, д.208, л.9).

Там же, л.4 об. Об этой школе см.: Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Во славу государства Российского: Начальное образование и военная подготовка в Оренбургском казачьем войске. Челябинск, 1994. С.126.

Мельникова О.Ф. Стариков Федор Митрофанович 1840–1911 // Челябинск неизвестный. С.218.

Семенов В. Указ. соч. С.241.

Послужной список ... л.9 об.

Там же, л.5. Туркестанский край (генерал-губернаторство) включал в себя Сыр-Дарьинскую, Ферганскую, Самаркандскую, Семиреченскую и Закаспийскую области. Управление находилось в Ташкенте.

РГВИА, ф.330, оп.51, д.208, л.3.

Мельникова О.Ф. Указ. соч. С.220.

¹⁰ ГА ЧО, ф.И-3, оп.1, д.220, л.16 об.

¹¹ ГА ЧО, ф.И-3, оп.1, д.302, л.289; ГА ЧО, ф.И-3, оп.1, д.307, л.15 об.

¹² Там же, д.363, л.15 об.

¹³ Там же, д.371, л.26, 26 об.

¹⁴ Там же, д.843.

¹⁵ Послужной список ... л.9.

Публикуемый ниже послужной список Ф.М.Старикова (1907 г.) хранится в Российском государственном военно-историческом архиве (ф.330, оп.51, д.208, л.4-10), получен нами по почте в ксерокопиях и публикуется без каких-либо сокращений. В оригинале документ представляет собой типографский бланк, заполненный на печатной машинке.

**Послужной список
Атамана 2-го военного отдела
Оренбургского казачьего войска
генерал-майора Старикова:**

Составлен марта 5 дня 1907 года.

I. Чин, имя, отчество, фамилия

Генерал-майор Федор Митрофанович Стариков

II. Должность по службе

Атаман 2-го военного отдела Оренбургского казачьего войска

III. Ордена и знаки отличия

Кавалер орденов: Св.Владимира 4-й ст. с бантом с надписью "За 25 лет", Св.Анны 2-й ст., Св.Станислава 2-й ст., Св.Анны 3-й ст. и Св.Станислава той же степени с мечами и бантами. Св.Анны 4-й ст. с надписью "За храбрость". Медали серебряные: на Александровской ленте в память царствования ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА-III и на соединенной Георгиевской и Владимирской ленте в память походов и экспедиции в Средней Азии с 1853 г. по 1895 г. и темнобронзовая медаль за труды по первой всеобщей переписи населения в России

IV. Когда родился

1 июня 1842 года

V. Из какого звания происходит и какой губернии уроженец

Сын зауряд-хорунжего Оренбургского казачьего войска, принадлежит к войсковому сословию по Миасской ст.

VI. Какого вероисповедания

Православного

VII. Где воспитывался

В школе офицерских детей, быв учрежденной при войсковом дежурстве (ныне Войсковой штаб)

VIII. Получаемое по службе содержание

Жалования ... 1500 руб.

Столовых ... 2400 руб.

Квартирных ... 447 руб.

IX. Прохождение службы

Когда в службу вступил и произведен в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба; военная, гражданская и по выборам; переводы и перемещения из одного места службы или должности в другую, с объяснением по какому случаю; по воле начальства или по собственному желанию; когда отправился и прибыл к новому месту службы; награды чинами, орденами, знаками отличия; ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЕ рескрипты, ВЫСОЧАЙШИЕ благоволения.

	Годы	Месяцы	Числа
В службу вступил казаком в Оренбургское казачье войско	1860	Янв.	1
В кордонной службе на Оренбургской линии, с прикомандированием к школе офицерских детей, учрежденной при Войсковом дежурстве, что ныне Войсковой штаб	1860	Июня	15
Урядником	1862	Янв.	1
По окончании курса отчислен от школы, с оставлением в кордонной службе	1862	Нояб.	1
С кордонной службы откомандирован в состав сводного Оренбургского № 5 полка, в котором находился	с 1863	Июня	5
	по 1865	Июля	14
Учителем в Петровской школе	с 1865	Июля	14
	по 1866	Апр.	19
Командирован в состав казачьей сотни в Форт № 1	1866	Апр.	19
Хорунжим 1866 года августа 18-го дня	1866	Авг.	18
За храбрость и мужество, оказанное в деле с Бухарцами 7 июня 1867 года на реке Ак-Булак ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ награжден следующим чином, сотника, со старшинством на основании 28 ст. 11 ч. и книги II по первому продолжению	1867	Июня	7

Приказом по Яны-Курганскому отряду назначен командиром Оренбургской казачьей сотни № 7	1868	Февр.	4
Приказом по кавалерии Сыр-Дарьинской области отчислен от командирования сотни и зачислен состоять при начальнике кавалерии Сыр-Дарьинской области	с 1868 по 1869	Апр.	1 5
За дело 1 мая 1868 года на Самаркандских высотах ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ награжден третним окладом жалованья	1868	Июля	22
За храбрость и мужество, оказанное в деле с бухарцами 1 мая 1868 года при осаде и штурме Самаркандских высот ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ награжден орденом Св. Анны 4-й ст. с надписью "За храбрость"	1869	Март	22
Назначен командиром сотни в Туркестанском военном округе	1869	Апр.	5
В награду за отличную храбрость и мужество, оказанные в деле 27 и 29 мая 1868 года под крепостью Катты-Курганом ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом	1869	Апр.	27
За дело 2 июля 1868 года в бою на Зерабулакских высотах, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ награжден орденом Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом	1869	Июня	21
Сдал сотню на законном основании исправно	1869	Нояб.	29
Прикомандирован к штабу войск Сыр-Дарьинской области для письменных занятий	1869	Нояб.	29
Назначен исправлять должность старшего адъютанта Штаба войск Сыр-Дарьинской области	1870	Мая	10
Приказом по войскам Сыр-Дарьинской области от 10 сентября 1871 года за № 371, назначен начальником двухсотенного отряда 4-й и 7-й Оренбургских сменных сотен, без отчисления от должности и.д. старшего адъютанта	1870	Сент.	11
Сдал отряд в войске исправно и обратился к своей обязанности	1870	Дек.	26

Произведен на вакансию в есаулы	1871	Янв.	1
За отличие по службе ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ награжден 119 руб. 15 к.	1871	Февр.	26
Отчислен от должности и.д. старшего адъютанта Штаба войск Сыр-Дарьинской области в войско и назначен помощником старшего адъютанта Управления 2-го отдела	1871	Нояб.	1
За отличие по службе ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ награжден 249 руб.	1872	Февр.	26
От должности помощника старшего адъютанта отчислен и назначен начальником 2 1/2 сотенного отряда, командированного в Туркестанский военный округ	1872	Мая	4
Отряд сдал исправно и назначен командиром 5-й сотни (в последствии № 6)	1872	Авг.	18
Назначен начальником 4-го эшелона 2 1/2 сменных сотен	1874	Июля	1
Прибыл в войско и сдал эшелон и 6-ю сотню исправно	1874	Нояб.	26
Командирован в Туркестанский военный округ командиром сотни	1875	Апр.	28
Прибыл в полк	1875	Июля	12
Командиром сотни	с 1875 по 1876	Июля	12 29
По случаю назначения приказом по войскам Аму-Дарьинского отдела за № 59/1876 г. заведующим русскими поселенцами в Аму-Дарьинском отделе, сотню сдал на законном основании исправно	1876	Апр.	29
Утвержден в должности заведующего русскими поселенцами в отделе	1876	Июня	1
Произведен в войсковые старшины	1877	Дек.	31
За отлично-усердную службу по Военно-народному управлению в Туркестанском крае ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ награжден орденом Св. Станислава 2-й ст.	1878	Март	12

Назначен, без отчисления от должности заведующего поселенцами в отделе, состоять для особых поручений при начальнике Аму-Дарьинского отдела и казначеем походного штаба на время движения войск Аму-Дарьинского отдела вверх по Аму-Дарье	1878	Июня	15
Обратился к исправлению своей должности	1878	Авг.	6
По случаю упразднения должности заведующего русскими поселенцами в Аму-Дарьинском отделе сдал поселенцев на законном основании исправно и зачислен обратно по спискам № 1 Оренбургского казачьего полка	1880	Февр.	24
Назначен и.д. воинского начальника укрепления Петро-Александровского и начальником военного полугоспиталя этого же укрепления	1880	Мая	20
По требованию войскового начальства отчислен от этих должностей в войско	1881	Мая	21
Возвратился в войско на льготу	1881	Июня	1
Предписание и.д. наказного атамана от 24 августа 1881 года за № 5252 назначен и.д. старшего адъютанта управления 2-го отдела	1881	Авг.	24
Утвержден на этой должности	1881	Дек.	12
ВЫСОЧАЙШИМ приказом, последовавшим в 24 день ноября 1882 года, зачислен по Оренбургскому казачьему войску	1882	Нояб.	24
За отличие по службе произведен в подполковники с отчислением от должности старшего адъютанта управления 2-го военного отдела	1884	Мая	6
Согласно предписанию наказного атамана допущен к и.д. старшего адъютанта управления 2-го отдела	1884	Мая	6
Согласно приказу по Военному ведомству от 30 августа 1884 года за № 250 переименован в чин войскового старшины с правами и преимуществами подполковника со старшинством	1884	Мая	6

Отчислен от и.д. старшего адъютанта и назначен младшим штаб-офицером № 5 полка с оставлением в распоряжении войскового начальства	1885	Июня	27
Назначен помощником командира № 2 Оренбургского казачьего полка	1886	Март	10
Утвержден в этой должности	1886	Июня	8
ВЫСОЧАЙШИМ приказом, последовавшим в 15-й день апреля 1888 года, зачислен в комплект конных полков Оренбургского казачьего войска	1888	Апр.	15
За отлично-усердную службу ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ награжден орденом Св. Анны 2-й ст.	1888	Мая	6
Председателем суда г. офицеров	1888	Окт.	14
Назначен военным министром, членом комиссии по пересмотру положения об обозе казачьих войск, учрежденной в Санкт-Петербурге, куда и прибыл	1889	Февр.	12
По приказанию военного министра назначен членом в комиссию по пересмотру правил казачьего конского снаряжения, учрежденную при Главном управлении казачьих войск (Пред. Главного управления казачьих войск от 7 марта за № 227)	1889	Март	7
Возвратился из командировки и вступил в исправление своей должности	1889	Апр.	12
Должность помощника командира полка по хозяйственной части сдал на законном основании и исправно	1889	Нояб.	20
Уволен на льготу по желанию, исключен из списков полка	1889	Нояб.	25
ВЫСОЧАЙШЕ награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с бантом за выслугу в офицерских чинах 25 лет	1890	Сент.	22
Приказом по войску № 8 назначен помощником командира полка № 6 с оставлением в распоряжении Войскового начальства в 1-м отделе	1891	Мая	1

Приказом по войску 11 сентября за № 387 перечислен по спискам в № 3 полк с оставлением в распоряжении войскового начальства в 3-м отделе	1891	Сент.	11
Допущен и.д. помощника атамана 3-го отдела	1892	Янв.	19
За отличие по службе произведен в полковники, с утверждением в должности помощника атамана 3-го отдела и с зачислением по Оренбургскому казачьему войску	1893	Мая	6
Согласно телеграмме наказного атамана от 22 августа за № 6215 принял 3-й отдел на законном основании	1893	Сент.	1
По прибытии полковника Холмского, назначенного атаманом отдела, сдал 3-й отдел на законном основании и исправно	1894	Янв.	4
Награжден серебряною медалью на Александровской ленте в память царствования ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III. (Приказом по военному ведомству 1896 г. за № 60)	1896	Март	17
Награжден серебряною медалью на соединенной ленте Георгиевской и Владимирской в память походов и экспедиции в Средней Азии с 1853 по 1895 года. (Приказом по военному ведомству 1896 года № 197)	1896	Июля	26
ВЫСОЧАЙШЕ награжден темно-бронзовою медалью для ношения на груди за труды по первой всеобщей переписи населения в России. (Свидетельство М.В.Дел от 2 июня 1898 г. № 95475)	1898	Июля	2
ВЫСОЧАЙШИМ приказом, последовавшим 15 декабря 1900 года, назначен атаманом 2-го военного отдела с оставлением по войску	1900	Дек.	15
Сдал должность помощника атамана 3-го отдела	1901	Февр.	4
Прибыл и вступил в должность атамана 2-го военного отдела	1901	Февр.	12
ВЫСОЧАЙШИМ приказом 1903 г. 6 апреля, за отличие по службе произведен в генерал-майоры	1903	Апр.	6

К. Бытность вне службы

а) Во временных отпусках: когда уволен, на какое время и явился ли в срок, а если просрочил, то сколько именно, признана ли отсрочка уважительною; б) для пользования ран: где именно, по чьему разрешению с какого и по какое время; в) в бессрочном отпуску и запасе, не состоя на гражданской или общественной службе; с какого и по какое время; г) по роду оружия, без исполнения службы; д) в плену, когда и где взят и когда возвратился на службу и е) в отставке: когда уволен и когда вновь прибыл на службу.

	Годы	Месяцы	Числа
Был в отпуску с сохранением содержания	с 1888 по 1888	Апр. Мая	18 5
Явился в срок			
Находился в 28 дневном отпуску с сохранением содержания	с 1889 по 1889	Июня Июля	10 8
Явился в срок			
В 28 дневном отпуску с сохранением содержания	с 1895 по 1895	Июля Авг.	10 7
Явился в срок			
Был в 14-дневном отпуску с сохранением содержания	с 1899 по 1899	Авг. Сент.	19 2

XI. Холост или женат, на ком; имеет ли детей; год месяц и число рождения детей, какого они и жена вероисповедания

Женат вторым браком на дочери полковника Ваулина Лидии Михайловне, имеет детей: от первого брака — сына Владимира, родившегося 1 июля 1874 г., и от второго брака — дочь Магдалину, родившуюся 17 августа 1884 г., сына Михаила, родившегося 22 марта 1886 г., дочь Варвару, родившуюся 28 января 1888 г., сына Иоанна, родившегося 26 сентября 1889 г., сына Сергея, родившегося 8 сентября 1892 г., дочь Ольгу, родившуюся 8 июля 1894 г., Марию, родившуюся 19 октября 1897 г., сына Александра, родившегося 10 февраля 1901 г. и Бориса, родившегося 15 мая 1903 г. Жена и дети вероисповедания Православного

XII. Есть ли за ним, за родителями его или когда женат, за женою недвижимое имущество, родовое или благоприобретенное

Имеет в г. Челябинске благоприобретенный деревянный дом. В дачах Миасской станицы имеет потомственный участок в 340 десятин в пределах той же станицы, близ поселка Старикова, 2 потомственные березовые рожи — 23 десятины.

XIII. Подвергался ли наказаниям или взысканиям, соединенным с ограничениями, в преимуществах по службе, — когда и за что именно; по судебным приговорам или в дисциплинарном порядке

Не подвергался

XIV. Бытность в походах и делах против неприятеля, с объяснением где именно, с какого и по какое время; оказанные отличия и полученные в сражениях раны или контузии, особые поручения, сверх прямых обязанностей, по ВЫСОЧАЙШИМ повелениям или от начальства

В военных походах находился: 1) В составе сводного Оренбургского казачьего № 5 полка, командированного на усиление действовавшей армии против польских мятежников с 1863 г. июня 5 по 1865 г. июня 4. 2) В Туркестанском военном округе, в составе отряда под начальством Полковника Абрамова выступил 25 мая 1867 г. к крепости Яны-Кургану, 27 мая участвовал в полевом деле с бухарцами в 17 верстах от крепости Яны-Кургана, по дороге к крепости Самзар; 7 июня в полевом деле с бухарцами при урочище Бишкиль-Кишлак; с 1 по 12 декабря в движении отряда к деревне "Ахум" и обратно к Яны-Кургану, под начальством полковника Абрамова; 5 и 6 декабря участвовал при штурме деревни "Ахум". 3) Находился в кампании с 15 апреля по 22 июня 1868 года, а именно: а) при отражении бухарских войск на наш лагерь при урочище "Ключевом", в ночь с 15 на 16 апреля и в преследовании их на расстоянии 30 верст к крепости Чилику под начальством начальника кавалерии полковника Штрэндмана; б) в составе главного действующего отряда, под начальством командующего войсками Туркестанского военного Округа генерал-адъютанта Фон-Кауфмана 1-го к г. Самарканду, при чем участвовал 1 мая при штурме Самаркандских высот, 2 мая при занятии г. Самарканда; в) 6 мая в составе отряда, под начальством командующего войска-

ми Сыр-Дарьинской области, генерал-майора Головачева, выступил из Самарканда по дороге к крепости Катты-Кургану, 18 мая участвовал при занятии этой крепости, а 23 мая участвовал в сильной перестрелке с неприятелем, 27 и 28 в полевом деле при отражении нападения неприятеля на наш лагерь под крепостью Катты-Курганом; г) 2 июня в составе того же главного действующего отряда в бою на Зерабулакских высотах под начальством командующего войсками Туркестанского военного Округа, генерал-адъютанта Фон-Кауфмана 1-го; д) с 5 по 8 июня под начальством его же следовал в составе того же отряда обратно к г. Самарканду и 8 июня участвовал при освобождении г. Самарканда от неприятельской семидневной блокады.

Годы Месяцы Числа

Находился в войсках Аму-Дарьинского отряда с 12 июля 1875 года, где на основании ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного в день 9 марта 1877 года доклада начальника края Туркестанского военного округа, служба считалась за военный поход

с 1875 Июля 12
по 1876 Апр. 12

Ранен и в плену у неприятеля не был

Особых поручений по ВЫСОЧАЙШИМ повелениям не имел

Сверх прямых своих обязанностей, по распоряжению командующего войсками Оренбургского военного округа, был назначен начальником 2-го транспорта молодых солдат 70-го пехотного резервного батальона, в количестве 530 человек. Выступил из г. Оренбурга 26 мая 1869 года, прибыл в город Ташкент 29 сентября того же года, поручение это исполнил исправно.

По поручению войскового начальства составил историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков и рисунков со знамен и исторический

ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1904–1905 гг.

очерк присоединения к России Оренбургского края и участия в этом местного казачества, и маршрут путешествия ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, Августейшего Атамана всех казачьих войск от границы Сибири по Оренбургскому казачьему войску до города Оренбурга и 27 июля 1891 года, т.е. в день Войскового круга, от имени войска имел счастье обе эти книги преподнести ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ, за что и удостоился получить от ЕГО ВЫСОЧЕСТВА драгоценный перстень с рубином – усыпанный бриллиантами. В качестве депутата от Оренбургского войска командирован в г.Уральск для участия в торжестве по случаю 300-летнего юбилея Уральского войска в 1891 году

Председателем комиссии по расследованию самовольных распашек на войсковой свободной земле в новолинейном районе 3-го военного отдела

с 1894 Авг. 22
по 1894 Окт. 22

Указом Войскового правления от 5 мая 1899 года за № 2454, назначен доверенным от Оренбургского казачьего войска в состав комиссии при указании в натуре границ по прирезке и отрезке земли к киргизскому миллионному отводу душених наделов в поселках: Веринском, Надеждинском, Алексеевском, которые остались в районе миллионного надела киргиз и двух караванных путей, где находился

с 1899 Мая 20
по 1899 Авг. 16
с 1899 Авг. 11
по 1899 Авг. 19

И.д. атамана отдела

Начальник штаба,
генерал-майор
И.д. старшего адъютанта
есаул

(подпись)
Прытков

Русско-японская война началась в результате нарастающего соперничества ведущих мировых держав за раздел сфер влияния над Китаем и Кореей. Во время подавления Ихэтуаньского восстания царские войска в 1900 году оккупировали Маньчжурию. Усиление позиции России на Дальнем Востоке не отвечало интересам Японии, Англии и ряда других государств. Япония, стремясь установить свое господство в Маньчжурии и Корее, деятельно готовилась к войне.

В экономическом и военном отношении она была значительно слабее царской России, однако удаленность дальневосточных территорий от центральных районов империи серьезно усиливала позиции Японии. Накануне и в ходе всей войны ее военно-политические круги создавали в стране обстановку шовинистического угара. Пропаганда среди населения справедливого, с точки зрения японского правительства, характера войны принесла свои результаты. В указаниях, доведенных до всех начальников частей русской Маньчжурской армии говорилось: «Дисциплина в японской армии надежна. Война с нами популярна и японцы вступили в войну с нами с сильно приподнятым чувством патриотизма и с убеждением в особой важности для их страны задачи, на их долю выпавшей. При вторжении в Маньчжурию японцы сумели установить хорошие отношения с китайским населением, надо это иметь в виду»¹.

К 1904 году Японии удалось значительно увеличить свои вооруженные силы. В ходе войны в ее действующую армию было мобилизовано более 1185 тыс. человек. Достаточно сильным был и японский военно-морской флот, состоящий из 3 эскадр. Он имел в своем составе 6 новых броненосцев, 8 броненосных крейсеров, 15 легких крейсеров, 47 эсминцев и миноносцев (только в составе Соединенного флота), 14 канонерских лодок и другие корабли².

Царское правительство осознавало возможность военного столкновения с Японией, но недостаточно прилагало усилий для установления военного превосходства на Дальнем Востоке. Об этом наглядно свидетельствуют данные об увеличении количества войск за период с 1895 по 1904 год. В предшествующее войне десятилетие численность русских войск была увеличена почти в 3 раза³. Однако даже такое, на первый взгляд, довольно значительное

увеличение сил и средств не отвечало реальному соотношению вооруженных сил между Японией и Россией. Русское правительство считало, что развернутая на востоке военная группировка удержит японскую империю от развязывания войны.

В ночь на 27 января (9 февраля) 1904 года японские вооруженные силы развернули боевые действия против русского флота. В результате внезапного нападения русский флот понес значительные потери. За этим последовали неудачи и на суше.

Анализ планов, состава и возможностей вооруженных сил противоборствующих сторон показывает, что уверенность царского правительства на скоротечную победоносную войну не соответствовала действительности. Однако, несмотря на тяжелейшие испытания, русские солдаты и офицеры в подавляющем большинстве с честью выполнили свой священный долг перед Родиной. Не стояли в стороне от выпавших отечеству испытаний, не посрамили своих славных боевых знамен и казачьей чести и оренбургские казаки.

28 января 1904 года в Оренбургской губернии стало известно о нападении Японии на Россию. Уже 7 февраля последовало Высочайшее повеление о мобилизации Оренбургской льготной казачьей дивизии в составе двух бригад. Затем вышел приказ Военного министра генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина⁴.

Известие о начале войны вызвало у оренбургских казаков горячий патриотический порыв. В станицах и поселках цариле приподнятое предмобилизационное настроение. Казак Михайловской станицы Василий Плешков вспоминал: «А я не могу дожидаться этого дня, сердце мое разрывается, а не терпит – охота на войну ехать. Когда пришла бумага выходить в поход, я думаю: “Вот приеду до япошки и сразу оторву ему ножки”»⁵. Оренбургская казачка Анна Кожанова также пожелала отправиться на войну с оружием в руках. Она подала прошение о зачислении ее казаком в полк и обязалась отправиться на собственном коне, стоившем в то время около 200 рублей. Она приняла участие в недельных учебных лагерных сборах под Верхнеуральском⁶.

С получением Манифеста о начале войны в Оренбургском казачьем войске приступили к формированию частей. В соответствии с мобилизационным планом Оренбургское казачье войско было обязано выставить 18 конных полков и конно-артиллерийскую казачью бригаду шести батарейного состава⁷.

Из этих частей 6 полков первой очереди находились на службе постоянно. По штатному расписанию первоочередными полками являлись с 1 по 6, комплектовавшиеся по следующему

принципу: достигшие призывного возраста (21 год) казаки I военного отдела направлялись во 2-й и 6-й Оренбургские казачьи полки; 2-го отдела – в 1-й и 5-й; 3-го военного отдела – в 3-й и 4-й конные полки. Три из них, 1, 2-й и 3-й, дислоцировались в Европейской части России. 4, 5-й и 6-й полки несли службу в Туркестанском военном округе⁸. Остальные полки комплектовались следующим образом: на территории I военного отдела формировались 7-й и 8-й второочередные, 13-й и 14-й полки третьей очереди. Во II военном отделе – 9-й и 10-й полки второй и 15-й, 16-й полки третьей очереди. Казаки станиц III отдела в военное время комплектовали 11-й и 12-й полки второй, 17-й и 18-й полки третьей очереди. Помимо конных частей, каждый военный отдел должен был выставить две артиллерийские батареи, одна из которых являлась запасной, а ее личный состав находился на льготе. Кроме этого формировались еще две отдельные сотни и Отдельный оренбургский конный дивизион (на правах первоочередного)⁹.

Для отправки на Дальний Восток Войсковой штаб подготовил Оренбургскую казачью дивизию в составе двух бригад. В первую бригаду под командованием генерал-майора В.А. Толмачева вошли 9-й и 10-й казачьи полки, сформированные из казаков Наследницкой, Верхнеуральской, Великопетровской, Уйской и некоторых других станиц. В состав второй бригады входили 11-й и 12-й конные полки. Командиром бригады был назначен атаман I военного отдела полковник А.Г. Эрдман¹⁰. Полки комплектовались казаками, находящимися на льготе, в возрасте от 25 до 30 лет.

Оренбургская казачья дивизия насчитывала в своем составе 109 офицеров, 2979 строевых и 345 нестроевых нижних чинов. Командование дивизией было поручено бывшему командиру 2-го Оренбургского казачьего полка генерал-майору В.П. Грекову. В этой войне оренбургским казакам предстояло впервые сражаться в составе своей казачьей дивизии, так как в предыдущих войнах участвовали только отдельные полки и сотни. Однако, еще не прибыв на место, приказом генерала Куропаткина дивизия была разделена. 9-й Оренбургский казачий полк был направлен в Приморье и соединился с дивизией только после войны¹¹.

По этому поводу командир дивизии писал наказному атаману Оренбургского казачьего войска генерал-майору Я.Ф. Барабаш: “Дивизии, однако, не суждено было работать совокупно в Маньчжурской армии. 9-й полк ушел в Никольск-Уссурийский, 10-й оставлен в Мукдене, 2-я бригада вошла в со-

став группы генерал-майора П.И.Мищенко и выделила несколько сотен в другие отряды"¹². 26 апреля 1904 года вместе с 10-м армейским корпусом из Киевского военного округа отправился на Дальний Восток 1-й Оренбургский (первоочередной) казачий полк под командованием полковника Николаева. Всего в апреле-мае на фронт было отправлено (с учетом пополнения для частей, находящихся на востоке) около 250 офицеров и 4700 нижних чинов. В последующем для пополнения потерь на театр военных действий отправились еще 297 оренбургских казаков¹¹.

Население губернии принимало деятельное участие в обеспечении формирования Оренбургской казачьей дивизии. Казачья администрация на местах стремилась качественно и в срок выполнить все мобилизационные мероприятия по подготовке казаков к отправке в действующую армию. Так, например, атаману Коельской станицы вахмистру П.Е.Попову за качественную подготовку мобилизованных в 12-й конный полк казаков и хорошее состояние лошадей была объявлена благодарность¹³.

К концу апреля закончилось формирование Оренбургской казачьей дивизии. 1 мая в 6 часов вечера на станции Оренбург началась посадка в поезд штаба дивизии, управления дивизионного интенданта и обоза. Эшелон № 530 прибыл в г. Челябинск 6 мая, где к управлению дивизии присоединились 9-й и 12-й Оренбургские казачьи полки для совместного следования в состав действующей армии¹⁴.

Продвижение эшелонов дивизии на восток было сопряжено со значительными трудностями, связанными с недостроенной к тому времени Транссибирской железной дорогой. Старший урядник 2-й сотни 12-го Оренбургского казачьего полка Николай Петухов вспоминает: "Вот проехали обширную Сибирь, потянулась Забайкальская область, вот скоро озеро Байкал, говорят, очень большое. Мы предполагали, что пройдем на лодках через Байкал, но нет, не пришлось, а пришлось идти и пробиваться по горам вокруг Байкала. Здесь мы вспомнили родную сторону. Пошли сильные дожди, было очень холодно. Хотя было трудно, Господь помог нам перейти вокруг Байкала. Обойдя Байкал, мы снова сели на машину и поехали вперед"¹⁵.

Первыми в район сосредоточения (станция Ташичао) 31 мая 1904 года прибыли сотни 11-го Оренбургского казачьего полка под командованием войскового старшины Гурьева. Через два дня сюда же прибыл 12-й конный полк под командованием войскового старшины Г.А.Бычкова. 10-й Оренбургский казачий полк под командованием полковника Волжина высадился в горо-

де Муклене 1 июня¹⁶. Сразу же по прибытии 2-я бригада (11-й и 12-й полки) поступила в распоряжение отряда генерала П.И.Мищенко, в составе которого участвовала в кровопролитных боях под Вафангоу.

Отряд Мищенко был придан 1-му Сибирскому корпусу, который после неудачных действий против 2-й японской армии 1-2 июня, то есть ко времени прибытия оренбургских казаков, начал отход к северу. Основные силы противника устремились вслед за ним в направлении на г. Ляолян¹⁷. Оренбуржцы на этом этапе участвовали в арьергардных боях по прикрытию отступления своих войск. Бои носили очень напряженный характер, о чем сохранилось такое свидетельство: «Другой раз под вечер, Мищенко приказал собрать оренбургские казачьи сотни, рассыпанные в пешем порядке в стрелковые цепи, с утра находившиеся в бою. Когда приказание было исполнено, что заняло довольно много времени ввиду значительного удаления коноводов, Мищенко посмотрел на часы и сказал: "Долго возитесь. Поздно! Уже семь часов, а то бы приказал идти в атаку на батареи". Между тем, сотни без отдыха пробыли в бою почти 15 часов подряд»¹⁸. В первых же боях бригада понесла значительные потери. 9 июня разезд 1-й сотни 12-го Оренбургского конного полка в составе 22 человек производил разведку в горах и полностью попал в плен к неприятелю. Через десять дней попал в засаду разезд вахмистра Туранина, который был выслан в разведку. Противник, дождавшись, когда казаки втянутся в долину, открыл шквальный огонь – два урядника и 13 казаков оказались в огненном мешке. Трое казаков были убиты сразу, а остальные, несмотря на раны, смогли отойти назад и вернуться в полк¹⁹.

Причиной первых неудач была слабая разведка, а главное – недооценка противника. Однако эти потери не повлияли на боевой дух оренбургских казаков, об этом свидетельствуют многочисленные примеры самоотверженных действий оренбуржцев в последующих боях. Ярким свидетельством этого является рапорт командира 11-й конной батареи артиллерийского дивизиона, в котором он описывает действия батареи в бою 13-14 июня. 13 июня в составе отряда генерала Мищенко батарея совершила трудный марш из района Дашичао и заняла позиции у деревни Мапу. В 12 часов три взвода приняли участие в бою, выпустили 40 снарядов, а на следующий день каждый взвод получил самостоятельную задачу, причем 3-му выпала сложная задача обстрелять японскую батарею.

О действиях этого взвода генерал П.И.Мищенко отзывался в весьма лестных выражениях: "Славными действиями вашего взвода все восторгались" – и приказал командира взвода, нижних чинов по усмотрению командира батареи представить к награждению²⁰.

Командир батареи представил к наградам: командира взвода штабс-капитана В.Врашина к ордену Святого Владимира 4-й степени с мечами, 2 фейерверкеров и 5 нижних чинов к знаку отличия Военного ордена. Кроме того генерал П.И.Мищенко представил личный состав батареи к награждению пятью знаками Военного ордена. Командир батареи в своем рапорте также просил командира дивизиона представить к награждению и остальных офицеров батареи орденами Святой Анны 4-й степени. В этом бою казаки-артиллеристы израсходовали 800 снарядов, в третьем взводе был ранен картечью в шею наводчик, однако он до конца боя оставался в строю²¹.

Иногда в ходе боевых действий казакам приходилось применять не только винтовки, но и состоящее у них на вооружении холодное оружие, в том числе и пики. Так, один из участников войны вспоминал: "Едем в разведку и встречаем японцев. Нас было семь человек, японцев восемь человек. Мы их прижали, у японцев патронов не было и у нас тоже; и мы начали между собой браниться, они нам отвечали по-русски и нас ругали: что вы гоняете нас палками, разве мы собаки; у нас только ребятишки с палками за собаками бегают, как вы за нами. Счастлив их бог, что пехота японская подросла, а то бы мы им дали пиками"²². Этот случай убедительно показывает, что иногда вопросам всесторонней организации разведки, проведения поиска и засад в казачьих частях не уделялось должного внимания. В результате оренбургские казаки несли ничем не оправданные потери.

20 августа в дальнюю разведку под командованием подьесаула Кандалова был отправлен 4-й взвод 6-й сотни 12-го Оренбургского казачьего полка. О действиях взвода в разведке известно из рассказа одного из ее участников, а именно казака Ивана Михайловича Павлючка. "Мы выступили в разведку для осмотра переправы на реке Ляохе, верст за 30 от нашей стоянки. Шли спокойно, открыто, не остерегаясь. Перед переправой все спешили, мы уселись кружком и стали закуривать, расположились совсем по-домашнему, даже лошадей не сбатовали, а поставили возле себя. Не знаю, как оплошал офицер, даже часовых не поставили, видно уж судьба была такая <...> Из гаюляну неожиданно цапнул по нам залп, потом другой. Мы повскакали, бросились ловить

лошадей, японцы так залпами и жарят по нам"²³. Оставшимся в живых казакам пришлось несколько суток пробираться в район расположения своих войск, подвергаясь при этом постоянным нападениям со стороны хунхузов. Из 17 человек, отправившихся в разведку, в полк вернулось всего 11. Казак Павлючек вспоминал: "Казак Максимов и Аллотин были убиты на наших глазах, подьесаул Кандалов, урядник Фомичев и казак Волостин пропали без вести, а Иван Согрин попался в плен"²⁴. Однако, исходя из сведений о потерях в отряде генерала В.П.Грекова, можно сделать вывод о том, что подьесаул Кандалов погиб. Это был первый погибший офицер Оренбургского казачьего войска²⁵.

В июне 1904 года активное участие в боях принимали и казаки 11-го Оренбургского казачьего полка. Практически весь месяц оренбуржцы вели активные боевые действия в составе отряда генерал-майора П.И.Мищенко. Перед отрядом была поставлена задача по задержанию противника в его движении на Гайжоу²⁶. 3–6 июня происходили ожесточенные перестрелки с противником у деревни Яридиогоу. 17 июня полк вел усиленную разведку в районе деревни Паньчань и Уй-Далинского перевала, в перестрелках были ранены хорунжий Карнаухов и Воховцов, а также четверо казаков, один из них тяжело²⁷. Оренбургские казаки, выполняя поставленные командованием задачи, никогда не забывали древней казачьей традиции – не бросать раненных на поле боя. Они делали все возможное, чтобы выручить в трудную минуту своих боевых товарищей. Так, 12 июня в перестрелке с японцами был ранен хорунжий 12-го полка Макаренко, урядник Кузнецов вместе с трубачом сотни вынесли его из-под выстрелов²⁸. За время войны таких примеров было немало.

В июне–июле 1904 года после неудачных боев на реке Ялу Восточный отряд русских войск отступил на север-запад и занял оборону на перевалах Модулин, Фьньшуйлин, Янзенлин, Юшулин и Аньпинлин²⁹. В этих боях активное участие принимал 10-й конный полк. Однако на первом этапе он был разбросан. 2-я сотня была послана в распоряжение генерала графа Ф.Э.Келлера и занималась наблюдением за хунхузами, такие же задачи часто выполняли и другие сотни. 9 июля полк собрался в полном составе у Анпина и вместе с Терско-Кубанским полком составил конницу Восточного отряда. Однако о лихих конных атаках, которыми учили в мирное время, пришлось забыть. В основном пришлось действовать пешим порядком³⁰. Имея в своем распоряжении достаточное количество конных сотен, командование Восточного отряда русской армии ни разу не использовало их под-

линных боевых возможностей, особенно в наступательных боях. Одним из непонятных моментов этой войны было назначение на ответственные командные должности людей, не обладающих соответствующей подготовкой и опытом руководства различными родами войск. К таким генералам относился и генерал Ф.Э.Келлер, который и не скрывал неуверенности в своих возможностях по выполнению возложенных на него обязанностей, о чем откровенно сказал А.Н.Куропаткину при назначении его на должность начальника Восточного отряда. Тем не менее он был утвержден в этой должности³¹.

В это же время в районе Тапичао вел бои Южный отряд Маньчжурской армии. Оренбуржцы в этих боях совместно с уральскими казачьими полками действовали в составе конных отрядов на флангах сосредоточенной здесь группы войск. В письме командир 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска на имя командира 2-й бригады Оренбургского казачьего войска генерала Толмачева восхищается действиями казаков 12-го конного полка. Он пишет: "Они мужественно и умело действовали по прикрытию артиллерии, в полном порядке под сильным ружейным огнем противника прошли лавой и помогли лошаадьми для снятия на ночь с позиции артиллерии"³². Некоторые казаки 12-го полка были за эти бои награждены: младший урядник Иван Скрыпов был удостоен знака Военного ордена 4-й степени. Такую же награду получил и казак Андрей Смолин. Это было по существу одно из первых награждений в русско-японскую войну, причем не только среди кавалеристов³³.

Несмотря на многочисленные примеры самоотверженных боевых действий казачьих полков, входящих в состав действующей армии, они не оказали существенного влияния на ход сражений и исход войны в целом. Русское командование, определяя тактику ведения боя кавалерией, не учитывало особенностей рельефа Маньчжурии³⁴. Безграмотность и отсталость в военном деле большинства русских генералов стало одной из причин неумелого использования потенциальных возможностей казачьих конных полков.

Находящийся в Приморье 9-й Оренбургский казачий полк в боевых действиях не участвовал, однако находился в постоянной боевой готовности³⁵.

После неудачных боев русская армия отошла на север к г. Ляолян. Положение Маньчжурской армии было благоприятным и давало реальные шансы на победу. По диспозиции на Ляолянское сражение от 16 августа 1904 года 1-й Оренбургский казачий

полк входил в группу генерал-лейтенанта Случевского и располагался на оборонительных позициях между деревнями Сычаню и Маньяфань. 11-й и 12-й конные полки в составе 20-й бригады Оренбургской казачьей дивизии находились в отряде генерал-лейтенанта В.П.Грекова, в задачу которого входило охранение правого фланга русской армии на правом берегу реки Тайцзыхе. Бригада располагалась у населенного пункта Хе-чун-пу и использовалась для ведения разведки местности между Сяо-бей-хе и Даваном. Одна сотня оренбургских казаков совместно с двумя ротами 282-го Чернойарского пехотного полка составляла промежуточный отряд между Сяо-бей-хе и фортом № 8³⁶.

В ходе боевых действий планы командования постоянно менялись, оренбуржцам часто приходилось совершать непонятные им перемещения.

В разгар боев 18 августа 1-й конный полк был переведен в состав общего резерва командующего армией³⁷. В это время на передовых позициях поредевшие пехотные роты и спешенные казачьи сотни малыми силами безуспешно контратакуют японские позиции. Недостаток сил и средств в передовых частях привел к срыву наступления, и измученные полки возвратились на исходные позиции³⁸. В боях 17-18 августа обе стороны понесли значительные потери. Отсутствие у командующего Маньчжурской армией достаточных резервов и огромный расход боеприпасов, только орудиных снарядов за два дня боев было израсходовано сто тысяч, вынудило наши войска к 20 августа отойти на главную позицию. Последовавшее за этим наступление армии генерала барона Куроки заставило русское командование отдать приказ об отходе к Мукдену. В ходе отступления наших войск сильные арьергарды, в состав которых входили конные сотни оренбуржцев, осуществляли прикрытия отхода армии на новые позиции.

По окончании отступления отдельные сотни оренбуржцев были оставлены для прикрытия войск примерно в 25 верстах от города Мукдена³⁹.

В летних боях 1904 года отличились многие офицеры оренбуржцы. Только с конца мая по 1 сентября за отличия в делах против японцев в 1-м Оренбургском казачьем полку были награждены: есаулы Ф.Ф.Налобин, В.Печенкин, В.Колачев, сотник В.Лобов, хорунжий И.Лосев, В.Алтанбашев и многие другие⁴⁰. Для большинства из них это были первые, но не последние боевые награды за эту войну.

Отойдя к Мукдену, Маньчжурская армия закрепились на берегу реки Шахе. Казачьи части в это время действуют в основ-

ном в качестве пехоты. К сентябрю соотношение сил стало меняться в пользу русских войск. Куропаткин принимает решение о переходе в наступление, однако и японская армия в это же время разворачивает наступательные действия. В сражении на реке Шахе 1-й Оренбургский казачий полк действовал в составе 10-го армейского корпуса в качестве корпусной кавалерии, а Оренбургская, Уральская и Забайкальская казачьи бригады и три конных полка сибирских казаков составили конницу Маньчжурской армии. Встречные бои не принесли победы ни одной из сторон: и русские и японцы потеряли почти по 50 тысяч солдат и офицеров⁴¹.

Среди оренбуржцев в этих боях особо отличились в 12-м Оренбургском казачьем полку старший урядник Алексей Боровских и казак Ульян Вершинин, совершившие по заданию командования 2 октября удачную разведку. Оба они были удостоены знаков Военного ордена, причем у У.Вершинина это было уже второе награждение за время войны⁴².

Бои носили напряженный характер. Вот как вспоминает о них старший урядник 12-го Оренбургского казачьего полка Н.Петухов: "Вот новое дело. Бой горячий на реке Шахе. Тут пришлось мне очень трудно, пришлось быть в боевой разведке и на глазах отца-командира рисковать жизнью своею. Шесть раз меня с ног сшибало сильным воздухом шимозы. Получил я тут удар в веке для жизни своей; от разрыва шрапнели оглушили меня, а в левом ухе лопнула барабанная перепонка. Мне стало страшно выполнять святое дело, но на все Божья воля, и надо выполнять службу. Господь Бог помог ее исполнить с успехом. За славное дело я получил орден 4-й степени"⁴³. В сентябрьских боях участвовали также казаки 11-го Оренбургского казачьего полка. Так, в одном из боев отличились старшие урядники М.Шеин и А.Дорохов, которые будучи ранены оставались до конца боя в строю⁴⁴. В целом сражение закончилось безрезультатно для обеих сторон, исчерпав наступательные возможности, противники перешли к обороне. На реке Шахе впервые образовался сплошной фронт – свыше 60 км, и борьба приняла позиционный характер. Русские войска закрепились и стали ждать благоприятных условий для перехода в наступление. В это время оренбуржцы в основном участвовали в обеспечении сторожевой службы и производстве разведки противника. Активных действий ни японцы, ни русские не вели. Один из участников войны вспоминает: "Стало тихо и смирно, пошли осенние дожди и холода. Спокойно пошла сторожевая служба, часто были в обстрелах на постах, ходили

охотой в неприятельскую сторону для разведки"⁴⁵. Однако, несмотря на затишье, в боевых действиях казаки несли потери. 5 декабря 1904 года в стычке с неприятелем у деревни Хоскотерза были убиты два казака 11-го конного полка⁴⁵. В этот период Оренбургские казачьи полки были распределены по корпусам и дивизиям. 12–15 января 1905 года русское командование предприняло попытку в боях под Сандепу нанести поражение противнику до прибытия из-под Порт-Артура, после его взятия, японской армии. Нерешительность руководства войсками, неумелая организация взаимодействия, постоянные колебания при принятии решений, приверженность оборонительной тактике и мелочная опека командиров корпусов и дивизий со стороны командующего армией привели русские войска к поражению. Японцы, подтянув 3-ю армию и сформировав новую 5-ю армию, 6 февраля сами перешли в наступление. Началось Мукденское сражение, в котором русские войска вынуждены были отойти на заранее подготовленные Сыпингайские позиции (175 км севернее Мукдена)⁴⁶. На этом активные боевые действия на сухопутном фронте практически прекратились.

В Мукденском сражении участвовали все Оренбургские казачьи полки. Три сотни 10-го конного полка находились в составе 3-й армии, остальные вели наблюдение за хунхузами. 12-й полк при штабе 2-й армии нес в основном службу связи⁴⁷. 4-я и 5-я сотни 9-го Оренбургского казачьего полка с 15 ноября 1904 года находились в районе тыла штаба Маньчжурской армии и в течение более девяти месяцев несли разведывательную службу в районе границы Монголии, службу летучей почты, а также уничтожали и разгоняли бродячие шайки хунхузов, конвоировали обозы. Командовал отрядом войсковой старшина Юдин⁴⁸.

В мае 1905 года передовой отряд генерал-лейтенанта В.П.Грекова располагался у деревни Цулошу и выделил из своего состава в отряд генерал-майора князя Орбелиани 10-й Оренбургский казачий полк. Этот отряд находился на передовых позициях. Особо отличилась в этих боях 5-я сотня. В приказе по передовому отряду от 19 мая говорится о действиях сотни: "За эти дни ей выпала тяжелая задача бороться при двух орудиях с в пять раз сильнее противником, который наступал на нас. Но сотня вышла из этого испытания с честью. За дружную неустанную работу командиру сотни, господам офицерам и казакам приношу мою признательную благодарность. Командиру сотни подьесаулу Серову душевное спасибо"⁴⁹. В ночь с 31 июля на 1 августа отряд В.П.Грекова участвовал в усиленной разведке расположения про-

тивника⁵⁰. После окончания активных боевых действий оренбургских казаков использовали для охраны, разведки и связи.

В летне-осенний период 1905 года основное внимание командование Оренбургской казачьей дивизии уделяло борьбе с распространением инфекционных заболеваний. 26 октября 1905 года дивизии было приказано перейти на зимние квартиры, оставив по три сотни от 1, 11-го и 12-го казачьих полков в распоряжении отряда генерал-майора В.А.Толмачева. 10-й конный полк располагался на одном из разъездов КВЖД⁵¹. В это время командование дивизии принимает меры к устранению неудовлетворительного вещевого и продовольственного обеспечения личного состава полков. К осени 1905 года обмундирование казаков и конская упряжь пришли в почти полную негодность. Одновременно с этим принимаются меры к недопущению мародерства. Еще летом 1905 года генерал В.П.Греков в одном из приказов указывает на то, что поведение некоторых нижних чинов при проведении фуражировки позорит звание российского солдата. "Нижние чины берут насильно у местных жителей продовольствие и угрозами вымогают у китайцев деньги. Бывали случаи, когда за взятое у китайцев – денег не уплачивалось. Приказываю не допускать впредь"⁵². К сожалению, такие случаи были не единичны.

В ноябре поступил приказ по организации летучей почты (доставка письменных распоряжений в части и подразделения) в районах расположения русских войск силами оренбургских казаков. "Летучую почту" должны были держать 1-й и 12-й Оренбургские казачьи полки. От каждого из полков в этих целях назначалось по одной сотне⁵³.

К декабрю 1905 года части Оренбургской льготной казачьей дивизии стали продвигаться к станции Бухай для отправки на Родину. 29 декабря первый эшелон оренбуржцев (штаб дивизии и пулеметные команды 10, 11, 12-го Оренбургских казачьих полков) в 12 часов дня убыли в Россию⁵⁴. В скором времени за ними последовали и остальные полки Оренбургского казачьего войска.

Общие потери Оренбургской казачьей дивизии в русско-японской войне составили 299 человек, из них: погибло офицеров – 2, казаков – 45; ранено офицеров – 17, казаков – 183; пропавших без вести офицеров – 3, казаков – 71⁵⁵. Однако следует отметить, что многие казаки к ноябрю–декабрю 1905 года вернулись из плена в свои или другие части русской армии.

По окончании войны некоторые отечественные и зарубежные военные теоретики (особенно те, кто не был на театре во-

енных действий) считали одной из причин поражения русской армии на полях Маньчжурии пассивность и даже слабость ее кавалерии, в том числе и казачьей. Почему же сложилось такое мнение, соответствовало ли оно реальному положению дел?

От казачьих частей ожидали, что они отлично справятся с тяжелыми природными условиями, а что касается их боевых качеств, то командование думало, что казаки окажутся выше японской кавалерии, которую вообще не принимали всерьез. Основной причиной того, что казаки не проявили своих лучших боевых качеств, явилось применение казачьих конных полков не по их прямому назначению.

Казак почти всю войну действовал как пехотинец; от него требовали разведанных, не обеспечив условий для их добывания; он не имел бинокля, компаса, карты и не был обучен пользоваться ими; ни разу казачьи полки, бригады и дивизия не обрушились всей массой на противника и не изменили ход боя или сражения в свою пользу; интенданты не заготовили для русской кавалерии подковы, сбрую, седла, пики...⁵⁶. Сложные природные условия очень скоро привели в негодность экипировку казаков. Уже к концу 1904 года оренбуржцы начали испытывать нужду буквально во всем. 1 февраля 1905 года генерал-лейтенант В.П.Греков получил письмо, в котором говорилось о трудностях по подготовке нового снаряжения для Оренбургской казачьей дивизии: "Подков решительно негде заказать. Большой заказ для 12-го конного полка выполняли с ноября и за счет казны готовили обмундирование и снаряжение на 25% штатного состава"⁵⁷.

Причиной не всегда удачных действий казаков явилось и то, что даже тогда, когда в ходе боев складывались благоприятные условия для применения больших масс конницы, она оставалась в бездействии. Так, в последние дни боев под Мукденом казаки готовы были прорваться по растянутому тылам японцев, но на это не могли решиться их начальники. В итоге в этом сражении казачьи полки существенной роли не сыграли. Из всех потерь русской армии в Мукденском сражении 97% пришлось на пехоту и только 0,1% на конницу. Отряд В.П.Грекова за этот период потерял 2 офицера и 27 нижних чинов⁵⁸. Главные преимущества конницы – быстрота, внезапность, маневренность – не были использованы русским командованием. Главной причиной этого было не качество казачьих войск, как об этом кричали на всех углах критики казачества, а неумелое их применение. "Хороших рук" для казаков не оказалось⁵⁹. Тем не менее, тогда, когда казаки вступали в бой, они показывали свои лучшие боевые качества, которыми

восхищались не только наши солдаты и офицеры, но и иностранцы. Французский военный журналист Л. Нодо признавал: «Русский солдат пехотинец не мыслит себя без присутствия рядом, зримо или незримо, казака. Вид казаков, маячащих вдали, “успокоительно” действовал на пехоту»⁶⁰. Такая оценка действий казаков в бою – лучшее доказательство того, что казаки приложили все свои силы и возможности, чтобы не уронить славы своих боевых знамен на полях Маньчжурии.

26 ноября 1905 года оренбургским казакам была объявлена “Высочайшая благодарность” за их самоотверженную службу царю и Отечеству на войне. 8 февраля 1907 года оренбуржцам были пожалованы новые знаки отличия на головные уборы: “За отличия в войне с Японией в 1904–1905 гг”. В декабре 1908 года нижним чинам присвоены одиночные белые петлицы на воротнички и обшлаг мундиров⁶¹.

Оренбургские казаки, с честью выполнившие свой священный долг, вернулись домой, впереди их ждали тяжелые испытания разразившейся в России первой буржуазно-демократической революции.

Примечания

- 1 РГВИА, ф.846, оп.16, д.31413, л.8–9.
- 2 См.: Советская историческая энциклопедия. М., 1969. С.400.
- 3 См.: Бескровный Л.Г. Хрестоматия по русской военной истории. М., 1947. С.528.
- 4 См.: Семенов В. Краткая хроника Оренбургского казачьего войска. Русско-японская война // Новое поколение. 1991. 7 дек.
- 5 Семенов В. Оренбургские казаки в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Гостиный двор (Калуга). 1995. № 1. С.167–168.
- 6 Там же. С.168.
- 7 Кобзов В.С. Уральская Варна. Челябинск, 1992. С.55.
- 8 См.: Агафонов О.В. Казачьи войска российской империи. Пантеон отечественной славы. Калининград, 1995. С.25–26.
- 9 Там же. С.321.
- 10 Кобзов В.С. Указ. соч. С.56.
- 11 См.: Семенов В. Оренбургские казаки в русско-японской войне 1904–1905 гг. С.168.
- 12 РГВИА, ф.846, оп.16, д.31409, л.25.
- 13 ГАОО, ф.186, оп.1, д.9, л.67.
- 14 РГВИА, ф.846, оп.16, д.31410, л.23,29.

Семенов В. Оренбургские казаки в русско-японской войне 1904–1905 гг. С.168–169.

16 Там же. С.172–173.

17 Советская военная энциклопедия. М., 1979.С.198.

18 Семенов В. Оренбургские казаки в русско-японской войне 1904–1905 гг. С.168–169.

19 Там же. С.169, 173.

20 РГВИА, ф.846, оп.16, д.31407, л.1–3.

21 Там же, л.1.

22 Семенов В. Оренбургские казаки в русско-японской войне 1904–1905 гг. С.169.

23 Кривошеков А.И. Разбитый разъезд. Троицк, 1913. С.5–9.

24 Там же. С.10, 12–17, 19–27.

25 РГВИА, ф.846, оп.16, д.31407, л.4–5.

26 Там же, л.7–9.

27 См.: Смирнов Н.Н. Слово о забайкальских казаках: Ист. очерк-хроника. Волгоград, 1994. С.223.

28 РГВИА, ф.846, оп.16, д.31406, л.20.

29 См.: Советская историческая энциклопедия. М., 1969. С.403.

30 См.: Оренбургская газета. 1905. 11 февр.

31 См.: Смирнов Н.Н. Указ. соч. С.226, 231.

32 РГВИА, ф.846, оп.16, д.31406, л.25.

33 См.: История казачества Урала. Оренбург; Челябинск, 1992. С.163–164.

34 Смирнов Н.Н. Указ.соч. С.231–232.

35 РГВИА, ф.846, оп.16, д.31409, л.49.

36 См.: Хрестоматия по русской военной истории. М., 1947. С.576–578.

37 Там же. С.583–584.

38 См.: Смирнов Н.Н. Указ. соч. С.265.

39 См.: Хрестоматия по русской военной истории. С.584–585.

40 См.: Оренбургская газета. 1905. 11 февр.

41 См.: Хрестоматия по русской военной истории. С.584.

42 См.: История казачества Урала. С.164–165.

43 Семенов В. Оренбургские казаки в русско-японской войне 1904–1905 гг. С.174.

44 РГВИА, ф.846, оп.16, д.31407, л.69.

45 Там же, л.143.

46 Советская военная энциклопедия. С.199.

47 РГВИА, ф.846, оп.16, д.31414, л.98.

48 Там же, д.31415, л.153–155.

49 Там же, д.31421, л.2–3.

- ⁵⁰ Там же, л.2.
⁵¹ Там же, д.31422, л.2.
⁵² Там же, д.31416, л.9.
⁵³ Там же, д.31416, л.7.
⁵⁴ Там же, д.31422, л.9.
⁵⁵ Там же, д.31414, л.127,150.
⁵⁶ См.: Смирнов Н.Н. Указ. соч. С.170.
⁵⁷ РГВИА, ф.846, оп.16, д.31415, л.19.
⁵⁸ См.: Смирнов Н.Н. Указ. соч. С.318, 319.
⁵⁹ Там же. С.318.
⁶⁰ Там же. С.173.
⁶¹ Семенов В.Г. Краткая хроника Оренбургского казачьего войска. Русско-японская война // Новое поколение. 1991. 7 дек.

Е.В.Волков

ВОЕННО-УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННОЙ СМУТЫ (1917–1919 гг.)

Исторически сложилось так, что в дореволюционный период военно-учебные заведения существовали в единственном городе на Южном Урале – Оренбурге. Прежде всего, это два кадетских корпуса. Первый из них – Неплюевский, открытый в 1825 году как Оренбургское Неплюевское военное училище. Позднее, в 1844 году, его переименовали в кадетский корпус. С 1863-го по 1882 год это учебное заведение, вследствие разного рода реформаторских экспериментов, называлось военной гимназией, а затем вновь кадетским корпусом¹.

Неплюевский кадетский корпус за многие годы своего существования стал настоящей кузницей будущих офицеров, переводчиков, чиновников, уважаемых и известных не только в Оренбургском крае, но и за его пределами. Более семидесяти его воспитанников дослужились до генеральских погон². Среди них, в частности, были герой русско-турецкой войны В.Д.Дандевильль, военный министр Д.С.Шуваев, профессор академии Генерального штаба, военный писатель В.М.Аничков, казаки атаманы А.И.Дутов и В.С.Толстов, большой знаток артиллерийского дела В.Ф.Кирей и ряд других генералов.

В стенах корпуса хранились ценные реликвии: подарки императора Петра Первого калмыцкому князю Тайше – евангелие, крест, “священные сосуды”, кадило и другие церковные принадлежности XVII века, а в так называемой “швейцарской комнате” висели большие настенные часы екатерининской эпохи. Библиотека корпуса считалась по тем временам достаточно богатой и насчитывала до 50 тысяч томов русской и зарубежной литературы³.

В 1887 году открыли еще одно подобное учебное заведение – 2-й Оренбургский кадетский корпус⁴. После Февральской революции корпус переименовали в военные гимназии, кадетские роты стали называть “возрастами”, строевые занятия отменили, а на должности офицеров-воспитателей назначили штатских преподавателей. В связи с выступлением генерала Л.Г.Корнилова в августе 1917 года в этих учебных заведениях изъяли все хранившееся там стрелковое оружие⁵.

В столице Южно-Уральского края находилось также и военное училище, учрежденное в 1867 году как юнкерское. Через десять лет его переименовали в Оренбургское казачье юнкерское училище, с целью подготовки офицеров только для казачьих войск востока страны. С 1910 года оно стало именоваться Оренбургским военным казачьим училищем. В начале первой мировой войны это учебное заведение перешло на четырехмесячный курс обучения и на его базе создали школу прапорщиков пехоты, которая разместилась в здании мужской гимназии на Неплюевской улице.

После октябрьского переворота в Петрограде атаман А.И.Дутов взял на себя всю полноту власти в Оренбургском крае и приступил к организации сопротивления большевикам. В ведении Дутова, естественно, оказались и военно-учебные заведения города. Военные гимназии продолжали свою работу, а в казачьем училище и школе прапорщиков занятия прекратились, так как юнкера несли караульную службу на важнейших объектах Оренбурга.

В январе 1918 года, когда в городе установилась Советская власть, военные гимназии не прекратили своего существования. Их переименовали в трудовые школы, назначив руководителями этих учебных заведений не военных, а гражданских лиц. Так, например, директором 1-й Оренбургской трудовой школы (бывшей Неплюевской военной гимназии) вместо генерал-майора Н.А.Пузанова (с него красногвардейцы сорвали погоны и жесто-

ко избили, он даже потерял один глаз) поставили преподавателя французского языка А.П.Гра².

Военное казачье училище эвакуировалось еще до прихода в город красных. Кадровый состав училища во главе с его начальником генерал-майором К.М.Слесаревым, часть юнкеров, воспитанников военных гимназий и отряд поручика Студеникина (остатки школы прапорщиков) направились в область Уральско-го казачьего войска. Здесь позднее состоялся выпуск старшего курса училища. Казаки, прошедшие курс обучения и получившие звание хорунжих, разъехались по воинским подразделениям. При административно-преподавательском составе училища осталось только около двадцати юнкеров⁷.

Летом 1918 года, после освобождения Оренбурга от большевиков, трудовые школы вновь стали гимназиями военного ведомства и открыло свои двери военное казачье училище. Новый учебный год предполагалось начать, как обычно, с 1 сентября. Приказом по Оренбургскому военному округу атаман А.И.Дутов, "вследствие прекращения связи с Главным Управлением военно-учебных заведений", распорядился сформировать подобное окружное управление, разместившееся в здании Неплюевской военной гимназии. Главными функциями этого управления являлись руководство деятельностью и финансирование военных гимназий и казачьего училища. Его начальником поставили генерал-майора Тимашева с правами командира корпуса. В состав окружного управления входил педагогический совет, включавший генерала Тимашева, его помощника и трех представителей от каждого учебного заведения, избираемого на один год⁸.

По прошествии нескольких месяцев, в начале ноября, в Омске, по указанию Директории, было сформировано Управление военно-учебных заведений, находящихся в Сибири и Оренбургском крае⁹. Сначала это управление возглавлял генерал-майор Кедрин, а затем – генерал от артиллерии Осипов, где вскоре к власти пришел адмирал А.В.Колчак. После этого военные гимназии вновь обрели свое старое название – кадетские корпуса.

Однако не прошло и полугода, как учебная и воспитательная работа в военно-учебных заведениях Оренбурга прекратилась в результате изменения обстановки на фронте: к городу подходили части Красной Армии. В конце 1918 года кадетские корпуса эвакуировали в Иркутск, а чуть позднее, в январе следующего, 1919 года, туда же, в эшелонах, отправились служащие и воспитанники военного казачьего училища. Причем некоторые юнкера уже перед отправкой вместе с нижними чинами одного из

казачьих полков устроили митинг, где обсуждался вопрос: уезжать в Сибирь или остаться в Оренбурге. Митинг закончился тем, что все погрузились в эшелоны, которые отправились на восток. Ехали почти месяц, в пути началась эпидемия тифа, и часть юнкеров заболела. При следовании через Омск личный состав училища был представлен Верховному Правителю¹⁰. По прибытии в Иркутск юнкеров разместили в казармах артиллерийского дивизиона на Первушиной горе. Здесь же, в этом городе, уже находились и два оренбургских кадетских корпуса. Впоследствии, в январе 1920 года, в Иркутске, после падения власти Колчака в Сибири, военно-учебные заведения Оренбурга, ведущие свое начало из старой, императорской России, закончили свое существование.

В это смутное время революции кадетские корпуса Оренбурга имели в своем составе следующее количество воспитанников: к новому учебному 1918 году "неплюевцев" насчитывалось 275 учащихся, а "двадцатикопеечников" (так называли на кадетском жаргоне учащихся 2-го Оренбургского корпуса) – 300 человек. Помимо этого, при корпусах имелись приюты для малолетних воспитанников. Неплюевский корпус располагал приютом, рассчитанным на 30 подростков, которым, как и всем кадетам, определялось столовое довольствие на 5 рублей 80 копеек в день. Во 2-м Оренбургском в ноябре 1919 года в подобном "приютелансionate" находилось 11 детей¹¹.

Штатный состав преподавателей и сотрудников в обоих корпусах (военных гимназиях) был примерно одинаков. Он включал директора, инспектора классов и его помощника, по семь штаб- и обер-офицеров воспитателей, преподавателей, трех церковнослужителей, двух врачей, четырех фельдшеров, двух сестер милосердия. Также среди служащих кадетских корпусов значились смотритель зданий, секретарь, бухгалтер, портной, эконом, два писаря, четыре машинистки, швейцары и несколько работников приюта. Кроме этого, при воспитанниках находилось определенное число прислуги, как правило из отставных солдат¹². Если говорить о жалованьи сотрудников корпусов в этот период, то директор, к примеру, должен был получать 700 рублей в месяц, офицеры-воспитатели – от 450 до 600 рублей, в зависимости от чина, преподаватели – от 100 до 200 рублей, священник – 600 рублей, старший врач – 500 рублей, машинистки – 150 рублей и т.д. Сверх того штатным и частным преподавателям выдавалась денежная прибавка за первые 15 уроков. Всем офицерам и "классным штатным чинам" полагались квартирные и столовые деньги. Военно-служащие при этом получали вещевое довольствие деньгами¹³.

По учебному плану, который был утвержден в 1915 году и который вряд ли претерпел существенные изменения, кадеты изучали закон божий, русский язык и словесность, математику, начальные сведения по естествознанию и природоведению, французский и немецкий языки, физику, космографию, историю, географию, законоведение, химию, рисование и черчение. Необходимо отметить, что программа кадетских корпусов отводила больше часов на изучение таких предметов, как математика, физика и французский язык, чем в гражданских гимназиях и реальных училищах. Во внеурочное время кадеты обязательно занимались строевым обучением, гимнастикой, фехтованием, плаванием, музыкой, пением, танцами. В летнее время воспитанников старших классов вывозили в лагерь¹⁴.

В 1-й класс кадетского корпуса принимались мальчики в возрасте 10–12 лет. По своему социальному происхождению, как правило, это были дети дворян, чиновников, офицеров и казаков. Уникальность оренбургских кадетских корпусов состояла в том, что в них обучались подростки не только православной, но и мусульманской веры. Таким образом, они умножали число грамотных людей в крае даже среди инородцев.

Об условиях жизни оренбургских кадетов в этот период говорят такие факты. Осенью 1918 года в Неплюевской военной гимназии, например, на зиму засаливали капусту и огурцы. Помещения здесь отапливались печами. Освещение учебных аудиторий осуществлялось с помощью электроламп и "керосинок". Имелся даже телефон. Свое свободное время кадеты посвящали крокету, теннису, конькам, рыбалке. Они посещали концерты, театр, цирк. На литературные и музыкальные вечера, проводимые для учащихся, приглашались известные таперы и артисты.

В столь тревожное время, в условиях нестабильной обстановки среди воспитанников наблюдалось падение дисциплины, что выражалось, прежде всего, в самовольных отлучках и побегах с целью попасть в армию, на фронт. Для искоренения подобных случаев военный министр Омского правительства даже издал специальный приказ, который запрещал принимать кадетов в воинские части, а те из них, кто самовольно оставил свои учебные заведения, лишались права поступать вновь туда, а также в военные училища¹⁵.

Коварными врагами человека, которые приобрели большое распространение в годы революции, являлись инфекционные заболевания, уносившие многие сотни жизней. Не обходили они стороной и военно-учебные учреждения. Так, в мае 1919 года 2-й

Оренбургский кадетский корпус потерял трех своих воспитанников, а в августе по той же причине скончался один из офицеров-воспитателей¹⁶.

В плане материального обеспечения кадетские корпуса Оренбурга, как и другие учебные заведения России в тот период, переживали далеко не лучшие свои времена. По составленной в 1918 году Управлением военно-учебных заведений Оренбургского военного округа смете на содержание Неплюевской военной гимназии и приюта при ней требовалось в год 1 971 108 рублей, а потребность 2-й Оренбургской военной гимназии с приютом составила 2 178 504 рубля¹⁷. Но вряд ли такие деньги удалось найти и перечислить на нужды этих учебных заведений.

Оренбургское военное казачье училище с августа 1918 года объявило новый набор учащихся. Обстановка на фронте требовала увеличения количества юнкеров (в октябре 1917 года их насчитывалось всего 150 человек)¹⁸, поэтому в училище кроме казачьей сотни (75 человек) из них сформировали кавалерийский эскадрон (75 человек), пехотную роту (100 человек), артиллерийскую полубатарей (40 человек), инженерное отделение с командой саперов и связистов (30 человек), а также пулеметную команду. По смете расходов данному военному учебному заведению это обошлось в 5 437 950 рублей в год¹⁹.

Поступить в училище могли юноши, окончившие средние учебные учреждения, а также юнкера военных училищ и школ прапорщиков, не завершившие по объективным причинам свою учебу. К училищу, согласно приказу по Оренбургскому военному округу, по желанию прикомандировывались и прапорщики, имеющие образовательный ценз на поступление. В период учебы они, как юнкера, обязаны были посещать лекции, строевые и практические занятия. Им полагалось денежное содержание и другие виды довольствия, но не предоставлялись места в казармах училища²⁰.

Юнкерам, завершившим учебу по первому разряду (то есть на "хорошо" и "отлично"), присваивался чин подпоручика, корнета, хорунжего в зависимости от рода войск, с годом старшинства. Если выпускник имел второй разряд, ему полагалось такое же звание, как по первому, но без старшинства. Лица, окончившие училище по третьему разряду, становились унтер-офицерами с правом через определенный срок получить чин подпоручика²¹.

Курс обучения длился один год и строился в виде лекций, репетиций и практических занятий. Юнкера изучали артиллерию,

фортификацию, законоведение и ряд других военных наук. Помимо этого они занимались строевой подготовкой, фехтованием, гимнастикой, плаванием, оружием делом, стрельбой, верховой ездой, ковкой лошадей, а также музыкой и пением.

Училище имело свой музей с большой коллекцией холодного оружия, библиотеку, насчитывавшую несколько тысяч томов, церковь, где хранились ценные боевые трофеи – знамена, отбитые в боях с киргиз-кайсаками, кокандцами и хивинцами.

В мае 1919 года, уже после эвакуации училища в Иркутск, по причине убыли офицеров на фронте вышел указ с резолюцией А.В.Колчака: определить в училищах и на курсах по подготовке командного состава четырехмесячный срок обучения. К 1 сентября 1919 года Оренбургское военное училище по сокращенной программе должны были окончить 320 юнкеров²². Незадолго до этого, с целью увеличения количества поступающих в училище, в Управлении военно-учебных заведений обсуждался вопрос об открытии там параллельного казачьего отделения для 60 кадетов из казаков²³.

Здесь, в Иркутске, состоялся второй выпуск юнкеров. Они, получив младший офицерский чин, назначались на службу в колчаковские войска. В начале декабря 1919 года объявили новый, третий набор учащихся, в результате которого в сотню зачислили 100 юнкеров, в эскадрон – 70, в артиллерийскую батарею – 100, в пехотную роту – 80 и в инженерный взвод – 50 юношей²⁴.

По штатному расписанию начальник училища имел в своем подчинении инспектора классов и его помощника, старших и младших офицеров, занимавшихся обучением и воспитанием юнкеров, преподавателей, как военных, так и штатских, священника, медицинский персонал, ветеринарного врача, чиновников и офицеров по финансово-хозяйственной части, а также “вольнонаемных” – оружейного мастера, кузнеца, шофера, писарей и машинисток. Оклад начальника училища в 1918 году составлял 800 рублей в месяц, инспектора классов – 600 рублей, командира роты юнкеров – 500 рублей, младших офицеров – 450 рублей, преподавателя законоведения – 300 рублей и т.д. Также “всем чинам училища производились сверх означенного по штату содержания квартирное, вещевое довольствие и паек по приказу военного ведомства”. Юнкера получали жалованье как призванные солдаты Народной Армии Комуца (по состоянию на сентябрь 1918 года). Среди них старшие унтер-офицеры и старшие урядники получали 105 рублей в месяц, младшие – 75 рублей, а рядовые юнкера и казаки – по 45 рублей²⁵.

Периодически в стенах училища собирался дисциплинарный комитет, состоявший из лиц администрации и командного состава, который выносил решения о наказаниях или поощрениях юнкеров, в зависимости от их поведения и учебы. Так, 21 октября 1918 года дисциплинарный комитет в составе начальника училища генерал-майора Слесарева, инспектора классов полковника Пичугина, его помощника подесаула Вагина, священника Вишневого, командиров: роты – полковника Петрова, эскадрона – войскового старшины Наумова, сотни – полковника Мартынова, полубатарей – полковника Мякутина; начальников: команды саперов и связистов – есаула Федорова, пулеметной команды – есаула Халипова, а также нескольких младших офицеров обсуждал ряд вопросов о проступках и успехах воспитанников училища. В частности, рассматривалось дело юнкера Каширина, двоюродного брата известных казачьих краскомов. Он несколько месяцев назад в рядах красногвардейцев занимался реквизицией лошадей в станице Арсинской, подвергая аресту тех, кто отказывался выполнять требования большевиков. Оправдываясь, Каширин утверждал, что был призван в ряды красных насильно. Однако это никак не действовало на мнение членов дисциплинарного комитета, которые приняли решение исключить Каширина из училища и передать его в распоряжение военно-следственной комиссии²⁶.

Октябрьская революция в России заставила многих юнкеров и кадетов, особенно старших возрастов, принять участие в братоубийственной гражданской войне. Среди них, конечно, оказались и воспитанники военно-учебных заведений Оренбурга, большинство из которых сражалось за белое дело.

Первое боевое крещение они получили, защищая свой родной город от красногвардейских отрядов П.А.Кобозева. В конце декабря 1917 года в боях с красными у станции Каргала приняли активное участие 64 юнкера. С их помощью дутовцам удалось захватить село Павловка, а затем и станицу Донецкую, сильно потеснив красногвардейские части. На другой день красные при поддержке артиллерии и пулеметов вновь пошли в наступление, но их атаку отбили. Ночью следующего дня юнкера и казаки разобрали железнодорожный путь в тылу красногвардейцев и обстреляли станицу Сырт. Большевики отступили. Юнкера вместе с казачьими дружинами заняли станицы Переволоцкую и Мамаласьевскую, остановившись на станции Платовка. Дальше границы войска они не пошли²⁷.

В начале января 1918 года юнкера вернулись в училище. После первых успехов казачьи дружины разошлись по домам, а красные, получив подкрепление (800 матросов с судна "Гангут"), снова продолжили свое наступление на Оренбург. Некоторые из воспитанников военных гимназий в этот период сбежали на фронт, чтобы сражаться с врагом. Не обошлось в этом случае без жертв. Среди кадетов-неплюевцев был ранен М. Пискунов и убит М. Кулагин, которого с почестями торжественно похоронили на военном кладбище²⁸.

Когда красногвардейские отряды вновь подошли к Каргале, строевая рота, состоявшая из 15-17-летних учащихся Неплюевской военной гимназии, под командованием вице-фельдфебеля Юзбашева, выступила на фронт для поддержки частей атамана Дутова. Как вспоминал впоследствии один из участников этого события, до вокзала, где их ожидал эшелон, кадеты шли строем и с песней:

*Смело мы в бой пойдем
За Русь святую...*²⁹

Днем 16 января в оренбургской степи, в глубоком снегу, неплюевцы держали оборону, отбивая атаки красногвардейцев. А ночью их отправили в теплушках в город, так как Дутов, исходя из сложившейся обстановки, решил оставить Оренбург. Часть юнкеров и кадетов ушла в область Уральского казачьего войска, некоторые остались в своих учебных заведениях или разбрелись по домам.

Насколько ненадежным в глазах большевиков представлялся контингент воспитанников военных гимназий, которые они превратили в трудовые школы, говорит следующий факт. Весной 1918 года казачий отряд войскового старшины Лукина совершил налет на Оренбург и едва не захватил его. Во время уличных боев 15 кадетов бывшего 2-го Оренбургского корпуса приняли участие в борьбе на стороне казаков. За такую дерзость большевики расстреляли семь преподавателей и воспитателей этого учебного заведения. Среди них оказались бывший директор генерал Ахматов, полковники Вейц, Дударь, Любарский и Хрипунов³⁰.

В декабре 1918 года, когда Оренбург уже несколько месяцев находился в руках белых, подразделения юнкеров приняли активное участие в ликвидации заговора главы Башкирского правительства А.З.Валидова против власти Колчака.

Через год, после эвакуации оренбургских военно-учебных заведений в Иркутск, там вспыхнуло восстание, руководимое Политцентром. Сотня юнкеров-оренбуржцев под командованием

есаула Баженова охраняла гостиницу "Модерн", где разместилось тогда колчаковское правительство. Затем она участвовала в уличных боях за Иркутск. Приходилось тяжело, так как стояли сильные январские морозы. Еду и теплые вещи юнкерам под огнем повстанцев носили оренбургские институтки и иркутские гимназистки. Одно-единственное годное для стрельбы орудие юнкеров было по восставшим с Первушиной горы³¹.

Когда сотня вернулась в училище, генерал К.М.Слесарев направил в обход пригорода Глазково около 80 юнкеров из пехотных и саперных подразделений. Они вместе с отрядами, присланными из Забайкалья атаманом Г.М.Семеновым, вступили там в бой. Атака колчаковцев оказалась отбитой огнем двух чешских пулеметов с тыла, при этом погибло около 20 юнкеров. Семеновцы получили приказ уходить из Иркутска. Их командир предложил Слесареву вместе со своими юнкерами присоединиться к ним. Тот согласился. Училище стало спешно готовиться к эвакуации. По прошествии нескольких часов собрали около 30 подвод, на которые погрузились семь офицеров вместе с самым ценным и необходимым имуществом училища. Части семеновцев ушли вперед на станцию Лиственничное. Вслед за ними, налегке, двинулись отдельные конные подразделения юнкеров во главе со штаб-ротмистрами князем Трубецким и Махниным. Основная масса воспитанников с офицерами выступила глубокой ночью 4 января, когда почти весь город уже находился в руках Политцентра. Колонна училища растянулась на полторы версты по дороге вдоль реки Ангары. Но далеко уйти не удалось. Вскоре колонну окружили повстанцы и повернули ее обратно. Правда, оружие не изъяли³².

Утром следующего дня в училище пришли представители эсеров и меньшевиков и, объявив о падении власти Колчака, потребовали сдачи оружия. Офицеры и юнкера подчинились. Через четыре дня их под конвоем перевели в здание Иркутского военного училища, где они прожили еще месяц. Из 800 учащихся двух училищ здесь оставалось лишь около 250 юнкеров. Со стороны новых властей отношение к ним поначалу было достаточно лояльным: кормили хорошо и, как прежде, — под оркестр, выдавали чистое обмундирование и белье, предоставляли увольнительные в город. Однако в феврале 1920 года, с приближением белых войск генерала В.О.Каппеля, большевики, взявшие к тому времени власть в свои руки, предложили юнкерам помочь в обороне Иркутска и выдвинуться к станции Зима. После получасового совещания юнкера отказались. Тогда комендант города Соколов по-

требовал в течение четырех дней разойтись и записаться в состав частей Иркутского гарнизона. Тем, кто его слушается, он грозил расправой. Уже на третий день всех оставшихся в училище угнали в пересыльную тюрьму, где их предупредили, что в случае штурма города они будут расстреляны³³. Но этого, к счастью, не случилось.

Жизнь бывшего начальника училища генерала К.М.Слесарева закончилась трагически. Сначала его использовали на хозяйственных работах: он рубил дрова и носил воду. Затем отправили в Омск, где поставили руководить школой курсантов комсостава. Уже после первого выпуска школы в марте 1921 года, во время антисоветского восстания в Западной Сибири, Слесарева арестовали и без долгих разбирательств расстреляли по обвинению в связи с повстанцами³⁴.

Оренбургские кадеты после захвата власти в Иркутске Политцентром, а впоследствии большевиками остались также не у дел. Кто-то сумел добраться домой, иные устроились в городе на работу, некоторых мобилизовали в Красную Армию, а часть воспитанников ушли с белыми или выехали в эшелонах иностранных миссий на восток. Неплюевский кадетский корпус превратился в 29-ю Иркутскую советскую трудовую школу.

Таким образом, для последнего периода существования военно-учебных заведений Оренбурга, который пришелся на революционные годы, характерна нестабильность в учебно-воспитательном процессе, связанная с изменением политической обстановки в стране и военным положением на фронтах гражданской войны. Военному училищу и кадетским корпусам приходилось неоднократно прекращать свои занятия на довольно длительное время. Программы обучения и их сроки в этот период часто пересматривались и сокращались. Многие офицеры этих учебных заведений, юнкера и частично кадеты приняли участие в гражданской войне на стороне белого движения. Не обошлось, конечно, без жертв. Причем погибали не только от пуль и снарядов, но и от инфекционных заболеваний, которые приобрели тогда массовый характер. Необходимо также добавить, что некоторые воспитанники оренбургских военно-учебных заведений впоследствии оказались в эмиграции. Например, из бывших кадетов Неплюевского корпуса двенадцать поселилось во Франции, двое – в Германии, один – в Англии, шесть или семь – в Северной Америке, один – в Италии и трое – в Австралии³⁵.

В освещении истории военно-учебных заведений Оренбургского края периода революции и гражданской войны остается

еще много “белых пятен”. Это и количественный, социальный состав учащихся, штатских преподавателей, офицеров, работавших в училище и кадетских корпусах, уровень и качество обучения, взаимоотношения учащихся друг с другом и с преподавательским, командным составом, условия быта воспитанников и служащих, количество выпускников за этот период и т.д. Автор, располагая имеющимся у него материалом, попытался осветить лишь некоторые вопросы темы, поставленной в заголовок данной статьи.

Примечания

- 1 См.: Памятка о Георгиевских кавалерах Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса с кратким очерком истории этого заведения. Оренбург, 1913.
- 2 См.: Шилов Д.Н. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус в эпоху императора Николая Первого // Оренбургское казачье войско: Ист. очерки. Челябинск, 1994. С.64.
- 3 См.: Данилевич М. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус // Военная быль (Париж). 1960. № 45. С.11.
- 4 См.: Второй Оренбургский кадетский корпус в ряду других военно-учебных заведений. Спб., 1894.
- 5 См.: Данилевич М. Указ. соч. С.12.
- 6 См.: Там же. С.13.
- 7 См.: Еленевский А. Военные училища в Сибири (1918–1922) // Военная быль (Париж). 1963. № 6. С.31.
- 8 РГВА, ф.40327, оп.1, д.37, л.4–8.
- 9 Там же, ф.39597, оп.2, д.48, л.12 об., 14.
- 10 См.: Еленевский А. Указ. соч. С.31.
- 11 РГВА, ф.40327, оп.1, д.37, л.25, 56–57; ф.39706, оп.1, д.9, л.18.
- 12 Там же, ф.40327, оп.1, д.37, л.25, 40, 65.
- 13 Там же, л.25.
- 14 См.: Алпатов Н.И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа. М., 1958. С.187, 195–196.
- 15 РГВА, ф.39706, оп.1, д.9, л.6.
- 16 Там же, л.6 об., 9 об.–10.
- 17 Там же, ф.40327, оп.1, д.37, л.3.
- 18 См.: Еленевский А. Указ. соч. С.30.
- 19 РГВА, ф.40327, оп.1, д.37, л.3, 11.
- 20 Там же, д.45, л.12.
- 21 Там же, ф.39597, оп.1, д.99, л.7; Свод военных постановлений. Спб., 1869. Кн.15. Ст.106, 1527.

- 22 РГВА, ф.39597, оп.1, д.99, л.9.
 23 Там же, д.146, л.20.
 24 См.: Еленевский А. Указ. соч. С.32.
 25 РГВА, ф.40327, оп.1, д.37, л.11–13, 21.
 26 Там же, ф.39477, оп.1, д.14, л.4–5.
 27 См.: Еленевский А. Указ. соч. С.30.
 28 См.: Яконовский Е. Каргала // Военная быль (Париж). 1952. №3. С.27.
 29 Там же. С.28.
 30 См.: Семенов В.Г. Второй Оренбургский кадетский корпус // И.И.Неплюев и Южно-Уральский край: Материалы науч. конф. Челябинск, 1993. С.89.
 31 Еленевский А. Указ. соч. С.32–33.
 32 Там же. С.33.
 33 Там же.
 34 Там же. С.33–34.
 35 См.: Данилевич М. Указ. соч. С.13.

А.И.Лазарев

ТРАДИЦИОННО-ПЕВЧЕСКИЙ БЫТ ВАРНЕНСКИХ КАЗАКОВ

Во все времена песня была одним из главных показателей бытовой культуры народа. По опыту своей экспедиционной работы знаю: там, где поют, лучше живут. Взойдешь, бывало, на пригорок, с которого хорошо видна панорама села, где предполагается работа по выявлению талантливых певцов или сказочников, взглянешь и сразу поймешь: здесь ждет удача, потому что село ухоженное, много садов, деревьев, цветов, улицы зеленые, техникой не изрытые, навозом не обезображенные. Бывает и наоборот: деревня худая, Богом забытая, грязная и нищая, как двести лет тому назад, – сюда и заходить не надо: местным жителям не до песен.

Варна – знаменитое уральское село, районный центр Челябинской области, в прошлом – казачья станица. Она и сегодня хранит казачьи культурные и бытовые традиции. Ее влияние чувствуется и в духовной атмосфере окружающих населенных пунктов – Кулевчей, Бородиновки, Владимировки...

Здесь еще помнят традиционную свадьбу, посиделки и вечерки, некоторые виды календарной обрядности. Правда, все это,

судя по материалам фольклорно-этнографической экспедиции Челябинского государственного университета 1993–1994 годов, находится в “убывающем” состоянии, то есть обряды совершаются не в полном виде, словесный и музыкальный их антураж страдает пробелами, путаницей, смешением разновременных традиций, невыдержанностью стиля. Но все же традиция живет, песня сопровождает многие акты общественного быта.

В частности, жив обычай колядования во время рождественских святок. В других районах Челябинской области такой полноты обряда не увидишь. А здесь поют и играют, как в старые добрые времена.

Юноши и девушки, мальчишки и девочки ходят от дома к дому и, войдя в чей-либо двор или избу-хату, поют либо колядки в честь бога Солнца, либо славы в честь Иисуса Христа, либо песенки, в которых оба божества сливаются в один образ: “Пришла Коляда накануне Рождества...” Песни адресуются хозяевам и являются своеобразными новогодними поздравлениями: “... А дай бог тому, кто в этом доме. Ему рожь густая, рожь ужимистая; Ему колоса осьмина, из зерна ему коврига, из полужерна – пирог...” Песни выражают надежду людей, что Бог услышит их просьбы и обеспечит в новом году хороший урожай, от которого зависит здоровье и счастье каждого землевладельца. Просят, чтобы зима была мягкая и снежная: “Зима, зимушка ненаглядная, Погости у нас Колядою. Снег – снегом полношко покрой. Попой весной...” А чтобы Бог лучше понял мечты и желания людей, колядовщики прибегают к “наглядности”: надевают яркие одежды, украшают их лентами, цветами, монистами; носят на шестах изображения солнца, а также символ Рождества – Вифлеемскую звезду, Вертеп... Хотят тем самым показать, о какой яркой, красивой жизни они мечтают.

Часто прибегают и к ряжению. Колядуют в масках старика, старухи, медведя, козы, волка. Древнюю магию переодевания опрошенные нами люди, конечно, не знают. Для них это просто театр, веселый карнавал, повод повеселиться, сбросить с себя груз повседневных забот.

Сохранили варненцы и традиционные праздничные угощения. Они очень разнообразны и богаты.

Считается: чем вкуснее, богаче, тем лучше: Бог, Солнышко должны видеть, о какой сытной жизни мечтает народ. Поэтому ничего не жалеют, кутят всюю. Но было не правильно думать, что одно из названий новогодних, или рождественских, праздников – кутейники – происходит от слова “кутья”, как в старину

именовалась поминальная каша. Дело в том, что наши далекие предки верили: в поворотные дни года активизируются души усопших родителей, они как бы приходят на праздник, чтобы вместе с живыми отметить его, оказать им свое содействие. Поэтому их надо было уважить, угостить культовой едой, то есть кутьей (кашей с изюмом). На праздничном столе обязательно должен был присутствовать мед, вкушая который человек заряжался как бы целительной силой солнца. Сейчас магическая сторона обряда, конечно, стерлась, но традиция пиршества, кутейника сохранилась.

Память о родителях и вообще о предках красной нитью проходит через рождественские праздники. Так, Клавдия Яковлевна Маклакова (село Варна) нам говорила, что под Рождество и под Крещение у них принят обычай жечь навоз среди двора, чтобы на том свете согревались.

Наблюдения показывают, что некоторые особенности варненских обрядов появились в результате взаимодействия здесь различных национальных культур. Так, кулевчинские женщины вспоминали, что у них раньше под Новый год каждый хозяин выезжал в поле, на свой участок земли, и проводил по снегу борозду. Делалось это торжественно, так как в поле оказывались одновременно все хозяева. Упряжь коня, плуг украшались лентами, искусственными цветами. Молодежь переходила от пахаря к пахарю, славилась их в своих песнях-колядках, желая им здоровья и хорошего урожая. Праздник этот назывался экзотически – сохотор. Непривычное это слово при осмыслении оказывается семантически очень ясным: оно образовано от двух славянских корней: “соха” и “гор” (торная дорога). Становится понятным и смысл праздника: пахарь зимою прокладывает первую борозду, связывая тем самым зиму и лето, подчеркивая хозяйственную подоплеку новогодних праздников. Сейчас этот обычай, к сожалению, потерян.

Зато песни, некогда сопровождавшие обряд, еще звучат полно и во всей своей красе. Вот какую колядку напела нам та же К.Я.Маклакова, удивительная старушка, 1896 года рождения.

*Уродилась Коляда
Накануне Рождества.
За горою за крутою,
За рекою за быстрою,
За рекою за быстрою
Стоят леса дремучие.*

*Во тех лесах огни горят,
Огни горят палючие,
Огни горят палючие.
Вокруг огней товарищи,
Вокруг огней товарищи,
Казаки уральские.*

*Вам удачи, господа, на промысле!
Вам удачи, господа, на богатстве!
Вам деток здоровых,
Одежонок новых!
Хозяину, хозяйюшке –
Многие лета! Многие лета!*

Клавдии Яковлевне подпевали ее молодые подружки, из которых самой молодой исполнилось 83 года.

Считаю, что это и есть тот культурный корень, от которого идет варненская певческая традиция. От таких людей, да еще от горно-степной природы.

Хорош край Варненский. Широкое раздолье полей перемежается тихими речками, кустами тальника да березовыми колками. Как эхо уральских гор – каменистые остроги, живописно отражающиеся в пятактовых озерах..

Во все концы района, к селам большим и маленьким, бегут асфальтированные дороги. Катись по ним в машине и ликуешь душой: вот оно – преображенное село. Дома – добротные, каменные – утопают в зелени. На окраине Варны – замысловатые по архитектуре коттеджи (жаль, не русским словом называется их русская красота). Центральная усадьба совхоза “Новый Урал” вообще как сказка: среди деревьев почти волшебные терема, разукрашенные резьбой ворота, фантастические колодцы, поражающие фантазией творцов, точно сошедшие с картин Васнецова. В старинном селе Бородиновка каменных домов не так много, зато традиционные, деревянные, будто соревнуются друг с другом – кто кого перещеголяет выдумкой, красотой.

Хорошо живут варненцы. Может, поэтому и песен народных мы здесь записали больше, чем в любом другом районе. Оговорка “может”, пожалуй, в данном случае лишняя. Как уже говорилось, где люди хорошо живут, то есть любят свою землю, добросовестно трудятся, там и песен больше.

И что удивительно: в Кулевчах и Катенино, в Бородиновке и Владимировке, в Николаевском и Алексеевке, в Варне и Го-

родицах – в селах, исторически и географически родственных, близких друг другу, поют разные песни. Есть, конечно, какая-то часть общего репертуара, но, в основном, у каждого села свое лицо. Завидное количество минувших лет, когда творцом прекрасного был весь народ.

Население в районе устойчивое, старожильческое, поэтому и песни дошли до нас старинные: их пели далекие предки нынешних певцов – первозаселенцы края, выходцы с Дона и Яика, потомки Ермака, Степана Разина и Пугачева.

В Кулевчах три пожилых женщины – А.М.Молчанова, Н.Т.Велина и Х.С.Бычкова – спели нам “Слободушку” – песню времен Степана Разина. Бородиновские певуны, собирающиеся на “посиделки” к Александре Васильевне Сафоновой, ушли еще глубже в историю и спели песню про казачий круг, про выборы атаманом Ермака Тимофеевича. Как-то буднично, как будто такие песни встречаются каждый день, воспроизвела для нас историческую песню про Петра Первого уже знакомая нам жительница Варны К.Я.Маклакова. А мы от каждой такой песни приходили в неопишуемый восторг, потому что понимали: такие песни сейчас – редкость, это подлинные жемчужины народного творчества. А женщины-певуны даже и не догадывались, каким богатством они владеют.

*Что ни ясные соколики,
ой, да соколики,
ой, да казаченьки,
во единый круг слетелися,
казаченьки,
ой, да во единый круг,
во зеленый луг...*

На много голосов, широко и вольно, летит-разливается могучая русская песня. Важно ведь не только то, о чем поют, но и как поют. Поверьте: когда упомянутые кулевчинские женщины запели “Слободушку”, у нас мороз пробежал по коже – столь необычным было ее звучание. Наталья Тимофеевна Велина пела высоким-высоким голосом, как будто жаворонок в небе заливается; напротив, подруга ее Наталья Матвеевна Молчанова “работала” на низах, почти как бас, придавая песне необычный, почти былинный колорит. А ведь был еще и третий голос – Христины Степановны Бычковой, который сплетал оба разлетевшихся голоса в единый многоцветный орнамент. Незабываемое впечатление! Так могут петь только люди, прочно владеющие многовековой певческой народной традицией.

За две недели мы записали 850 песен! Это не считая частушек. Ну, не певческий ли Варненский район?!

Чем дороги эти песни? Тем, что в них – история края, история, переплетенная с судьбами всей страны. Эпической грустью веет от песен, посвященных переживаниям крестьянина, заброшенного “по царской воле на чужу-дальнюю сторону” за “Урал-реку”, где “земля непаханая”, где только и “растет ли, что растет ковыль-трава”. Неудобно вспоминается имя Аракчеева, что все удобные ему для пахоты земли “ко своим рукам прибрал”.

Главное действующее лицо местной истории – казачество. Казаки основали здесь первое русское поселение – Николаевскую крепость (1836 год). Они zaloжили Варну, Лейпциг, Бородиновку, Кулевчи. В этих названиях – отзвук громких русских побед в период Отечественной войны 1812 года. Героика этих славных лет до сих пор звучит в песнях “Ох, сторона ли ты, моя сторонка”, “Ехал казак над рекою”, “За Уралом, братцы, за рекой!” Отразились в песнях и другие военные события: Крымская война – “Отец мой был природный пахарь”, Первая мировая война – “Между гор крутых Карпатских”... Как мы знаем, казачество в социальном отношении было неоднородно. Тем более примечательно, что песен, в которых выражались бы верноподданнические чувства уральских казаков к царю, до нас не дошло ни одной. Зато дошли песни о тяжести казацкой службы (“О чем задумался, служивый?”, “Прослужил казак три года”, “Течет речка по песочку”). Внимания, с исторической точки зрения, заслуживают и песни, в которых трудовое казачество сатирически рисует быт и нравы своих атаманов (“Все званье гости за столом сидят” – песня, которую талантливо исполнил житель села Владимировка Ф.Д.Мыльников).

Хорошо помнят и охотно воспроизводят варненцы старинные свадебные песни. Когда об этом заходит разговор, сразу оживляются, наперебой начинают вспоминать, рассказывать, показывать. Поют свадебную песню с особым чувством:

*Не вставай-ка, любушка, рано-раненько,
Ой, лели, да лели, лели, раненько,
Не чеши-ка головушку гладенько,
Ой, лели, да лели, гладенько,
Не ходи-ка, любушка, рано по воду...*

или:

*Как по морю, как по морю,
Морю синему, морю синему,
Плывет лебедь с лебедятами...*

Чем объяснить такой интерес наших современников к старой свадебной лирике? Несомненно, ее красотой, неподдельной поэзией. Но не только этим. Почти всегда после исполнения этих песен и воспроизведения картин традиционного обряда заводился разговор о современной свадьбе, а в голосах звучала тоска по чему-то безвозвратно утраченному.

В песенном репертуаре варненцев мы обратили внимание на сочетание песен протяжных, проголосных, грустно-величавых с песнями удалыми, беспшабашными, веселыми. Вот уж где хорошо видно, что русская песня не просто поется, а играется. Начиная такую песню, женщины-певуны, сразу молодея, выходят на круг, достают платочки, машут ими в такт, но каждая по-своему, движутся, приплясывая, поворачиваясь, и лица их светятся несказанной радостью, ощущением полноты жизни.

Трудно, невозможно передать словами, как фольклорный ансамбль села Бородиновка исполняет шуточную песню про тетушку Марину, с каким юмором не только словом, мелодией, но и жестами, мимикой характеризуется эта неумеха, которая "ниточку одну спряла – три мозоли кровавых намуляла". И надо было видеть выражение лица главной запевалы ансамбля Пелагеи Леонтьевны Мананиковой, 1910 года рождения, особенно в момент, когда она аттестовала результаты труда тетушки Марины, лукаво обыгрывая рефрен: "сарафанчик-раздувайчик, разбахристый, размохристый, лопуховый".

И все же больше в памяти певцов степного и нелегкого края произведений задумчивого, можно даже сказать, философского плана.

*Пряди, пряди, прялочка,
Пряди, не ленись,
Тянишь, тянишь, ниточка,
Тянишь, да не рвись.
Оборвется ниточка –
Как тебя связать?
Уж не видят глазоньки,
Рученьки дрожат.
Вот я вспомню молодость,
Какая я была,
Устали не знала,
До света пряла.
А теперь старушка я,
Недалек мой путь,
Мою нитку-ниточку
Как бы дотянуть?*

Просто и благородно поет эту песню группа женщин из села Катенино под руководством Т.В.Салищевой, и в этой манере – мудрость исполнителей, потому они и берут слушателей за живое.

Весь фольклор специалисты подразделяют на традиционный и новый. Традиционный – это все, о чем сказано было выше. Новый фольклор возникает в условиях конца XIX – начала XX века и развивается под сильным влиянием городской культуры, а также профессиональной музыки и литературы.

В Варненском районе, в основном, бытует традиционный фольклор, но записали мы немало образцов и городского романса, а также переделки старинных песен, приспособленных к новым историческим условиям. Таковы песни о гражданской войне ("Изда лесу, лесу копия мечей. Едет сотня буденновцев-лихачей", "Не вейтесь, чайки, над морем" и другие), о колхозном строительстве (переделка песни "Раз полоску Дуня жала", "За окном, за колхозным поселком"), о новых взаимоотношениях людей ("Стройные, в капельках вешних, яблони в белом дыму, слышишь, я шлю тебе песню, только тебе одному...").

Особую группу подлинно народных произведений составляют песни Великой Отечественной войны и те, что возникли здесь, в тылу, в далекой степной Варне, и те, что привезены с фронта бойцами и командирами, медицинскими сестрами.

Я еще тогда маленькая была, – рассказывала нам жительница села Владимировка Валентина Николаевна Сгибнева. – Папа на фронте был, с самого первого дня войны, а погиб уже в самом конце – 26 апреля 1945 года. Помню, письмо прислал, а в нем слова песни. "Очень мне слова нравятся, жаль, мелодию передать не могу. Но вот вернусь с победой, вместе петь будем". А мы, не дожидаясь, я, да мама, да сестренка старшая, сами мелодию сочинили. Вот и до сих пор поем...

*К тебе сквозь туманы,
Леса и поляны
Летит мой конверт голубой,
Летит мой листочек,
Родной голубочек,
В тот дом, где расстались с тобой...*

Нельзя равнодушно слушать частушки, которые пели когда-то, во время войны, молодые солдаты, а теперь пожилые женщины, вдовы, так и не дождавшиеся возвращения любимых:

*Ой, какая скверная
Германия неверная:
Заклчила договор,
А напала первая.*

*На войну милый пошел,
Получил винтовочку.
А меня, девчоночку, —
На лесозаготовочку.*

*Скоро кончится война,
Пойдут ребята ротами,
Я своего дорогого
Встречу за воротами.*

*Девушки советские,
Не будьте гордоватые:
Любите раненных ребят,
Они не виноватые...*

Фронтовики-варненцы, учитывая огромную воспитательную силу песен военных лет, создали уникальный ансамбль "Мы за мир", разъезжая по району и исполняя произведения фронтového фольклора. Особым успехом пользуется "Котелок" в исполнении супругов Звездиных, "Песня медсестры" Е.В.Черновой, песни и приговорки Героя Советского Союза М.Г.Русанова.

Организовала ансамбль Ефросинья Кирилловна Завалищина — интересная личность. Она хорошо знает и русские, и мордовские песни, руководит, хотя и не имеет специального образования, двумя хоровыми коллективами.

Меня, — говорит она, — чаще Фрузе зовут, по-мордовски. Ну, а некоторые сразу поворачивают — Фрузе, мол, командир. Я и есть командир. Пока сердце бьется, ноги ходят, силы есть, чего на покой-то идти? Нужно, чтоб от жизни польза была... Вот и поем... Очень уж хочется, чтоб молодежь наши песни переняла, а через них и душу нашу, и мысли, и веру...

Вот такие они, современные носители фольклора. Полны молодого огня, задора, желанья передать молодежи свой опыт, свое знание народной песни Т.В.Селищева (Катенино), М.Ф.Говордовская (Варна), И.П.Продан и М.Н.Соколова (Николаевское), А.П.Котик (Алексеевка), А.В.Сафронова с подругами (Бородиновка), А.Т.Кобзева и Ф.Д.Мыльников (Владимировка), Н.М.Молчанова, И.Т.Велина и И.В.Сенто (Кулевчи) и многие, многие другие подлинныя энтузиасты народного пения. О каждом из них можно было бы написать увлекательные статьи, очерки, может быть, рассказы и повести — было бы желание, хватило бы таланта.

Сейчас под впечатлением от встреч с этими людьми хотелось бы только выразить их общее чувство тревоги — а что же дальше? Да, все они озабочены тем, что уже в преклонных годах, что поколения, идущие за ними, их песен не знают, да и вообще разучиваются петь.

Мне поначалу показалось, что эти сетования не имеют под собой основания. Знаю, что великий Пушкин, обращаясь к своему другу, собирателю народных песен В.П.Киреевскому, советовал поспешить, ибо "через десять лет все эти песни исчезнут из памяти народной". К счастью, прогноз не оправдался.

В 50-е годы нашего столетия мы записывали песни от шестидесятилетних-семидесятилетних женщин, и нам казалось: умрут они — и исчезнет старинная песня. Но в 70-е годы опять изучали эти произведения, которые снова исполнялись женщинами шестидесяти лет (а ведь в 50-е они были совсем молодые). Поэтому я никогда не верил в предсказания о вымирании фольклора, о вымирании народной песни.

Но теперь тревога варненских певцов передалась и мне. И дело вовсе не в летах певунов и не в том даже, что молодежь увлечена рок-музыкой, любит танцевать, но не любит петь. Малейшее усилие со стороны культработников — и молодежь поет! В Варненском районе уже существует два школьно-юношеских фольклорных ансамбля (в "Новом Урале" и Кулевчах). Так что дело не в этом. Дело гораздо сложнее — в социальных причинах, в кадровой политике на селе.

Послушаем, что говорят героини наших заметок.

З.С.Хардина (Владимировка): У нас одни старушки только и поют...

Т.В.Салищева (Катенино): Мы-то, старушки, поем, а вот молодежи не слышно. И поддержки нет никакой. Зав.клубом — так, пустое место... Помрем, и песни наши умрут, а ведь обидно.

Н.М.Молчанова (Кулевчи): Совсем люди разучились петь... Мы только, почитай, и поем. Потому и пить больше стали, что петь перестали... Ей-богу! Вот когда перестали петь, тогда начали пить.

Ф.Д.Мыльников (Владимировка): Раньше коллективно работали, друг от друга зависели, потому и жили дружно. Доярки на дойку идут — поют, с дойки — поют. На поле песни не смолкали. А сейчас каждый сам по себе, все дома есть. Беднее жили, но веселее.

В.Н.Сгибнева (Владимировка): А сейчас доярок в автобус посадят – одна ругань слышна. Да, и по праздникам село – как вымерло. Богаче жить стали, да не лучше.

Т.В.Салищева: Свадьба у нас тут шла по улице. Трезвая. Запели, как бывало, величальную про невесту, про жениха. Так милиционер подошел и велел замолчать, мол, подумают, что пьяные. Получается, что русские поют только пьяные. А я вот всю жизнь пою трезвая. Так это как?

Л.М.Гулевич (Алексеевка): Дом культуры богатый, а работать некому. Баяниста нет. Председатель колхоза и высокую плату обещает, и дом в четыре комнаты, но нет баянистов. Институт культуры готовит организаторов, а нам баянисты нужны...

Вот такие невеселые разговоры. Два выражения, облекшие формы поговорок, особенно должны нас насторожить и заставить задуматься: “Беднее жили, но веселее”, “Богаче жить стали, да не лучше”. К сожалению, мы их слышали в каждом селе.

За всем этим встают задачи не только большой культурной, но и социальной значимости. Рост материального благосостояния нашего села должен идти вровень с его духовным развитием. Все мы вроде понимаем это, а на деле допускаем перекося. Я разговаривал с тем председателем колхоза, о котором упомянула Л.М.Гулевич. Прогрессивный, казалось бы, руководитель, и баяниста ценит как очень нужный колхозу кадр, но, говоря об этом, он допустил все же такое выражение: “Дам ему (баянисту) содержание, как специалисту”. Почему – “как специалисту”? Разве баянист, да еще с высшим образованием, не такой же специалист, как агроном, зоотехник, механик? Вот вам инерция мышления! А чего стоит милиционер, который остановил свадьбу из-за того, что она поет! А тихие праздники, заканчивающиеся торжественным заседанием!

Ромэн Роллан говорил: “Песня – барометр общества. Дайте послушать ваши песни, и я скажу, чем живет народ”.

Варненский район – край традиционно песенный. Неужели же угаснут эти его прекрасные традиции? Не верю! Только мало не верить, необходимо действовать.

Экспедиция и была таким действием. Откровенно скажу: неохотно нас приняли в районе, за обузу посчитали. А оказалось, что не так. Проводили с почетными грамотами, со словами благодарности. Владимир Иванович Савин, заведующий отделом культуры, очень не равнодушный человек, быстро понял, что мы как бы оживляем тот вечный родник, который называется народ-

ным творчеством. Наш приезд в каждое село превращался в праздник. Местные певцы видели, что их искусством интересуются, что они могут передать свои песни в надежные руки. Тем более, что участники экспедиции, записав песню, танец, хоровод, тут же воспроизводили их на сцене, заражая сельскую молодежь своим энтузиазмом, своим интересом к народной поэзии. Владимир Иванович очень содействовал успеху экспедиции. Большое ему спасибо!

Наша песня – наша гордость, наша слава. Но и наша забота!

Т.К.Махрова

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЯЖБЫ В СТАНИЧНЫХ СУДАХ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Издание судебных Уставов 20 ноября 1864 года положило начало реформированию судебной системы России. В основу нового судоустройства закладывались принципы равенства всех граждан перед законом, бессловности, независимого суда от администрации, состязательности и гласности судебного процесса. Реформа была одной из наиболее последовательных и прогрессивных для России того периода, однако и она сохраняла немало элементов старой сословной системы: духовный суд, суд для высших сановников, военные суды, крестьянские волостные суды по мелким гражданским и уголовным делам. В этом же ряду – судебные учреждения казачьих войск России, в частности Оренбургского казачьего войска.

Структура гражданского управления Оренбургского казачьего войска на протяжении XIX века неоднократно подвергалась реорганизации. По “Положению об управлении Оренбургского казачьего войска” от 12 декабря 1840 года войско получило статус самостоятельной военно-административной единицы, функции гражданского и судебного управления от местного губернского начальства перешли к войсковому правлению. Из лиц, не принадлежащих к войску, назначался войсковой прокурор. При каждом станичном правлении состояли два станичных судьи, назначавшиеся приказом войскового Наказного атамана.

В мае 1865 года казачье население Оренбургской губернии по гражданской линии (т.е. в административном, судебном, полицейском отношениях) было подчинено общим губернским и уездным учреждениям. В распоряжении войскового штаба и правления остались дела по военной и хозяйственной части.

Окончательно оформили структуру станичного, поселкового, хуторского управления "Положение об общественном управлении в казачьих войсках" (1870), "Положение об управлении военными отделами Оренбургского казачьего войска" (1884) и "Положение об общественном управлении станиц казачьих войск" (1891). В этой структуре сохранились традиционные станичные суды, но предметы их ведомства и пределы власти были ограничены.

Суд станичных судей состоял из 3–12 членов, избравшихся станичным сбором на 1 год из числа лиц не старше 33 лет, пользовавшихся уважением, доверием, отличавшихся "безукоризненным поведением и домовитостью". Грамотность не являлась обязательным условием избрания на должность станичного судьи. Грамотным отдавалось предпочтение при выборе почетных судей. Станичному суду были подведомственны не пользовавшиеся особыми правами состояния лица как войскового сословия, так и иногородние, временно или постоянно проживающие на казачьей территории. Станичный суд мог рассматривать споры и тяжбы о движимом и недвижимом имуществе в пределах станичного юрта на сумму до 100 руб. включительно, а также дела, связанные с маловажными проступками. Тяжбы на сумму свыше 100 руб., дела о недвижимом имуществе, а также касающиеся лиц не подведомственных станичному суду, подлежали рассмотрению в общих судебных учреждениях и направлялись надлежащему начальству через станичного атамана.

Апелляционная судебная инстанция – суд почетных судей – рассматривал повторные жалобы и дела, связанные со взаимными претензиями казаков разных станиц. В суде почетных судей можно было обжаловать решение станичных судов по искам на сумму свыше 30 руб., а также по приговорам, превышавшим половину максимальной суммы или срока наказания, предусмотренного законом. Суд почетных судей учреждался, как правило, на 2 станицы, судьи избирались на три года и утверждались Наказным атаманом.

Решения станичных и почетных судов могли отменяться Войсковым хозяйственным правлением по представлению атамана отдела или по просьбе заинтересованных лиц в том случае,

когда имело место нарушение законодательно-процессуальных норм.

14 декабря 1891 года для станичных и почетных судей был установлен специальный нагрудный знак, представлявший собой светло-бронзовый кружок, на лицевой части изображался государственный герб с надписью по кругу "Станичный судья. 3 июня 1891 года", а на оборотной – вензель императора и надпись "...станция Оренбургского казачьего войска". Знак для почетных судей был идентичен первому, но на лицевой стороне выбивалась надпись "почетный судья". Почетные судьи имели ряд привилегий (например, обязательное вознаграждение за каждое заседание в размере от 1,5 руб.)¹.

Закон предусматривал наличие еще одного суда – третейского "по совести", то есть суда посредников (одного или нескольких), выбираемых истцом и ответчиком по их взаимному согласию. Таким судом могли рассматриваться тяжбы на любые суммы, если с ними не были связаны преступления и не сопряжена польза лиц, состоявших в опеке. Решения третейского суда обжалованию не подлежали.

В соответствии со структурой местного управления определялся и набор документов, обязательных для делопроизводства станичных правлений и являющихся на сегодняшний день основными источниками изучения хозяйственной, управленческой, судебной деятельности оренбургского казачества. В комплексе сохранившихся документов станичных правлений представляют интерес книги станичного суда для записи жалоб и просьб, книги решений и приговоров судов различных инстанций, книги сделок, договоров, духовных завещаний, а также переписка по поводу жалоб на решения станичных и почетных судов².

Круг дел, рассматривавшихся станичными судами, позволяет проанализировать экономические отношения в казачьей среде в точках их наиболее частого обострения, детализировать общую картину хозяйственной жизни. В сохранившихся материалах Долгодеревенского, Каратабанского, Кособродского правлений последней трети XIX – начала XX века выделяется группа наиболее характерных дел, связанных с хозяйственными спорами и преступлениями в казачьих станицах. Помимо маловажных проступков (к ним относились кражи, мошенничество, покупку заведомо краденого на сумму не более 30 руб.), станичные суды рассматривали дела о потравах, самовольной запашке (покосе, выпасе) на надельных и общественных землях, нарушение условий аренды, подряда, лесного устава, о просроченных долгах, а также тяжбы,

связанные с наследством и опекуном. Достаточно редкие дела о кражах не дают серьезных оснований для анализа. Распространенные случаи потравы посевов скотом решались, как правило, легко и представляют интерес лишь как источник сведений о "мере стоимости" того или иного продукта, определяемой судом для возмещения убытка. С точки зрения изучения экономических отношений наиболее интересные тяжбы, затрагивающие самую основу казачьего хозяйства – землепользование.

Споры, связанные с арендными отношениями, относились к числу распространенных и достаточно трудных для разрешения. Два фактора определяли сложность подобных дел: особенности общинного казачьего землепользования (переделы земли) и частое отсутствие на практике письменного оформления условий аренды. Законодательство о поземельном устройстве казачьих станиц предусматривало сдачу в аренду как участков, выделенных для общественных нужд (право распоряжения "оброчными земельными статьями" принадлежало станичному или хуторскому сбору), так и паевой земли казаков (на срок до одного года)³. Владелец пая мог сдать его в аренду лицам как войскового, так и невойскового сословия. Это право могло быть отобрано обществом в свою пользу лишь в специально оговоренных законом случаях: расточительство, неисправное отбывание воинской, земской, станичной повинностей, неисправный платеж долгов в войсковые и общественные суммы. Арендная плата варьировалась в зависимости от качества земли, ее предназначения (земли под посев, например, оценивались дороже, чем земли под выпас), срока аренды (краткосрочная аренда была дороже). Так в 1880 – 90-е годы хлебопахотные земли Долгодеревенского станичного юрта сдавались в краткосрочную аренду на один год в среднем по 2 руб. серебром за десятину. При долгосрочной аренде (5–6 и более лет) плата за десятину могла снизиться до 15–20 коп. Нередко часть арендной платы была натуральной в виде зерна, муки; допускалась отсрочка части платежа. Условия аренды могли дополняться, причем в устной форме. Такая практика часто создавала повод для последующего судебного разбирательства: участки самовольно распашивались, арендодатели пытались воспользоваться землей, вспаханной и подготовленной под посев арендатором⁴. Поскольку условия аренды оговаривались устно, решающими для суда становились показания свидетелей, а при их отсутствии принималось во внимание такое доказательство со стороны истца или ответчика, как клятва со снятием иконы. Упорядочению судопроизводства способствовало введение в 1870 году книги для записи сде-

лок, договоров и духовных завещаний, в которой фиксировались сделки и обязательства на сумму до 500 руб., заключавшиеся казаками между собой или с посторонними лицами. Сделки словесно объявлялись в присутствии не менее двух свидетелей, запись в книге производилась за определенную плату (до 10 коп. с каждого участника договора) и заверялись подписями сторон и свидетелей (или – по их просьбе – грамотных станичников). Записи и сделанные с них засвидетельствованные копии имели, в случае спора, силу судебного доказательства. Вместе с тем закон не исключал возможности принятия судебного решения на основе "местных обычаев и правил, принятых в казачьем быту", тем более что станичным судам нередко приходилось рассматривать и полукурьезные случаи "аренды", возникающие в повседневной жизни (например попытку взыскать с соседа деньги за помывку в бане или за взятые на время и не возвращенные в срок молот и наковальню и т.п.)⁵.

Общество довольно строго следило за тем, чтобы паевые участки использовались по назначению. В противном случае земельный пай мог быть сдан в аренду и без согласия его владельца. Обычно это касалось членов станичного или поселкового обществ, не имевших оседлости в пределах станичного юрта, не выполнявших общественные повинности ни деньгами, ни натурой, не обработавших своего душевого надела. В соответствии с заведенным порядком землепользования их участки сдавались в аренду, а арендная плата поступала в общественные суммы. Судебные решения по поводу возникавших в этой связи споров защищали, как правило, интересы казачьей общины, "выпавший" из нее по тем или иным причинам человек считался чужим⁶.

Станичный, поселковый земельный отвод включал обычно все виды угодий, в том числе и лесные (за исключением безлесных территорий юго-восточной части края). Документы станичных правлений, приговоры станичных судов отражают стремление поощрить бережное отношение к лесному наделу, содействовать строгому учету и контролю за сохранностью лесного фонда. При рассмотрении споров, связанных, например, с периодическим переделом участков, принимались решения в пользу тех хозяев, которые "не допускали оскудения своих участков", то есть не вырубали, не продавали лес на корню, занимались разведением "лесных левад"⁷. Самовольная порубка в общественных лесах, лесные пожары и другие "нарушения Лесного Устава" были обычным явлением, постоянно рассматривались станичными судами и стояли на производстве станичных правлений по

несколько лет. Так, в описи гражданских дел Долгодеревенского станичного правления за 1898 год такого рода дел – 65, некоторые из них были начаты в 70-е годы и перенесены в опись 1899 года как незавершенные⁸. Затяжной характер разбирательства объяснялся трудностью розыска конкретных виновников, отказом лесной стражи платить штрафы “за слабое охранение войскового леса”. Отпуск войскового леса на строительство и другие нужды был строго регламентированным и платным, поэтому самовольные порубки предпочитали, как свидетельствуют документы 80 – 90-х годов, жители почти всех поселков Долгодеревенского станичного юрта: Кременкульского, Есаульского, Ключевского, Казанцевского, Ужовского, Каштакского, Щербаковского, Костылевского, Заварухинского⁹. Всего в тот же период в Оренбургском казачьем войске регистрировалось ежегодно от 300 до 800 случаев самовольной порубки, реальное их количество было значительно больше⁹. Весьма распространенным было в станицах и такое явление, как “нарушение Лесного Устава напольным огнем”, хотя и эта сторона хозяйственной жизни казаков определялась соответствующей инструкцией о том, как выжигать жнивье и покосы, чтобы “не упустить огонь” и не повредить лесу¹⁰. Причиненный лесу ущерб нередко превышал 100 руб., такие дела предавались на рассмотрение общих судов.

Общие суды занимались, как правило, и имущественными тяжбами, связанными с наследованием и опекуном, так как в большинстве своём казаки-домохозяева завещали своим детям имущество на сумму более 100 руб. Станичные суды могли рассматривать подлежащие их ведению случаи перераспределения части имущества, возникающие в связи с различными обстоятельствами (смертью одного из наследников, невнятность завещания и т.п.). Документы станичных судов, а также книги для записи сделок, договоров и духовных завещаний позволяют составить представление о хозяйстве среднего казака, его материальном благополучии, деталях быта. Вот как выглядел, например, перечень движимого имущества, завещанного казаком Еманжелинского отряда жене и трем дочерям в 1879 году: 3 коровы, 2 мерина, 3 жеребенка, 6 коров, 5 овец с ягнятами, 2 сабана с сошками, 2 телеги, 3 бороны, 5 хомутов, дровни кованые – 4. Завещание казака станицы Кособродской замужней дочери оценивалось в сумму 490 руб.: 20 голов рогатого скота, 8 лошадей, 10 овец, 200 пудов хлеба, мебель и домашняя утварь. Ей же он продал половину дома (2 комнаты) с большим количеством надворных построек за 490 руб. (1900 г.). Цена недвижимости в конце XIX – начале XX в.

в станицах Оренбургского казачьего войска колебалась в пределах 200 – 500 руб. в зависимости от размеров дома, его добротности, количества надворных построек, а также условий сделки¹¹.

В зажиточных казачьих хозяйствах нередко использовались работники по найму, о чем свидетельствуют записи в книгах сделок и договоров, если наем оформлялся письменно, и в книгах приговоров станичных судов, если “ряд” заключался устно и его нарушение требовало судебного разбирательства. Работали по найму взрослые дети казаков, оказавшихся в трудном материальном положении, крестьяне соседних волостей. В “срочную долговую работу” нанимались на год-полтора или на период сельскохозяйственных работ за хлеб или деньги, причем хлеб часто давали семье займы еще до начала отработки¹². Тяжбы возникали из-за досрочного ухода работника без предоставления расчета за фактически отработанное время. В таких случаях суд занимался тщательным подсчетом задатка, стоимости работ, количества проработанного времени, учитывал использование работником своего инвентаря или лошади и устанавливал суммы к оплате или возвращению из задатка¹³. Нередко хозяин и работник не могли удержаться от взаимных оскорблений, и если это подтверждалось свидетелями, суд карал арестом при станичном правлении.

В отношении налагаемого наказания станичные суды большого выбора не имели. За маловажные проступки налагался денежный штраф на сумму до 6 руб., или арест на срок до 8 суток, или общественные работы на тот же срок. Похищенное возвращалось, вред и убытки возмещались по требованию потерпевшего. Повторное наказание могло быть увеличено соответственно до 10 руб. и 12 дней. Приговор станичного суда, не превышавший половины максимального срока или суммы считался окончательным, другие приговоры могли быть обжалованы в суде почетных судей, который имел право увеличить сумму или срок в 1,5 раза. Законом был предусмотрен определенный порядок взыскания материального ущерба. Ответчик мог получить отсрочку до 1 месяца, с согласия истца срок отсрочки увеличивался. При неуплате долг взыскивался прежде всего из дохода, полученного ответчиком с принадлежащего ему недвижимого имущества. При отсутствии такового станичный атаман описывал и назначал на продажу такую часть движимого имущества ответчика, которая покрывала бы взыскания, не расстраивая его хозяйства и не лишая пропитания его семьи до нового урожая. При этом из движимого имущества освобождались от продажи: форменное обмундирование, оружие, снаряжение и строевая лошадь. Опись

и оценка движимого имущества производилась по взаимному согласию истца и ответчика или атаманом станицы при участии стариков-свидетелей. Если через один месяц после описи и объявления о продаже покупателей не находилось, истец мог оставить данное имущество за собой. Эта мера применялась не только для разрешения споров между частными лицами, но и станичным обществом в отношении лиц, замеченных в расточительстве и неисправном отбывании воинской, земской, станичной повинностей или являющихся неисправными плательщиками долгов в войсковые и общественные суммы. Дела о сборе недоимок часто приобретали затяжной характер с длительной перепиской между Войсковым хозяйственным правлением, атаманами станиц и отделов, уездным исправником. Эти материалы нередко отражают характерные особенности традиционного общинного сознания.

В формулировках решений станичных судов явно прослеживается отцовская назидательность, стремление справедливо, с учетом чисто хозяйственной и моральной сторон дела, регламентировать экономические отношения. Последовательно проводил суд линию на сохранение казачьего хозяйства, всегда учитывая бедственное материальное положение ответчика. Например, приговорив вернуть законному владельцу спорный участок засеянной уже земли, возвращал ответчику использованные им на посев семена. Имея ограниченный арсенал средств наказания, станичный суд в формулировках своих приговоров предстает прежде всего как воспитатель, хранитель устоев и традиций: осуждает "желание воспользоваться чужими трудами", самовольство и неподчинение обществу и властям, "несправедливый навет", нерадивое отношение к земле и своим обязанностям, дает указание, как обрабатывать землю, сажает "на хлеб и воду" пьяниц и дебоширов. Даже за "дерзкое отношение" с погибшим от побоев теленком следует арест при станичном правлении на сутки.

Охранительные, воспитательные функции традиционных сословных судебных учреждений особенно отчетливо проявились именно на рубеже XIX–XX вв., когда в общественном сознании устойчивость сословного традиционализма ставится под сомнение, появляется необходимость поддержать стабильность казачьей общины и преемственность традиций казачьего быта. Есть основания говорить и об определенной роли станичных судов в регулировании казачьего хозяйства, что выражалось и в умении соблюсти тонкую меру соотношения буквы закона и мудрости земледельца.

- 1 См.: Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Управление и воинская повинность оренбургского казачества во второй половине XIX – начале XX века. Челябинск, 1997. С.93.
- 2 ГАЧО, ф.И-7, оп.1, д.12, 15, 40, 45, 59, 66; ф.И-30, оп.1, д.38, 39; ф.И-216, оп.1, д. 2, 5, 7; ф.И-12, оп.1, д. 1, 2, 12, 25, 26, 52.
- 3 См.: Петров Ф.В. Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. Спб., 1911. С.41.
- 4 ГАЧО ф.И-7, оп.1, д.40, л. 8 об., 9, 31 об., 39–39 об., 40 об; ф.И-8, оп.1, д.4, л. 86,87.
- 5 ГАЧО, ф.И-7, оп.1, д.40, л.39–39 об; ф.И-8, оп.1, д.4, л.55–56.
- 6 ГАЧО, ф.И-7, оп.1, д.59, л.5–7.
- 7 ГАОО, ф.37, оп.3, д.25, л.1–8.
- 8 ГАЧО, ф.И-7, оп.1, д.52, л.1.
- 9 ГАОО, ф.37, оп.3, д.606., л.206; д.248, л.419 об., 429; д.165, л.3.
- 10 ГАЧО, ф.И-7, оп.1, д.1, л.34 об.–35 об.
- 11 ГАЧО, ф.И-216, оп.1, д.5, л.83–83 об.; д.2, л.99 об.
- 12 ГАЧО, ф.И-8, оп.1, д.4, л.71, 72.
- 13 ГАЧО, ф.И-7, оп.1, д.39, л.13 об.–14.

В.Г.Семенов

ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА ЛЕТЧИКА-КАЗАКА А.Т.КОЖЕВНИКОВА

11 февраля 1938 года в Свердловское управление НКВД поступила телеграмма № 23858 из столицы, в которой предлагалось "арестовать участника антисоветского заговора Кожевникова Александра Тимофеевича, помощника командующего ВВС Уральского военного округа. Приказом НКО № 0019 Кожевников из армии уволен".

В областном управлении составляется справка на арест комдива А.Т.Кожевникова. Из нее следует, что он является активным участником военно-фашистского заговора с целью подготовки переворота в стране. 13 февраля сотрудники УНКВД принимают постановление об избрании меры пресечения: "Кожевникова А.Т., обвиняемого по статьям 58 п.7,8 и 11, арестовать".

... 16 августа 1893 года в семье сотника 6-го Оренбургского казачьего полка Тимофея Дмитриевича Кожевникова и его же-

ны Анны Никандровны родился третий сын – Александр. Отец будущего советского комдива военно-воздушных сил Тимофей Дмитриевич был кадровым офицером. После окончания Оренбургского юнкерского училища более 30 лет служил в казачьих полках царской армии. Во время первой мировой войны в чине войскового старшины он командовал 11-й Оренбургской особой сотней. В августе 1938 года подсудимый краском А.Т.Кожевников напишет: “Отец войсковой старшина (подполковник), убит в империалистическую войну...” Хотя уже в январе 1915 года он по болезни эвакуируется в Оренбург.

В семье Кожевниковых росли три сына и три дочери. Старший сын, Григорий, в чине сотника в 1904 году учился в Николаевской академии Генерального штаба. Средний, Федор, в чине есаула воевал в первую мировую войну в составе 17-го Оренбургского казачьего полка, за отличия в боях отмечен несколькими орденами.

Как и старшие братья, Александр решил стать офицером. С 1904-го по 1911 год учился в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, а затем закончил по 1-му (высшему) разряду Николаевское кавалерийское училище. Его направили служить во 2-й Оренбургский казачий полк, входивший в состав 13-й кавалерийской дивизии и расквартированный в предместье Варшавы. В 1914 году хорунжий Кожевников оставил часть и отправился на родину, где началась мобилизация казаков 2-й очереди в Оренбургскую казачью дивизию. 17 июля 1914 года командиром формируемого в пос. Клястицком 3-го военного отдела 11-го полка был назначен полковник Н.П.Круторожин. 24 июля полк, насчитывавший 11 офицеров и 962 казака, в составе дивизии и под командованием генерала М.Г.Михеева отправился на фронт.

После доукомплектования личным составом и обеспечения боеприпасами в ноябре 1914 года Оренбургскую казачью дивизию включили в 8-ю армию генерала Брусилова и направили воевать на Юго-Западный фронт. В составе этого полка хорунжий Александр Кожевников участвовал во многих сражениях. За подвиги только в 1915 году его наградили орденами Святой Анны 4-й степени “За храбрость”, Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом. В боевых условиях ему приходилось исполнять обязанности адъютанта командира полка и командовать сотней. В 1915 году в его части потери среди офицеров составили 11 человек убитыми, ранеными и контуженными.

12 января 1916 года хорунжий Кожевников назначается командиром конно-партизанского отряда, составленного из наиболее храбрых казаков. В марте того же года партизанский отряд расформировали, а лучшим офицерам предложили продолжить борьбу с врагом в воздухе. А.Кожевников со своим однополчанином Н.Мензелинцевым отправился на четырехмесячную учебу в Севастопольскую авиационную школу. В июле 1916 года он был направлен военным летчиком во 2-й корпусной авиационный отряд.

20 декабря 1916 года сотник Кожевников вылетел на фотографирование неприятельских позиций в район станций Глобы, Новый Массор. Неожиданно он был атакован неприятельскими самолетами и, невзирая на смертельную опасность, самоотверженно вступил в неравный бой. Искусно маневрируя, подвел свой самолет к неприятельскому и обстрелял его из пулемета. После 20–30 выстрелов самолет врага получил повреждения, загорелся и упал в районе станции Глобы. За этот бой А.Т.Кожевников был отмечен Георгиевским оружием.

В январе 1917 года подесаул Кожевников был назначен командиром 3-го истребительного отряда. В боях на Румынском фронте он сбил еще один самолет. В автобиографии в 1935 году писал, что в период октябрьского переворота был выбран (до этого назначался) командиром своего же отряда. В связи с демобилизацией из армии в январе 1918 года прибыл в Москву, где его назначили командиром красногвардейской тульской авиагруппы. А.Т.Кожевников сделал свой выбор сознательно и всю оставшуюся жизнь честно служил советской власти.

В марте 1918 года, после издания декрета о формировании Красной Армии, тульскую группу переформировали в 3-й истребительный отряд. В мае, полностью укомплектованный летным составом и материальной частью, отряд был переброшен на Восточный фронт под г.Симбирск в распоряжение краскома Гая и воевал в составе 24-й Железной дивизии 1-й армии. Во время летних и осенних боев в Поволжье и на Южном Урале Кожевников выполнил ряд ответственных разведывательных полетов. За восстановление связи с отрезанными частями Красной Армии, бомбардировку и обстрел белогвардейских войск неоднократно отмечался благодарностями и денежными наградами. В это же время, после взятия городов Бузулука и Бугуруслана, награжден именным пистолетом системы Маузер. За все время пребывания в отряде Александр Тимофеевич налетал 28 часов 40 минут, и большая часть из них – боевые. В октябре 1918 года за успешные действия

во время взятия Симбирска, Сызрани, Самары, Бузулука, Уфы и Оренбурга приказом командарма М.Н.Тухачевского отряду присвоено звание "Железный", а командиру его объявлена благодарность.

В ноябре 1918 года, в связи с наступлением Деникина, Кожевникова перевели на Южный фронт и зачислили в 1-ю советскую авиагруппу под командованием Павлова, воевавшую в составе 8-й армии, где он возглавил 1-й советский истребительный отряд. Во главе отряда краском Кожевников принимает участие в ряде блестящих дневных и ночных атак на позиции противника, проводит бомбардировку белогвардейских войск, вылетает на разведку и для восстановления связи с частями 8-й и 13-й армий. В апреле - мае 1919 года участвует в боях за Донецкий угольный бассейн.

Действия отважных летчиков красной авиации наносили немалый вред кавалерии белой армии, поэтому А.И.Деникин издал приказ, в котором обещал вознаграждение в сумме 10 тысяч рублей золотом за доставленные головы шести летчиков: Павлова, Ефимова, Сапожникова, Кожевникова и других. В то же время активизировались действия авиации белых. В августе 1919 года генерал Гусельщиков в ходе рейда на станции Алексеевская разгромил авиационную группу Павлова, уничтожив все самолеты и имущество. В 1935 году А.Т.Кожевников так писал об этом: "Несмотря на потерю всего имущества, в течение двух месяцев продолжал непрерывную боевую работу. Войдя в состав авиагруппы по борьбе с рейдирующей конницей Мамонтова, выполнял задания по разведке, бомбардировке и восстановлению связи"².

Александру Тимофеевичу удалось восстановить связь с комендантом окруженных войск Воронежского укрепрайона Седякиным и частями 8-й армии, зажатыми в районе Лиски.

В одном из полетов 13 августа 1919 года, указывая в воспоминаниях Кожевников, совместно с летчиком Гуртынем сбил белогвардейский самолет в районе станции Подгорная. За эти бои был отмечен благодарностями.

В мае 1920 года прибывшего за назначением в Москву летчика назначили командиром того же 1-го советского истребительного батальона в составе 16-й армии на Польский фронт. На этом фронте уже в качестве командира 1-го истребительного дивизиона он участвует в боях, с воздуха поддерживая контратаки 2-й и 10-й дивизий 16-й армии. Во время майского наступления 16-й армии 1-й дивизион был усилен разведывательным отрядом.

По заданию командиров дивизий и армии Кожевников лично выполнил ряд разведывательных и бомбардировочных полетов в расположение войск противника. В одном из полетов летчик приземлился на территории, занятой поляками. Его окружила конница противника. При перестрелке его лицо было изранено мелкими осколками лобового стекла, а корпус самолета получил несколько сквозных пробоин. И все же краском не растерялся, с большим риском для жизни он поднял аппарат в воздух, продолжил полет и выполнил задачу по розыску выходящих из окружения войск 8-й дивизии и восстановлению их связи со штабом армии.

За этот полет А.Т.Кожевников был награжден орденом Красного Знамени. В приказе РВС отмечалось: "При отходе нашей 8-й дивизии на М.Березине связь между штабом 16-й армии и штабом 8-й дивизии была прервана, для восстановления которой было приказано т. Кожевникову выслать самолет и, кроме того, получить и доставить в штаб 16-й армии от начальника 8-й дивизии необходимые сведения. Кожевников сам вызвался доставить пакет начальнику дивизии. Зная о нашем отходе, летчик Кожевников все-таки снизился у М.Березины, дабы узнать, в чьих руках находится последнее, но, услышав обстрел его самолета и заметив появление поляков, включил мотор почти у самой земли и, перелетев через реку Березину, снизился у деревни Новоселки, где и напел начальника 8-й дивизии, кому и вручил пакет. Донесение от последнего доставил в штаб армии. Во время полета обстрелян противником, в результате чего на самолете оказалось две пулевые пробоины"³.

В июле 1920 года, усиленный тремя воздушными кораблями "Илья Муромец", дивизион Кожевникова принимал активное участие в решительном наступлении 16-й армии на Минск и далее на Барановичи. За особо выдающиеся заслуги в период майского и июльского наступления армии дивизион Кожевникова первым из частей красной авиации 28 сентября 1920 года был награжден Почетным революционным Красным знаменем ВЦИК. За личные боевые подвиги Кожевников был награжден именными серебряными часами и велосипедом с памятной надписью.

В августе 1920 года Александр Тимофеевич назначается командиром Особого истребительного звена, состоявшего из четырех лучших летчиков, и направляется на борьбу с Врангелем. В составе 13-й армии его отряд вел бои с авиацией противника. В связи с начавшимся наступлением белых войск по распоряжению командующего фронтом 13 октября 1920 года была сформирована Северная авиационная группа Южного фронта, в состав которой

вошел 1-й дивизион, усиленный воздушными кораблями "Илья Муромец". Командиром этого соединения стал А.Т.Кожевников. Группу оперативно подчинили командарму 2-й конной армии. Краском Кожевников "принимал участие в боях с авиацией противника и в атаках с воздуха совместно с конницей 2-й конной армии по отражению наступления конницы генерала Барабовича, наступавшего в районе Никополя, и других", — отмечалось в наградном листе⁴.

За боевые отличия в октябре 1920 года РВС наградил Александра Кожевникова именными золотыми часами.

В ноябре 1920 года перед решительным наступлением на Врангеля наш земляк назначается командующим авиацией 6-й армии. В ее составе он участвует в боях на Каховском плацдарме, за овладение Перекопскими и Юшунскими позициями и взятие Крыма. 17 мая 1921 года Александр Тимофеевич становится начальником воздушного флота вновь образованного Харьковского военного округа. В интересах мирного населения командующий округом организовал воздушную почтовую линию Херсон — Харьков, за что был отмечен благодарностью командования.

В это время на Украине активизировали свои действия отряды батьки Махно, и командующий авиацией округа сам участвовал в подавлении повстанческого движения, помогал восстанавливать связь с войсками, осуществлявшими разгром восставших.

Во время службы в Харькове главком авиации округа ездил в Москву делегатом на Всероссийский съезд авиационных работников (июнь 1921 года), в сентябре 1921 года был направлен в Крым для инспектирования авиационных и воздухоплавательных частей, расположенных на полуострове. Он также являлся членом окружной комиссии по выработке новой военной формы, участвовал в окружных научном и военно-экономическом совещаниях.

После ликвидации Харьковского военного округа 1 января 1922 года А.Т.Кожевникова назначают командиром 1-й советской истребительной воздушной эскадрильи, размещенной в Петрограде и сформированной из истребительных частей периода гражданской войны.

После окончания гражданской войны возросли материально-технические возможности авиации, качественно улучшился личный состав, что позволило повысить интенсивность полетов как главного элемента боевой подготовки ВВС. В практику вошли полеты на различные расстояния, окружные, межокружные и

общесоюзные перелеты. Устраивались всевозможные состязания на скорость, высоту и длительность полетов. Так, в сентябре 1922 года 1-я истребительная эскадрилья в составе 17 самолетов во главе с А.Т.Кожевниковым совершила перелет из Петрограда в Москву и обратно, с посадкой на промежуточных аэродромах в Боровичах и Твери. Командир эскадрильи получил благодарность от совета авиации.

В октябре 1922 года приказом Главкома Александр Тимофеевич был определен слушателем Высших академических курсов при академии имени М.В.Фрунзе. Через год, после их окончания, назначен начальником Воздушного Флота Московского военного округа. В ноябре 1923 года приказом РВС летчика-краскома направили на должность начальника воздушных сил Западного фронта. В 1924 году управление ВВС Западного фронта было реформировано в управление ВВС Белорусского военного округа. В течение пяти лет Кожевников возглавлял летный состав этого округа. В 1926 году по поручению начальника ВВС РККА он написал Устав истребительной авиации.

За время руководства военно-воздушными силами округа Александр Тимофеевич многое сделал для создания и укрепления авиации Белорусской республики, за что был отмечен высокими наградами и подарками: в 1925 году — золотыми часами, в 1926-м — серебряным портсигаром и мотоциклом, в 1928 году награжден орденом Трудового Красного Знамени № 21 Белорусской ССР.

1 сентября 1929 года приказом РВС СССР А.Т.Кожевников назначен начальником оперативно-тактического цикла Военно-воздушной академии. В 1931 году кроме выполнения этих обязанностей возглавлял командный факультет и курсы усовершенствования начальствующего состава. В 1933 году приказом по академии, в связи с ее реорганизацией, его назначили начальником кафедры оперативного искусства. Более пяти лет отдал Александр Тимофеевич работе в академии ВВС имени Жуковского. За плодотворную научно-педагогическую работу неоднократно поощрялся командованием. Например, в 1933 году приказом по академии ему была объявлена благодарность и вручена денежная награда "за большую, успешную работу, проведенную по оборудованию ... моторной лаборатории". В том же 1933 году "за разработку учебных пособий по курсу для занятий со слушателями академии" начальником академии отмечен именованным pistolетом Маузер. "За особо полезную работу в области строительства и укрепления военно-технической мощи ВВС РККА" ему была объявлена благодарность РВС СССР⁵.

В автобиографии А.Т.Кожевников отмечал: "За время пребывания в академии издал ряд научных трудов, написал стандартный учебник по тактике истребительной авиации. Принимал участие и руководил опытными учениями, был председателем и членом ряда инспекций строевых частей ВВС РККА, согласно приказов начальника ВВС РККА"⁶.

29 сентября 1935 года последовал приказ Народного комиссариата обороны по личному составу № 01304 о назначении А.Т.Кожевникова командующим авиацией Уральского военного округа, куда он отправился 15 октября. Уральский военный округ стал последним местом службы комдива Кожевникова. 6 января он принял новую должность. Военно-воздушные силы округа состояли из 55-го и 33-го авиационных отрядов, в них числилось 28 самолетов, сюда же включили авиационные звенья 65, 82, 98-й и 85-й стрелковых дивизий, в которых имелось еще 12 самолетов. В августе 1937 года А.Т.Кожевников вступил в члены ВКП(б). Рекомендацию дал ему В.Хартин, член ВКП(б) с 1919 года⁷.

13 февраля 1938 года в дом № 2 на улице "8 Марта", где жила семья комдива, пришли работники Управления НКВД, провели обыск и арестовали Александра Тимофеевича. В протоколе обыска указаны предметы и вещи, конфискованные у арестованного. Среди них ордена Красного Знамени, партийный билет члена ВКП(б) № 1340682, именное оружие, малокалиберная винтовка, кобура и полевая сумка.

В анкете арестованного, составленной в тот же день, 13 февраля, указываются сведения о семье: "Жена – Яворская, по браку Борщевич Мария Николаевна, сын Юрий, 9 лет, и Олег – 8 лет"⁸.

В графе, с кем поддерживает связи в РККА, сказано: "Живу я замкнуто, никаких связей с кем-либо из военных не имею... Переписки ни с кем не ведем". Очевидно, арестованный не хотел бросить ненароком тень на кого-нибудь из товарищей. В справке на арест он указывается как беспартийный, однако документы утверждают, что исключение из партии состоялось только 19 февраля. В протоколе заседания парткома о нем говорится: "В старой армии с 1904 по 1918 год, от кадета до командира авиаотряда. Партвзысканий не имеет. Докладывал ответственный секретарь окружной партийной комиссии. Кожевников не присутствовал, арестован НКВД. Постановили: Кожевникова А.Т. – как врага народа – из членов ВКП(б) исключить".

Как свидетельствуют документы 1957 года, следователи НКВД применяли незаконные методы дознания, используя меры

физического и морального воздействия в отношении подследственных: избивали резиновыми дубинками, заставляли выстаивать сутками у стен и прочее. Поэтому через месяц подобных "допросов" арестант согласился дать нужные показания. А 19 марта 1938 года он пишет заявление на имя начальника УНКВД по Свердловской области комиссара 3-го ранга Дмитриева: "Взвесив все обстоятельства и не имея необходимости скрывать от следствия факты, я пришел к выводу дать следствию исчерпывающие показания в письменном виде".

В протоколе допроса все становится ясным с первых же слов. На вопрос: "В каких отношениях вы находились с т. Тухачевским?" – Кожевников ответил, что знакомы с ним по гражданской войне и послевоенной службе в 1923–1929 годах в Белорусском военном округе.

Следователи добиваются признания того, что А.Т.Кожевников, работая в военно-воздушной академии имени Жуковского, поддерживал связи с участниками "военно-фашистского заговора": заместителем начальника Генерального штаба РККА А.Межениновым, преподавателем тактики академии Львовым-Сыхиным, командующим авиационной армией В.В.Хрипиным, которые якобы еще до ареста дали в отношении его нужные следствию показания.

Уже после ареста следователи организуют нужные им свидетельские показания среди подчиненных краскома, которые утверждают, что во время службы в Уральском округе Кожевников занимался вредительской деятельностью. Вот один из отзывов на запрос НКВД о нем, представленный в апреле 1938 года: «"Мое мнение о Кожевникове: опытный авиационный работник, кажется офицер царской армии, специалист по тактике ВВС, беспартийный, крайне неопределенной политической физиономии, осторожный, замкнутый. Особого политического доверия не внушает, о чем мне лично говорил бывший начальник ВВС РККА, член ЦК ВКП(б) т. Баранов, ценил его как специалиста, но характеризовал его буквально "хитрый мужичонка, не то нашим, не то нашим, впрочем, при хорошем комиссаре работать может"». Этот отзыв можно назвать еще лояльным среди представленных в деле.

13 мая следствие по делу комдива было закончено, а в июле вынесено обвинение в том, что А.Т.Кожевников:

1) являлся активным участником контрреволюционного заговора в РККА;

2) привлек к участию в заговоре Львова-Сыхина, бывшего преподавателя академии ВВС РККА;

3) проводил подрывную работу в ВВС Уральского военного округа.

6 августа 1938 года А.Т.Кожевникову было предъявлено обвинение, а 8 августа состоялось закрытое судебное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР. На суде свидетели отсутствовали. В 15.00 часов приговор огласили:

“...Признав Кожевникова виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 586, 58 п.7,8 и 11 УК РСФСР, Военная коллегия Верховного Суда СССР, руководствуясь статьями 319, 320 УПК РСФСР, ПРИГОВОРИЛА: Кожевникова А.Т. лишить военного звания комдива и подвергнуть высшей мере уголовного наказания – расстрелу, с конфискацией всего лично принадлежащего ему имущества”.

Приговор приведен в исполнение в тот же день, 8 августа 1938 года.

Следователи, сфабриковавшие дело Кожевникова, как и начальник Управления НКВД по Свердловской области, уже через год за преступные фальсификации были расстреляны сами.

В 1956 году Главная Военная Прокуратура СССР пересмотрела дело А.Т.Кожевникова. На запросы прокуратуры пришли хорошие отзывы о нем. Полковник запаса, член КПСС с 1918 года, в свое время работавший заместителем начальника Политуправления Уральского военного округа К.М.Каменев написал: “Тов. Кожевникова я знаю по своей службе в штабе Уральского военного округа в конце 1936–1937 гг. Кожевникова за этот период я знаю только с положительной стороны, как хорошо знающего свое дело командира РККА. Кожевников А.Т. пользовался авторитетом как у руководства округа, так и среди своих подчиненных. У меня осталось мнение о Кожевникове как несомненно порядочном человеке”⁹.

Более подробный отзыв написал политработник, член КПСС с 1920 года Н.П.Тройников: “Знаю т. Кожевникова А.Т. с 1935 по 1938 год по совместной работе в штабе Уральского военного округа, где я работал начальником отдела руководящих политработников Уральского военного округа. На всем протяжении совместной работы... зарекомендовал себя хорошо... Исключительно дисциплинирован, бережно относился к укреплению боеспособности ВВС округа, богатый опыт пилота (мне приходилось несколько раз бывать с ним в воздухе во время учений), все это

создавало заслуженный авторитет и уважение со стороны подчиненных ему командиров.

Тов. Кожевников был требовательным к себе и товарищам по работе, личным примером, требовательно и настойчиво он обеспечивал проведение всех мероприятий по повышению боеготовности военно-воздушных сил округа. За весь период совместной работы я знал тов. Кожевникова как честного, правдивого и идеологически выдержанного работника, который интересы службы ставил выше всего и пользовался доверием со стороны партийных органов. Мне ничего не было известно о каких-либо антисоветских его выступлениях”.

25 октября 1956 года Управление Главной Военной Прокуратуры СССР вынесло следующее определение: отменить приговор от 8 августа 1938 года в отношении Кожевникова А.Т. и прекратить его дело за отсутствием состава преступления. 26 марта 1957 года Военная коллегия Верховного Суда СССР утвердила предложение Главной Военной Прокуратуры, и комдив А.Т.Кожевников был реабилитирован.

Примечания

- ¹ Кроме А.Кожевникова и подьесаула Н.Мензелинцева в августе 1916 года летчиком-наблюдателем стал подьесаул 6-го Оренбургского казачьего полка К.Качурин, направленный в 4-й отряд истребителей.
- ² Архив Управления ФСБ по Оренбургской области, д.12057.
- ³ РГВИА, ф.5213, оп.1, д.2.
- ⁴ РГВИА, ф.2007, оп.1, д.56.
- ⁵ ГАОО, ф.185, оп.1, д.17.
- ⁶ ГАОО, ф.49, оп.1, д.75.
- ⁷ Приволжские крылья. Куйбышев, 1980.
- ⁸ ГАОО, ф.1912, оп.1, д.926.
- ⁹ Шумихин В.С. Советская военная авиация, 1917–1941. М., 1986.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ФУНКЦИИ СТАНИЧНОГО ЗВЕНА УПРАВЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Основным звеном войсковой системы управления в Оренбургском казачьем войске являлось станичное, стоявшее наиболее близко к основной массе казачества. Органы станичного управления и их функции с течением времени менялись, усложнялись, а их правовая регламентация совершенствовалась.

Создавая оренбургское войско, правительство готовило плацдарм для дальнейшего продвижения в Азию. Основой его ядра стали городовые дворяне и казаки крепостей Башкирии и Исетской провинции. Главная повинность этих казаков заключалась в несении сторожевой, разведывательной и кордонной службы. Так, к примеру, уфимские казаки еще с конца XVI века «начали отбывать непрерывную действительную службу государству»¹ и вместе с другими служилыми людьми составляли городской полк, который находился в оперативном распоряжении уфимского воеводы. Жили эти казаки особой станицей в г. Уфе и имели для внутреннего управления своего станичного атамана². В середине XVIII века «казачью избу» составляли: атаман, сотник, писарь, 5 урядников и 6 капралов. В Ставрополе, Самаре и Алексеевке казаки несли караульную службу в городе, участвовали в конвоях, на них возлагалась и почтовая служба. Первоначально, входя в состав гарнизонов крепостей, эти казаки все же сохраняли частично свое управление, имея атамана и писаря, но по общим вопросам полностью подчинялись Симбирской провинциальной канцелярии, а позднее – командирам Ландмилицких полков. Исетские казаки, как отмечал Ф.М. Стариков, до 1736 года не имели какого-то отдельного казачьего органа управления³. Жили разрозненными общинами и действовали сообразно именным указам Тобольской приказной большой палаты. Власть внутреннего казачьего управления и суда в каждом поселении, в силу традиции, принадлежала Кругу – местной казачьей общине. Для управления общиной Круг выбирал ежегодно из своей среды атамана, который и исполнял его решения. С образованием Исетской провинции и перенесением провинциальной канцелярии в Челябинскую крепость ее атаман Севастьянов поступил в полное подчинение воеводе полковника И.Н. Татищева⁴. Своих атаманов имели и казаки других крепостей края.

Уфимские, самарские, а также незначительное число яицких, донских и малороссийских казаков и Исетское казачье войско, войдя в состав оренбургского казачества, стали не просто его составными частями. Они принесли с собой традиции казачьей общины, культуру, воинский быт, сам дух казачества, явились учителями и наставниками для остальной разнородной массы, только что поверстанной в казаки из различных категорий крестьян, ссыльных, крещеных калмыков, башкир, киргизов, торговых и служилых татар.

Экономической основой «государевой» службы казаков являлись в основном земельные участки, которые выделялись для всей команды, или казачьей общины. Например, казакам Кичигинской и Еманжелинской станиц Исетской провинции в 1742 году было отмежевано 57831 десятина земли⁵. Проживали городовые и исетские казаки компактно – артелями или общинами в крепостях и пригородах, постепенно отселяясь на свои полевые займки. Так, переписью 1795 года только в окрестностях Челябинска было зарегистрировано 28 казачьих поселений с общим числом 466 дворов⁶.

С началом активного освоения Оренбургского края организационной формой образования общин становятся казачьи отряды, формируемые из представителей различных социальных групп, прибывающих на пограничную линию. Такие отряды дислоцировались в крепостях и представляли из себя низовые боевые единицы. Казачьи артели получали землю вокруг крепости и пользовались ею сообща. Общинные порядки привносили в край и прибывающие переселенцы из Яицкого и Донского войск⁷.

С учреждением Оренбургской губернии и подчинением всех казаков края в военном отношении Оренбургскому губернатору складываются основные принципы и формы низового звена управления казачьим войском – станичного. Это звено восприняло традиционные формы: атаман, есаул, сотник, хорунжий и писарь, выбираемые обществом и составляющие казачью Избу – архаичный орган управления общиной. Существовавшие у оренбургских казаков звания хорунжего, сотника, есаула первоначально определялись должностными обязанностями и занимаемым их носителем местом в иерархии казачьей общины, а не являлись собственно персональными званиями. Так, например, хорунжими назывались хранители хоругвей и знамен, а сотниками и есаулами – казаки, имевшие под своим началом небольшие отряды. Подобно крестьянской общине, станичный орган управления в XVIII – начале XIX века обладал множеством функций,

охватывающих все стороны жизни казака, но его стержневым элементом выступали не поземельные отношения, а государственная служба. Жизнь служилой организации, особенно на первоначальном этапе, во многом регулировалась обычным правом, традицией, которые постепенно вытеснялись иной формой права – нормативно-правовым актом и в первую очередь – регламентом, приказом.

Стремясь не допустить проникновения вольного духа казачества в среду формируемого казачьего войска, правительство, с самого начала отвергнув казачий круг, ставит станичное звено под жесткий контроль администрации края и многочисленных офицеров регулярной армии. Служба и многие стороны жизни, особенно линейных казаков, подробно были регламентированы указами, приказами и инструкциями провинциальных канцелярий⁸. Так, касаясь выборов низового звена управления казачьих общин, нормативным актом Оренбургской комиссии от 3 июня 1742 года было предписано, что выборы в сотники, пятидесятники и хорунжие проводить “обще с комиссарами” дистанций, выбирать на названные должности “домовых и добросостоятельных людей”⁹. Администрация губернии поддерживала право комиссаров дистанций и комендантов крепостей подвергать казаков и их атаманов телесным наказаниям, “если на то имеются основания, считая, что они властны это делать, как с подчиненными”¹⁰. Еще более жесткая система контроля и управления казачьими общинами была введена после подавления пугачевского восстания. Военным комендантам была предоставлена безграничная власть как над солдатами, так и над проживающим в крепостях населением. “В крепости все делалось по команде, даже за водой идти и печи топить нужно было в определенное время”¹¹. В этих условиях не приходилось говорить о складывании сколько-нибудь эффективной системы внутреннего казачьего управления. Атаманами казачьих станиц, как отмечает В.С.Кобзов, правительство стало назначать армейских офицеров и наиболее благонадежных офицеров из казаков¹². Только после восшествия на престол императора Павла I произошли некоторые изменения в жизни оренбургского казачества. Сведенные по реформе 1798 года в пять отдельных кантонов, казаки получили возможность относительно самостоятельно решать некоторые вопросы внутренней жизни. С этого времени станичные атаманы перешли в непосредственное подчинение кантональной администрации, а в их обязанности вменялось проведение общественной запашки, оказание помощи семьям казаков, состоящих на службе, а также многочисленные админи-

стративно-полицейские обязанности. Так, о всех происшествиях, умерших и родившихся в казачьих пригородах и станицах “казачьи дела должны уведомлять как своего капитана-исправника, так и войсковые дела”¹³. Атаманы должны были контролировать правильность и очередность отбывания воинской повинности, наличие у казаков должного снаряжения и исправного вооружения и обмундирования. Одной из главных обязанностей атаманов было обучение казаков воинскому искусству – казачьей “экзерциции”. “Чтоб исправно умели владеть лошадью, заряжать ружье, стрелять в цель и тому подобное. Иметь попечение, чтоб каждый из них по казачьему обыкновению к воинскому делу исправность имел”¹⁴. Ежемесячно станичные атаманы через кантональные правления отправляли в Оренбург в войсковую канцелярию рапорты о списочном и наличном числе казаков. На их основе Войсковой атаман производил зачисление в казачью службу 17-летних юношей, так называемых малолеток. Следует отметить, что Оренбургские казаки в XVIII – начале XIX века были отягощены разнообразными натуральными повинностями, контроль за осуществлением которых был возложен на станичную администрацию. В число общественных работ и натуральных сборов входили: почтовая, подводная, заготовка леса, смолы, конвоирование “колодников” и солевозов, сопровождение почтовых карет, фортификационные работы¹⁵.

Практически с момента своего организационного оформления казаки, во главе со своими атаманами, выполняли и карательные функции государства. Так, например, в 1758 году 25 табынских казаков с атаманом Мутовкиным и 100 нагайбакских с атаманом Ереминым “приводили в послушание” крестьян, приписанных к заводам графа П.И.Шувалова¹⁶.

Таким образом, особенности заселения Южного Урала – вольная крестьянская и правительственная военная колонизация, а также характер создания Оренбургского казачьего войска наложили существенный отпечаток на формирование низового звена управления казачьих общин, особенно на ранних этапах их возникновения. До сведения общин в единое структурное образование станичное управление было обособлено от системы государственных органов. Существовавшие традиции казачьего самоуправления сложно взаимодействовали с системой воеводческой власти. В период же образования Оренбургского казачьего войска, организации системы его управления проявляется тенденция, направленная на ограничение казачьей вольности, ликвидацию имевшихся демократических институтов и автономии казачьих

общин, в частности, исетских и уфимских казаков. Общественная и хозяйственная жизнь казаков в значительной мере выступала в качестве производного элемента, подчиненного осуществлению военной доктрины и административно-полицейских функций государства. Вместе с тем, вплоть до середины XIX века отсутствовали и единые нормативно-правовые акты, которые бы с учетом местных условий достаточно подробно регулировали правовое положение станичного управления. Вопросы, связанные с разносторонней деятельностью этого звена войскового организма, регламентировались и решались в основном властями губернии на основе аналогичных правил войска Донского¹⁷.

Первая половина XIX века стала для оренбургского казачества периодом целенаправленного поиска оптимальной системы его организации и управления, закончившимся принятием в декабре 1840 года "Положения об Оренбургском казачьем войске"¹⁸. Принятый нормативный акт завершил почти двадцатилетнюю кропотливую работу первых лиц губернии: П.К.Эссена, П.П.Сухтелена, В.А.Перовского и ряда комиссий, проектировавших этот основополагающий для оренбургского казачества документ. "Положение" воплотило изменения военной доктрины, экономической и социально-политической обстановки в государстве.

С этого времени войсковая территория разделилась на два военных округа. В состав каждого стало входить по пять территориально-полковых округов, являвшихся промежуточной ступенью войсковой системы управления. В ведение полковых правлений входило руководство всеми сторонами деятельности казачьих общин. Каждый полковой округ разделялся на станичные юрты, в состав которых входила станица (поселение, где располагалось первичное звено управления – станичное), поселки и хутора или выселки.

По опыту Донского, управление Оренбургским казачьим войском было разделено на гражданское и военное. Низшим звеном системы казачьего управления становились станичные правления, возглавляемые станичными начальниками. Помимо них в правления станиц входило по двое судей и двое писарей: один по военной, а другой по гражданской части. Вышеуказанные должностные лица и образовывали местную исполнительную власть, в подчинении которой находилось все население станичного юрта – казаки и "посторонние", постоянно или временно проживающие в станицах и хуторах.

Правовой статус этого звена нормативный акт практически не регулировал, отсылая к правилам Донского казачьего войска. Зато "Положение" прямо устанавливало, что на всей войсковой территории "обязанности земской полиции ... возлагаются: в полковых округах – на полковые, а в станицах – на станичные правления"¹⁹. В отношении же полицейской службы в подчинении станичного правления находились и все чиновники, проживающие на подведомственной территории. При этом отмечалось, что долг каждого жителя станичного юрта есть беспрекословное выполнение всех законных требований и приказов станичного правления²⁰.

Курс, взятый правительством на ограничение самостоятельности местного управления, нашел свое выражение и в порядке образования станичной администрации. Вышестоящие войсковые структуры контролировали подбор и назначение должностных лиц станичного звена управления. Элементы выборности, частично сохранившиеся от исетских казаков, окончательно ликвидировались. В условиях кризиса крепостнической системы, путем администрирования и милитаризации всех сторон жизни казаков власти пытались сохранить свое влияние на состояние дел в общинах. Параграф 337 гласил, что станичные начальники и станичные судьи избираются населением станиц сроком на три года и утверждаются в должности Войсковым наказным атаманом. Примечание же к этой статье существенно меняло смысл вышеизложенной нормы и требовало руководствоваться "на сей предмет" правилами об управлении войска Донского. Эти же правила предусматривали право казаков лишь на выдвижение своих кандидатов на должности первичного управленческого звена. Затем на станичных сходах казаки определяли трех претендентов на должность атамана (начальника). Наказной атаман по рекомендации полкового командира назначал одного из них станичным начальником. При утверждении учитывался чин кандидата, его заслуги, благонадежность и степень грамотности. Если атаманом становился рядовой казак, то он "признавался в чине хорунжего на все время, пока находился в должности"²¹ и наделялся определенными административными правами. Он, например, мог подвергнуть любого казака станицы штрафу в размере до 3 рублей или подвергнуть их аресту и общественным работам на срок до 5 суток. Помощником же станичного атамана назначался один из выдвинутых, но не утвержденных кандидатов. Подобным образом происходил выбор и замещение должностей станичных судей из числа наиболее авторитетных и заслуженных представителей вой-

скового сословия. Станичный начальник или станичный судья, пробыв на своем посту два срока (6 лет) и избранный на третий мог получить первый офицерский чин – хорунжего.

Положение 1840 года, как и Положение 1846 года о Сибирском линейном войске, формально учли существование институтов казачьего самоуправления – станичные сходы, станичный суд, но вместе с тем правительство позаботилось и о том, чтобы право утверждения им выборных станичных атаманов фактически свело на нет или, по крайней мере, превратило в формальность выборность их казаками. Часто даже и этот порядок формирования станичного управления не устраивал местные власти.

В 1856 году Оренбургский и Самарский генерал-губернатор Перовский обратился к Военному министру с просьбой отменить сложившийся в казачьих войсках порядок подбора кандидатов на должности станичных начальников и судей, мотивируя это тем, что он “по опыту оказался неудобным – большей частью в станицах оказывались и оказываются упущения и несправности от неспособности предложенных кандидатов, ибо одни станицы состояли исключительно из бывших крестьян и солдат, в других большинство населения составляют татары, не знающие даже разговорного русского языка”²². Ходатайство генерал-губернатора было отклонено, и “определение” станичных начальников было оставлено без изменений, “т.е. по выдвижению станиц и утверждению в должности Наказным атаманом”²³.

Функции станичной администрации были многочисленны и разнообразны, включали в себя обязанности как по военной так и по гражданской части. “Станичные начальники и правления должны неослабно наблюдать, дабы жители станичные, как люди военные, сохраняли непремненное чинопочитание, не только младшие к старшим в чинах, но и наравне между собой, к опытным, заслуженным и старшим летами казакам”²⁴. Строго наказывались случаи неповиновения в семье – до тех пор, пока сын не выделялся в собственное хозяйство, он обязан был беспрекословно выполнять все указания родителей. Станичное правление следило за тем, чтобы при выделении сыновей, их не обделяли имуществом, с этой целью станичный Сбор утверждал договоры о разделе имущества и мог заставить отца выделить положенное принудительно. В обязанности станичных правлений входило и содержание в надлежащем порядке всей документации: именных и очередных списков, метрических, штрафных и других книг, а на начальников лично возлагалось “неослабное” наблюдение за точным исполнением всего делопроизводства. Атаманы станиц контроли-

ровали правильность и очередность отбывания воинской повинности, которая в соответствии с положением делилась на полевую и внутреннюю. По выслуге на полевой службе 25 лет казаки переисчислялись во внутреннюю по войску и находились на ней еще 5 лет²⁵. Внутренняя служба осуществлялась по нарядам окружных дежурств и полковых правлений и большей частью состояла в выполнении административно-полицейских функций. Станичные атаманы ежегодно представляли казаков служилого разряда на станичные и полковые сборы. По приказу начальника края генерала В.А.Перовского, начиная с 1834 года, станичные начальники ежегодно обязаны были проводить смотры, на которых проверялось обмундирование и вооружение казаков, умение владеть оружием. Особое внимание предписывалось обращать на молодых казаков, впервые выходящих на службу. Атаман нес ответственность за их обучение воинскому искусству. Станичные правления должны были постоянно заботиться, “чтобы все казаки содержали себя в совершенной готовности к выходу на службу, т.е. имели надежных лошадей и исправное вооружение, мундиры по утвержденным образцам...”²⁶.

Объем обязанностей, возлагавшихся на станичное звено, в течение последующих лет неоднократно дополнялся в зависимости от менявшихся социально-политических условий. Например, в связи с запретом иногородним селиться на войсковой территории, в обязанность станичной администрации был вменен надзор за тем, “чтобы в черте станицы не проживали лица, не имеющие вида на жительство”²⁷. Такое положение просуществовало без изменений до начала 60-х годов. Особо строго администрация следила за тем, чтобы казаки не укрывали беглых крестьян и рекрутов. В 1841 году Государственный совет “Высочайше утвержденным мнением” определил, что “за водворение и передержательство беглых в казачьих станицах взыскивать со станицы за каждого беглого по 600 р. штрафа”²⁸. В рассматриваемый период мелочной регламентации подвержены были практически все стороны жизни казаков. Без ведома полкового правления казаки не имели права покидать свои места жительства на срок более 5 дней. Выход из войскового сословия воспрещался безусловно, причем даже казачкам не рекомендовалось вступать в брак с посторонними лицами. Выйдя же замуж за представителя невойскового сословия, она в обязательном порядке должна была покинуть станицу. Для посещения родителей почти до начала XX века требовалось спрашивать специальное разрешение. Не допускался переход казаков на службу в другие ведомства или в регулярные войска. В целом, в

казацких поселениях царил военный дух, а взаимоотношения между членами общины во многом определялись уставами. Находясь на льготе, казаки носили установленную форму одежды, но без погон. В праздники они одевали полную форму и обязаны были являться в общественном месте при наградах и холодном оружии. В соответствии с уставом, казакам строжайше запрещалось подавать начальству жалобы и прошения не по инстанции, минуя станичное руководство. Так, во время посещения в 1837 году войска наследником престола Августейшим Атаманом всех казацких войск цесаревичем Александром Николаевичем жители Кичигинской станицы Челябинского уезда подали ему самовольное прошение с жалобой. По этому факту было проведено дознание, и подавшие прошение казаки были наказаны 20 ударами палками. Взыскание получил и атаман станицы²⁹.

Таким образом, "Положение об Оренбургском казацком войске" стало основным нормативным актом, регламентировавшим все аспекты деятельности казаков, начиная от военно-административного устройства и управления и кончая бытом общины. Документ, как отмечает М.Д.Машин, был пронизан откровенно казарменным духом, а офицер являлся для казаков и строевым начальником, и администратором, и судьей³⁰. Войско было превращено в замкнутый военно-административный механизм, в котором контакты с другими сословиями были ограничены целой системой запретов. От былой казацкой "вольницы" сохранились лишь равные права на землю и уголья³¹. Они проявлялись в уравнительном распределении между рядовыми казаками станичной земли, в одинаковых правах на пользование лесом, рыбной ловлей, недрами и др., на беспопышную торговлю внутри войсковой территории³².

"Положением", впервые за все время существования войска, была сделана робкая попытка определить правовой статус первичного звена управления – станичного. Вместе с тем, делая упор на детальную регламентацию войскового и полкового управления, станичному звену прямо посвящены лишь 14 из 367 статей. "Дальнейшие обязанности станичных правлений и образ действий вообще станичных начальников и станичных судей" рекомендовано было определять правилами, "предписанными для станичного управления войска донского"³³. Такое положение дел практически во всех казацких войсках просуществовало вплоть до 1870 года, несмотря на то, что правила эти не везде соответствовали местным условиям и к тому же значительно устарели.

После отмены крепостного права самоизоляция войскового сословия и чрезмерная милитаризация его жизни стала вызывать критику и недовольство среди казачества, передовой интеллигенции и властей. Оренбургский и Самарский генерал-губернатор А.А.Катенин в докладе Военному министру отмечал, что оренбургские казаки, давно утратившие "начальные элементы вольных общин" и не подчиняющиеся гражданскому порядку, "доведены до состояния военно-крепостных"³⁴. Правительство вынуждено было поставить вопрос о распространении части положений крестьянской реформы и на казачество. Принципиальный взгляд на дальнейшее развитие казацких войск России был изложен Александром II в 1866 году при приеме казацких депутатов. Суть этих положений заключалась в поддержании и развитии боевой силы казаков, с одной стороны, и "распространении на них, в видах улучшения гражданского их быта и хозяйственного благосостояния, общих начал гражданского благоустройства, с другой стороны<...>"³⁵. Изложенная идея частично уже нашла воплощение в положении "О сибирском казацком войске" от 13 марта 1861 года. Этот нормативный акт явился своеобразной инструкцией, указывавшей на направление реформ казацких войск восточных регионов России³⁶. Касаясь станичного звена управления, было признано целесообразным распространить положение от 19 февраля 1861 года в части устройства и управления сельских общин и волостей и на устройство станичного управления. Отмечалось, что в отношении суда, права распоряжения и контроля по общественному благоустройству, а также в отношении пользования землей, станичное общество, имеющее почти во всех войсках один общий надел, может быть сравнено с волостью. Признавалось возможным предоставить станичному сходу ту же самостоятельность в распоряжении общественным хозяйством и ведении общественных дел, что и сельским обществам. Выработанное на этих началах "Положение об общественном управлении в казацких войсках" было высочайше утверждено 13–25 мая 1870 года и введено во всех, кроме Уральского, казацких войсках³⁷. В Оренбургском казацком войске некоторые из вышеизложенных начал нашли свое отражение несколько раньше – в мае 1865 года в "Положении об образовании из Оренбургской губернии двух губерний: Уфимской и Оренбургской" и "Положении о станичном суде в Оренбургском казацком войске"³⁸. В частности, оренбургское казачество в административном, судебном и полицейском отношениях сливалось с губернией. Полицейские функции были изъяты из ведения станичных начальников, а войсковая террито-

рия была передана под юрисдикцию аппарата уездных полицейских управлений. Изменилась и структура управления и военно-административное устройство войска. Все это не могло не сказаться на низшем звене – станичных юртах. В декабре 1867 года Войсковое хозяйственное правление, основываясь на указе императора от 18 февраля 1866 года, сократило количество станичных правлений с 68 до 42³⁹.

С изданием в 1870 году “Положения об общественном управлении” казаки получили право избирать свои органы общественного управления в масштабах станиц и поселков, причем в состав станичных обществ включались жители разных сословий с принадлежащими им населенными пунктами. Поселковое управление могло быть образовано там, где было не менее 30 дворов. Первичное звено управления составили: а) станичный сход, б) станичный атаман со станичным правлением и в) станичный суд. Станичный сход объявлялся высшим распорядительным органом станичного звена управления. Проводил сход и председательствовал на нем станичный атаман. Право участия в сходе получили все проживающие на территории юрта домохозяева войскового сословия. В ряде случаев разрешалось участвовать в сходе и домохозяевам невойскового сословия, когда обсуждаемые вопросы имели к ним прямое отношение. В целом же иногородние, по-прежнему, обязаны были беспрекословно подчиняться решениям станичной администрации. В компетенцию станичного схода входили практически все вопросы местной жизни – определение очередности несения земских повинностей, сдача угодий в аренду, исполнение распоряжений Войскового хозяйственного правления, выборы должностных лиц станичной администрации и станичного суда, определение размера жалованья атаманам и их помощникам и др. По новому положению атаманы теперь только утверждали и приводили к присяге избранных и не могли оказывать прямого влияния на решения сходов. Выдвинутые же сходом на любую должность кандидаты не имели права от нее отказываться. Сход был вправе отстранять от должности любое лицо, избранное общим голосованием, в случае нарушения им служебных обязанностей или за недостойное поведение. Решения принимались большинством голосов участвующих в сходе домохозяев, протоколировались и хранились в станичном правлении, а затем передавались в войсковой архив. В случае, если домохозяин не мог лично принять участие в сходе, он мог передать свой голос одному из членов семьи. Вскоре выявились и негативные стороны этих норм “Положения”. Так, в больших станицах сходы зачастую

превращались в митинги, где трудно было принять взвешенное решение даже по незначительным вопросам. Имели место и случаи, когда отдельные станичники, собрав по нескольку голосов отсутствовавших на сходе домохозяев, оказывали решающее влияние на принимаемое решение в своих целях. “Общественные должности, – как отмечал Военный министр, – замещались в станицах часто лицами недостойными, искавшими в выборной службе лишь обогащения”⁴⁰.

Более детально деятельность станичного схода была регламентирована распоряжением правительства от 29 декабря 1885 года “О распространении на Оренбургское казачье войско закона 21 февраля 1884 г. о составе станичных сходов в войске Донском и о порядке разрешения подведомственных им дел”⁴¹.

Следующим элементом местной исполнительной власти являлось станичное правление, состоящее из станичного атамана, его помощника, казначея, писаря и не менее трех выборных от казаков, которые избирались на сходе из домохозяев, сроком на один год. Основной их задачей было осуществление контроля за деятельностью станичной администрации. В “Положении” впервые было зафиксировано правило, в соответствии с которым все находившиеся по выборам в структурах станичного управления казаки на время исполнения возложенных на них обязанностей освобождались от несения каких бы то ни было натуральных повинностей. Станичные же атаманы, учителя школ, станичные и поселковые писаря на этот период освобождались от службы в строевых полках. Если станичный атаман находился на этой должности два срока, то он вообще освобождался от “действительной полевой службы”⁴².

Законодательная деятельность правительственных органов после 1861 года способствовала частичной ликвидации особенностей оренбургского казачества: в 1868 году разрешено было селиться и приобретать собственность на войсковых землях лицам невойскового сословия⁴³, в 1869 году – формально предусмотрено право выхода из казачьего сословия и зачисления в него посторонних⁴⁴. В силу ряда условий, воспользоваться этим правом могла незначительная часть казачества. Выход разрешался лишь при полном комплектовании строевых частей, уплате всех недоимок и отказе от земельного пая. “Положение об общественном управлении в казачьих войсках” серьезно изменило систему низового звена управления. Войсковое население стало самостоятельно решать многие вопросы местной жизни, в основном связанные с хозяйственной деятельностью, определением очеред-

ности выхода на полевую службу, сдачей земли в краткосрочную аренду и др. Произошла определенная трансформация старой феодально-сословной машины управления в сторону зарождавшихся капиталистических отношений. Вместе с тем и во второй половине XIX века, когда освоение и защита приграничных районов перестали быть насущной задачей, государство было заинтересовано в сохранении казачества как особого сословия, традиционно преданного империи и довольно "дорогого для государственных интересов рода оружия"⁴⁵. Новая структура управления, по замыслу реформаторов, не должна была ломать обособленности и замкнутости казачьей общины и растворять ее в общей массе населения. Положение по-прежнему оставляло всю полноту власти в станичных юртах в руках атаманов, за деятельностью которых была разработана определенная система контроля. Так, жалобы на станичного атамана и судей станичного суда рассматривались и разрешались начальником губернии. Жалобы на остальных должностных лиц – уездными начальниками. При этом, уездный начальник пользовался значительными правами, он мог: "по причинам особенно уважительным, временно устранять станичных и поселковых атаманов от должности; делать как этим, так и прочим должностным лицам выговоры, замечания и подвергать их денежному штрафу до 5 руб. или аресту до 7 дней; передавать суду всех должностных лиц, за исключением станичного и поселкового атаманов, помощников станичного атамана и судей станичного суда"⁴⁶.

Преобразования третьей четверти XIX века, по замыслу реформаторов, были направлены и на экономический подъем казачьего сословия. Этим также предполагалось приблизить сословно-военизированную систему управления казачьими войсками к гражданской. Однако вопреки ожиданиям, принятые нормативные акты не оказали существенного влияния на экономику станиц, так как и после реформ все еще достаточно тяжелыми оставались воинская и натуральные повинности. Все это, а также развитие капиталистических отношений на войсковой территории, привело к усилению процесса социальной дифференциации среди казаков. Инициативу в решении текущих вопросов жизни казачьих обществ взяла на себя зажиточная часть казачества, в руки которой перешло "как распоряжение общественным достоянием, так и назначение должностных лиц"⁴⁷. Практически во всех казачьих войсках стали проявляться негативные тенденции. Резкой критике подверглась и система общественного управления казачьих войск. Военный министр отмечал: "Такое неудовлетво-

рительное состояние общественного управления вело к упадку экономического благосостояния станиц и к тому, что в среде населения быстро развивались такие несвойственные казачьему сословию наклонности и воззрения, как, например, отсутствие в семье или домашнем быту почтения и уважения к старшим, в службе – нарушения дисциплины..."⁴⁸. Центральные власти, обеспокоенные происходящим, предоставили в 1878 году губернским правлениям право издавать локальные нормативные акты и производить ревизию станичных правлений через уездных начальников или через специальных чиновников⁴⁹. Так, А.П.Васильев, ссылаясь на материалы ревизии в казачьих войсках, отмечал: "Ревизии обнаружили во всех войсках банкротство общественного управления: станичные капиталы исчезли, на станичных обществах накопились долги, казаки стали являться на службу в неисправном обмундировании. Благодаря гражданскому строю в населении стали развиваться нежелательные наклонности<...>"⁵⁰. Рост негативных тенденций вынудил власти Оренбургского войска обратиться в Главное управление казачьих войск с предложением о предоставлении права Наказному атаману в случаях, "когда это будет необходимым в интересах службы и станичных обществ" назначать станичную администрацию приказом, а не по выборам общества. Предложение, на фоне проводимых контрреформ, нашло поддержку в правительстве и было удовлетворено в 1884 году⁵¹. Признавалось также необходимым, чтобы "заслуженные должности атаманов занимались людьми честными, заслуживающими доверия начальства и общества"⁵².

В последней четверти XIX века, опасаясь, что дальнейшее ведение преобразований, вызванных развитием капиталистических отношений, может создать опасность для существования казачества как единого военно-земледельческого сословия, правительство берет курс на проведение контрреформ. Сохранение боевой силы казачьих войск, составлявших около половины численности русской кавалерии, требовало, по мнению центра, пересмотра всей системы местного управления. Да и само казачество стремилось освободиться от опеки гражданских властей. Завершением же правительственного курса на консервацию традиционного казачьего быта стало принятие ряда нормативных актов, направленных на исправление допущенных просчетов. Важное место среди них заняло новое "Положение об общественном управлении станиц казачьих войск", рассмотренное Государственным советом и утвержденное 3 июня 1891 года⁵³.

Основная цель принятия "Положения" была названа в приказе Военного министра П.С.Ванновского – устранение "недостатков общественного управления и упорядочение жизни войскового населения как в нравственном, так и в экономическом отношении"⁵⁴. Принимая документ, правительство, на наш взгляд, пыталось разрешить заведомо невыполнимую задачу. Государство надеялось одновременно сохранить казачьи войска как боеспособные формирования и воспитать из казака предприимчивого хозяина. Вместе с тем государство уже не могло содержать казачьи войска на казенные средства, а сложившаяся на рубеже веков консервативная правительственная политика удерживала казачество в границах, очерченных его сословной принадлежностью, и не позволяла самообеспечения в тех условиях, которые диктовал развивающийся рынок.

Новый нормативный акт вновь установил надзор войсковой администрации, предоставив право контроля и руководства деятельностью всех органов общественного управления атаманам отделов, обязав их проводить ревизии станичного управления не менее одного раза в год. Высший надзор за первичным управленческим звеном был возложен на Войсковое хозяйственное правление и Наказного атамана. Хозяйственное правление было дополнено еще одним отделением – особым, в котором и было сосредоточено ведение дел по общественному управлению станиц⁵⁵. Вновь в правовом отношении их жизнь была обставлена частоклолом ограничений, обусловленных как общинным укладом, так и непосредственным подчинением надзору военного начальства. От казака требовалось беспрекословно выполнять все распоряжения начальства, соблюдать военную дисциплину в домашней жизни, испрашивать разрешение даже на кратковременную отлучку из станицы⁵⁶. Вступление в брак также регулировалось специальными правилами⁵⁷. Например, нижним чинам, состоящим на действительной службе, запрещалось вступать в брак. В 1916 году депутат IV Государственной думы М.А.Караулов так характеризовал казачий быт: "<...> административные аресты и штрафы. повинностный характер самоуправления, отсутствие свободы передвижения, отрицание земельной самостоятельности, непризнание прав частной собственности <...> круговая порука при исполнении государственных, земских и мирских повинностей <...>"⁵⁸.

С принятием положения на смену прежним сходам, состоявшим из всех без исключения казаков-домохозяев, проживающих на территории казачьей общины, пришли станичные сборы, или

собрания доверенных лиц, избравшихся от каждых 10 дворов сроком на один год. Процедуру выдвижения кандидатов и порядков прохождения самих выборов контролировали атаманы военных отделов, которые к тому же лично раз в год объезжали подведомственные им округа, проверяли документацию и выполнение распоряжений войсковой администрации. В компетенцию сборов входили практически все без исключения текущие вопросы деятельности общин: избрание станичных атаманов, судей, казначей, сотских и десятских; утверждение в должности писарей; открытие начальных учебных заведений; установление объемов общественной запашки; распределение земель и угодий между членами станичного общества; распоряжение станичными капиталами⁵⁹. По каждому рассмотренному и разрешенному вопросу составлялся общественный приговор, заносившийся в специальную книгу и подлежащий утверждению вышестоящей администрации. Положение и инструкция требовали, чтобы приговоры вытекали из точного смысла закона, а сбор имел право, чтобы ему были "прочитаны подходящие статьи закона и распоряжения начальства"⁶⁰. Большинство решений сбора утверждались Наказным атаманом. Земельные и имущественные разделы и некоторые другие решения – Войсковым хозяйственным правлением. Выбранные полицейские сотские и десятские утверждались в должности уездным полицейским управлением. Жалобы же на решения станичного сбора разрешались атаманами отделов, Наказным атаманом. Положение 1891 года, с одной стороны, создавало видимость самоуправления общин, с другой – сохранило и даже расширило контрольные функции войсковой, губернской и уездной администрации.

В систему станичного управления, кроме сбора, входили: станичный атаман, станичное правление и станичный суд. Станичный атаман избирался сроком на три года и был ответственен за сохранение порядка, "спокойствия и благочиния" в пределах всего станичного юрта⁶¹. На атамана, помимо хозяйственно-управленческих, возлагались и многочисленные административно-полицейские обязанности: по объявлению законов и распоряжений; по надзору за общим благоустройством в станичном юрте; по задержанию бродяг и беглых; по предупреждению и пресечению преступлений и исполнению приговоров станичных судов и станичных сборов. Атаману предоставлялось право налагать административные взыскания. В частности, он мог подвергать нарушителей денежным штрафам в сумме до трех рублей, аресту на трое суток или назначать на тот же срок на общественные рабо-

ты. Арестованных помещали в станичное арестное помещение, а назначенных на работы в виде наказания, использовали для уборки улиц, чистки колодцев, рубки леса. В соответствии со ст. 150 "Положения...", станичный атаман мог просить атамана отдела и о более строгом взыскании и обязан был немедленно доносить ему о всех происшествиях, преступлениях и особенно – "важных преступлениях по службе". Сам же станичный атаман, отмечалось в "Положении...", обязан "исполнять все законные требования полиции, войскового начальства, судебных властей: земских начальников, судей, приставов, и других установленных властей по предметам их ведомства, точно и безотлагательно <...>"⁶².

Особенностью казачьих станиц было наличие в них, кроме арестантского помещения, еще и карцеров, куда в соответствии с дисциплинарным уставом могли помещаться казаки служилого разряда⁶³. Правом наложения дисциплинарных взысканий обладали атаманы отделов и офицеры, "наблюдавшие" за военной подготовкой казаков.

Следующим элементом управления в станицах являлось станичное правление, в состав которого входили: атаман, его помощник, казначей и 2–4 казака – доверенные от населения. Станичные правления решали в основном вопросы, которые не могли быть отложены до ближайшего собрания сбора. Кроме того, правления проверяли правильность использования станичных капиталов, проверяли не менее одного раза в год станичные леса, ежегодно составляли приходную и расходную станичные сметы на следующий год, возрастные и очередные списки казаков. Решения на заседаниях правления принимались простым большинством голосов. На правление были возложены и функции канцелярии станичного атамана.

Введенное в действие "Положение об общественном управлении станиц казачьих войск" окончательно сформировало низовое звено управления казачьими общинами. Оно сохранило за войсковыми властями контрольные функции и, по мнению правительства, должно было дать войсковому начальству действенные средства и налагало на него "обязанность руководить общественным станичным управлением, а следовательно, и влиять на все важнейшие проявления станичной жизни"⁶⁴. Однако объективный ход событий, развитие капитализма и товарно-денежных отношений на рубеже веков значительно подточили основы казачьей общины и традиционный патриархальный уклад жизни. Контрреформы 80–90-х годов, законодательно подтвердившие

сословные привилегии казачества, не смогли оградить его от либеральных и тем более революционных идей и повлиять на его экономический подъем. Занятое военной подготовкой войск, – отмечает исследователь казачества Е.С.Соколова, – правительство вплоть до начала XX века решало проблему обнищания казаков мерами дисциплинарного характера⁶⁵. Позиция же, занятая казачеством в событиях 1905 года, брожение в полках, серьезно встревожили власти и заставили обратить более пристальное внимание на положение войскового сословия.

Именно в начале XX века казачество открыто высказало свое недовольство сохраняющимися порядками и выступило за устранение искусственной замкнутости общин и освобождение казаков от полицейских функций. Усилились требования о возрождении традиционного самоуправления в станицах и справедливом перераспределении земельных участков. Эти и другие требования были учтены в программе, выработанной казачьей фракцией Государственной думы. Резко возросла политическая активность молодых офицеров. Так, слушатель военно-юридической академии подьесаул А.И.Мякутин в письмах к начальнику штаба Оренбургского казачьего войска генерал-майору барону Ф.Ф.фон Таубе и к урядникам И.Некерову и Ф.Ефанову предлагал поднять вопрос об отмене сословных ограничений и введении в войске самоуправления. "Как известно, – писал Мякутин, – сейчас у нас всеми делами ведает Войсковое правление – Учреждение глубоко бюрократическое. Следовало бы видоизменить Войсковое правление на более современный лад... советники и старший член правления должны быть выборными. Каким образом проводить эти выборы, дело второстепенное. Конечно, первая инстанция – станичные Сходы... Затем эти Сходы выбирают членов Войскового круга, который уже выбирает членов Войскового правления"⁶⁶.

Идеям молодого офицера суждено было сбыться после февральской революции, когда прокурор Туркестанского военного округа полковник А.И.Мякутин стал одним из разработчиков "Временного положения о самоуправлении Оренбургского казачьего войска"⁶⁷.

Февральская революция вовлекла казачество в водоворот политических событий, коренным образом изменив их привычный уклад и образ жизни. Состоявшийся в апреле 1917 года 1-й Войсковой круг Оренбургского казачьего войска одобрил проект положения о самоуправлении, который вскоре был опубликован в местной печати и вызвал активное обсуждение в среде казаков. Работа по совершенствованию "Положения о войсковом само-

управлении"⁶⁸ продолжалась вплоть до 1919 года, однако вносимые изменения и дополнения практически не затронули основы управления, в том числе и станичного звена, сформулированных в первоначальном варианте положения.

В соответствии со ст. 1 документа, органами самоуправления Области Войска Оренбургского признавались: 1) войсковой круг и войсковое правительство; 2) Окружные съезды и окружные правления; 3) станичные сходы и станичные правления; поселковые сходы и поселковые правления. Первичное управленческое звено состояло из юртового станичного схода, правления и атамана⁶⁹. В состав этого звена входили поселковые общества со всеми хуторами и все поселения, возникшие на частновладельческих землях или офицерских участках в районе станичного юрта. Власть станичных органов управления в гражданском отношении распространялась на все население, а в военном – только на казаков станичного юрта. Станицы и поселки признавались юридическими лицами, и на них распространялись общие гражданские законы. Распорядительной властью первичного звена управления наделялся станичный сход, в состав которого входили станичные представители, станичный атаман и члены станичного правления. Представители избирались сроком на один год из расчета 1 от 40 человек, имеющих право голоса. Число представителей по каждому станичному юрту не могло быть менее 30 и более 100 человек. Сходы созывались станичным атаманом по заявлению группы станичных представителей, по предложению станичной ревизионной комиссии, либо по предложению атамана округа или окружного правления. Дела на сходе разрешались простым большинством голосов присутствующих членов. Приговоры схода могли быть обжалованы заинтересованными лицами в окружное правление. Решения, касающиеся гражданского управления, могли быть пересмотрены окружным правлением по ходатайству окружного атамана.

Сход наделялся широким кругом полномочий. В его компетенцию входили дела военного и специального казачьего управления, дела общественного управления, а также значительная часть дел земско-хозяйственного характера. В частности, сход назначал казаков на внутреннюю службу, утверждал проекты возрастных и очередных списков, производил выборы должностных лиц в станичное правление, утверждал станичные сметы, раскладку денежных и натуральных повинностей, определял условия договоров по делам станичного юрта, утверждал некоторые приговоры поселковых сходов и др. В обязанности схода вменялось

принятие мер по охране общественного порядка и по предупреждению и тушению пожаров. Объем и перечень прав, предоставлявшихся сходу, существенно отличался от прежних выборных органов. По новому положению казаки действительно становились полновластными распорядителями жизни общины и значительно меньше зависели от вышестоящей администрации. Исполнительным органом станичного схода являлось станичное правление, состоявшее из атамана и двух членов. Правление вело делопроизводство, судебные дела юрта, управляло всем имуществом и капиталами станичного схода. Дела станичным правлением разрешались коллегиально.

После февральской революции оренбургское казачество впервые за время своего существования получило реальную возможность осуществить на практике введенное самоуправление, в основу которого был положен опыт земского самоуправления и традиционные представления о казачьем братстве и равенстве. Дальнейшие поиски оптимальной формы организации станичного звена управления были прерваны расколом в казачьей среде и политическим кризисом, закончившимся ликвидацией казачества. Первоначально была ликвидирована традиционная военно-административная система управления, а затем и вызванные к жизни революцией органы самоуправления.

Примечания

- 1 Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып.7. Оренбург, 1903. С.10.
- 2 См.: Стариков Ф.М. Откуда взялись казаки: Ист.очерк. Оренбург, 1884. С.172.
- 3 Там же. С.12.
- 4 РГАДА, ф.248, оп.3, л.144, л.703.
- 5 См.: Материалы по историко-статистическому описанию... Вып.7. С.210.
- 6 См.: Дегтярев И.В. Челябинская старина. Челябинск, 1996. С.24.
- 7 См.: Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1891. С.63–64.
- 8 См., например: Регламент Исетской провинциальной канцелярии комиссарам крепостей провинции о порядке управления различными сторонами жизни в крепостях от 19 ноября 1744 г. (ГАЧО, ф.63, оп.1, д.1, л.344).
- 9 Материалы по историко-статистическому описанию... Вып.7. С.63.

- 10 Материалы по историко-статистическому описанию... Вып.3. Оренбург, 1901. С.54.
- 11 Кривошеков А.И. На Оренбургской пограничной линии: Очерки прошлого. Уфа, 1914. С.35.
- 12 См.: Кобзов В.С. Военно-административная структура Оренбургского казачьего войска в XVIII – первой половине XIX века. Челябинск, 1996. С.56.
- 13 Материалы по историко-статистическому описанию... Вып.7. С.330.
- 14 ГАЧО, ф.63, оп.1, д.1, л.344.
- 15 См.: История казачества Азиатской России. Т.1. XVI – первая половина XIX века. Екатеринбург, 1995. С.117.
- 16 См.: Материалы по историко-статистическому описанию... Вып.7. С.118.
- 17 См.: Желтова В.П., Иванова Н.А. Российское законодательство о казачьем сословии // Проблемы казачьего возрождения: Сб.науч.ст. Ч.2. Ростов н/Д., 1996. С.17.
- 18 2 ПСЗ. Т.XV. Отд.1. № 14041.
- 19 2 ПСЗ. Т.XV. Отд.1. № 14041. Примечание к § 330.
- 20 Там же. §343.
- 21 Свод законов Российской империи. Спб., 1842. Кн.4. № 834.
- 22 Материалы по историко-статистическому описанию... Вып.12. Оренбург, 1913. С.327.
- 23 РГВИА, ф.ВУА, д.14, л.98.
- 24 ГАЧО, ф.И-10, оп.1, д.91, л.4.
- 25 2 ПСЗ. Т.XV. Отд.1. № 14041. § 221.
- 26 ГАЧО, ф.И-10, оп.1, д.9, л.7.
- 27 ГАЧО, ф.И-99, оп.1, д.44, л.3.
- 28 2 ПСЗ. Т.XVII. № 15209.
- 29 См.: Материалы по историко-статистическому описанию... Вып.9. Оренбург, 1910. С.543.
- 30 Машин М.Д. Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976. С.120.
- 31 Шире были права войсковых офицеров и чиновников. Все служащие и отставные чины с 1862 г. наделялись из войсковых земель пожизненными участками в пределах станичного юрта (обер-офицеры – 2, штаб-офицеры – 4 казачьих пая).
- 32 2 ПСЗ. Т.XV. Отд.1. №14041. Гл.V.
- 33 Там же. § 346.
- 34 Материалы по историко-статистическому описанию... Вып.11. Оренбург, 1910. С.152.

- 35 Столетие Военного министерства. 1802–1902. Спб., 1902. Т.ХI, ч.1. С.517–518.
- 36 См.: История казачества Азиатской России. Т.II. Екатеринбург, 1995. С.24.
- 37 2 ПСЗ. Т.XLV, № 48354.
- 38 Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т.1. Спб., 1870. С.96–111.
- 39 См.: Сборник правительственных распоряжений... Т.3. Спб., 1871. С.226–239.
- 40 Инструкция станичным и поселковым обществам Оренбургского казачьего войска и должностным в сих обществах лицам при исполнении обязанностей... Оренбург, 1898. С.2.
- 41 Сборник правительственных распоряжений... Т.XX, ч.2. С.362.
- 42 2 ПСЗ. Т.XLV, № 48354.
- 43 Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам ... Т.IV. Спб., 1871. № 57.
- 44 2 ПСЗ. Т.XLIV, № 46998.
- 45 Сборник правительственных распоряжений... Т.XXXI. Спб., 1895. № 91.
- 46 Столетие Военного министерства... Т.ХI, ч.1. С.459–460.
- 47 РГВИА, ф.330, оп.61, д.2008, л.7.
- 48 Приказ по казачьим и иррегулярным войскам № 37. Спб., 1891, 10 дек.
- 49 Столетие Военного министерства... Т.ХI, ч.1. С.571–572.
- 50 Цит.по кн.: История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т.II. С.48.
- 51 РГВИА, ф.330, оп.61, д.2008, л.17.
- 52 Там же, л.14.
- 53 3 ПСЗ. Т.ХI, № 7782.
- 54 Приказы по казачьим и иррегулярным войскам. Спб., 1892. С.10.
- 55 См.: 3 ПСЗ. Т.ХII, № 8235.
- 56 См.: Инструкция по станичным и поселковым обществам... С.11.
- 57 См.: Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т.26. Спб., 1890. № 11.
- 58 Троицкая газета. 1916. 5 июня.
- 59 3 ПСЗ. Т.ХI, № 7782.
- 60 Инструкция по станичным и поселковым обществам... С.185.
- 61 3 ПСЗ. Т.ХI, № 7782. Ст.23.
- 62 Инструкция по станичным и поселковым обществам... С.252.

- 63 На основании высочайше утвержденного 23 ноября 1870 г. положения Военного совета, объявленного в приказе по военному ведомству 2 декабря за № 361, воинский дисциплинарный устав 1869 г. с некоторыми изменениями был применен и к казачьим войскам. (См.: Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т.5. Спб., 1871. № 88).
- 64 Приказы по казачьим и иррегулярным войскам. Спб., 1892. С.10.
- 65 См.: Соколова Е.С. Казачество в эпоху контрреформ (из истории сословного законодательства 80–90 годов XIX в.) // Казачество на государственной службе: Материалы к науч.конф. Екатеринбург, 1993. С.67.
- 66 ГАОО, ф.10, оп.4, д.10/4, л.17.
- 67 Оренбургский казачий вестник. 1917. 28 июня.
- 68 См.: Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско: история и современность: Справ.материалы. Челябинск, 1993. С.37.
- 69 Там же. С.38.

Н.С.Шибанов

КАЗАЧЬЯ ГВАРДИЯ

Свое представление о гвардейцах и гвардейских частях России, пожалуй, мы чаще всего связываем с периодом гражданской войны, когда в яростной братоубийственной борьбе столкнулись белогвардейцы и красновардейцы, присвоив себе имя и честь славной российской гвардии.

В настоящее время с возрождением казачества появляются признаки бывшего кровавого противоборства: одни казаки стали называть себя красными, другие – белыми, используя к тому же белогвардейскую символику: аксельбанты, вензеля и шевроны. Словом, возрождаются не лучшие традиции в добротном “гвардейском” обрамлении. Что же такое российская гвардия?

Гвардию, или привилегированную часть войска, создал в 1687 году император Петр I. И первыми лейб-гвардейскими полками были его “потешные” Семеновский, Преображенский, Измайловский и другие полки. Всего к началу XX века в российской армии числилось около 30 гвардейских полков, в том числе 12 пе-

хотных и 13 кавалерийских. Слово-приставка “лейб” в переводе на русский означает “тело”, лейб-гвардейцы – царские телохранители¹.

Лейб-гвардии полки занимались в основном тем, что несли дежурство во дворцах и в царских резиденциях, осуществляли охрану царствующих особ. В последней четверти XVIII века, отмечая особые заслуги казачества перед родиной, наиболее заслуженных донских казаков пригласили на службу при императорском дворе. В апреле 1775 года по инициативе князя Потемкина-Таврического из донских казаков для почетного конвоя императрицы Екатерины II была сформирована специальная казачья команда численностью 65 человек, кроме них этот конвой составили 60 чугуевских казаков и эскадроны лихих гусар.

В этом же году из лучших казаков сформировали Атаманский полк Донского войска, который стал образцовым для других частей. В 1793 году из донских казаков был создан особый казачий полк Гатчинского гарнизона, его соединили с придворными донской, чугуевской и гусарской командами в один лейб-гусарский лейб-казачий полк. В 1798 году эскадроны донцов пополняют достойными казаками и выделяют их в самостоятельный Лейб-Гвардии казачий полк трехсотенного состава². Так родилась славная казачья гвардия.

В 1798 году был также сформирован Его Величества конвой из казаков Уральского войска, его первым командиром стал сотник Севрюгин. С 1868 года сотня носила название Лейб-Гвардии Уральского казачьего эскадрона, с 1882-го по 1891 год – Старой Гвардии, а затем снова – Лейб-Гвардии Уральской казачьей сотни.

В 1811 году в Лейб-Гвардии казачий полк вошла Черноморская сотня из числа кубанских казаков, с 1855 года она называлась Лейб-Гвардии Кубанским эскадронам, который вскоре был расширен до двух сотен, именовавшихся Лейб-Гвардии 1-й и 2-й сотнями Собственного Его Императорского Величества конвоя. Такой же титул присвоили и двум сотням терских казаков³.

В 1830 году была создана Лейб-Гвардии Донская легкая конно-артиллерийская рота, а в 1831 году Атаманский полк переименовали в казачий Атаманский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк.

Царское правительство, оценив заслуги казаков-лейб-гвардейцев перед Отечеством, увеличивает их численность⁴.

Лейб-Гвардии казачий полк укомплектовывают четырехсотенным составом, а в 1874 году из первоочередных гвардейских дивизионов формируют Лейб-Гвардии Сводно-Казачий полк. Чуть позже его стали называть 1-м Лейб-Гвардии Сводным Донским полком, а вновь укомплектованный – 2-м Лейб-Гвардии Сводным Донским полком. В 1884 году 1-й полк казаков-гвардейцев расформировали, а его дивизионы превратили в Лейб-Гвардии казачий Его Величества полк. Примерно в 1894 году в Лейб-Гвардии Сводно-Казачий полк ввели 1-ю Уральскую Его Величества сотню и 2-ю Оренбургскую сотню. Спустя несколько лет Сводный полк расформировали, и лишь в 1906 году вновь создали Лейб-Гвардии Сводно-Казачий полк четырехсотенного состава. В него вошли 1-я Уральская Его Величества сотня, 2-я Оренбургская сотня, 3-я сотня, состоявшая из полусотни сибирских казаков и двух взводов семиреченских и астраханских казаков, 4-я сотня – из полусотни забайкальских и взводов уссурийских и амурских казаков⁵.

У донцов-лейб-гвардейцев к началу XX века вводится единая форма: длинный кафтан (чекмень) красного цвета, широкие темно-синие шаровары с лампасами, подпоясанные белым ремнем, высокая барашковая шапка черного цвета с малиновым верхом, черные, с короткими голенищами сапоги. С 1838 года все казаки получили на вооружение вместо сабель пашки единого образца⁶.

Казаки-лейб-гвардейцы не только охраняли царей, несли караульную службу в царских дворцах и резиденциях, маршировали на парадах и смотрах, но и умело восвали с врагами России, участвовали в подавлении волнений и мятежей. Немало ратных дел и подвигов было на счету Лейб-Гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка. Так, в 1783 году атаманы в составе десяти донских полков недалеко от урочища Крени разгромили крупный отряд ногайских татар. Участвуя в русско-турецкой войне 1787–1791 годов, 25 июля 1791 года в сражении у селения Мачин разбили турецкий корпус. 27 января 1807 года во время сражения с наполеоновскими войсками в районе города Прейсш-Эйлау отразили атаки кавалерии И.Мюрата, а 31 мая в бою за Фридландский мост нанесли поражение и заставили отступить драгун маршала Лабур-Мабура⁷.

Лейб-Гвардии казачий полк отличился во время англо-русской экспедиции в Голландию в 1799 году, когда 8 сентября казаки атаковали шведский отряд, расположенный в районе мес-

течка Берген, разбили неприятеля и захватили знамя полка⁸. Доблесть и отвагу казаки-гвардейцы этого полка проявили в сражении с наполеоновским войском под Аустерлицем 20 ноября 1805 года. В критический момент для русской армии они атаковали французскую кавалерию и спасли тем самым правый фланг армии, возглавляемый П.И.Багратионом⁹.

Немало блестящих побед одержали казаки-лейб-гвардейцы во время войны с французами в 1812–1814 годах. Участвуя во всех решающих битвах и сражениях при отступлении и наступлении русской армии, они доблестно дрались с врагом у Витебска и Смоленска, под Тарутино и Малоярославцем, в Можайске и Вязьме. Например, 15 июля 1812 года в бою у Витебска разбили два французских конно-егерских полка, 7 августа у деревни Заболотье атаковали два пехотных полка неприятеля, принимали участие в Бородинском сражении, уничтожив много живой силы и два орудия противника¹⁰. Казаки-атаманцы также отличились в этой битве, а 13 октября 1812 года в кавалерийском рейде у деревни Городня уничтожили эскадрон императорской свиты, отбили 11 пушек и едва не захватили в плен самого Наполеона¹¹.

Особые почести и славу казаки-лейб-гвардейцы заслужили в битве под Лейпцигом – так называемой “битве народов”, начавшейся 16 октября 1913 года. Французская конница И.Мюрата, смяв корпус принца Евгения Вюртембергского, устремилась в район ставки командования союзных войск. Возникла опасность разгрома штаба и пленения царственных особ. Император Александр I предложил двинуть в контратаку тяжелую кавалерию и лейб-гвардии казачий полк¹². Вот как описывается этот подвиг в газете “Красная звезда”:

“Тысячи кавалеристов вырвались на оперативный простор и стремительно понеслись к монаршему командному пункту. Среди царей паника, прислуга засуетилась и кинулась седлать коней. Александр I, сохраняя внешнее спокойствие, приказал адъютанту позвать командира казаков-лейб-гвардейцев полковника И.Е.Ефремова. Выслушав рапорт, царь показал командиру полка стремительно приближающиеся эскадроны.

– Остановим, Государь!.. – коротко ответил лихой командир. Он сделал “свечку” конем и, осенив себя крестным знаменем, повел в атаку своих гвардейцев. И понеслись на горячих, боевых конях казаки-рубачи. И ударились в бешеном намете две лавы, и началась смертельная рубка...”¹³

На помощь казакам-лейб-гвардейцам для ликвидации прорыва бросили 100-пушечную батарею, русскую дивизию Н.Н.Раевского и прусскую бригаду. Около 10 тысяч отборных конников врага были разбиты, отброшены. Все произошло на глазах великого Наполеона: в очередной раз казаки-лихачи и русские чудо-богатыри вырвали у него победу. Дальнейший ход битвы его больше не интересовал: он понял – проиграл... И ушел в походную палатку, чтобы среди артиллерийского грохота забиться на 10 минут и оправиться от перенесенного потрясения... И потом многие очевидцы и историки с восторгом будут писать об этом необычном десятиминутном сне и железной воле Бонапарта¹³.

За подвиг при Лейпциге и спасение императора Александра от плена (а возможно, и от смерти) сам царь лично вручил каждому казаку знак военного ордена Святого Георгия. Чуть позже полку за отличие вручили Георгиевский штандарт и серебряные трубы.

Лейб-Гвардии Атаманский полк за подвиги и ратные дела в этой войне отмечен Георгиевским штандартом и Георгиевским бунчуком¹⁴.

В 1814 году, при занятии Парижа русской армией, Лейб-Гвардии казачий полк включили в почетный эскорт российского царя¹⁵. Великий русский полководец М.И.Кутузов назвал боевые действия казаков в войне с французами “чудесными”, а Наполеон, высоко оценив ратное искусство и доблесть казаков, на одном из советов воскликнул: “Дайте мне полк казаков, и я завоюю Европу!..”

Воздавая должное подвигу казаков-лейб-гвардейцев в Лейпцигской битве, император Николай I повелел отмечать 16 октября как полковой праздник лейб-гвардейцев. В 1832 году царь принял звание шефа Лейб-Гвардии казачьего полка. Выступая в 1848 году перед офицерами этого полка, он отметил: “...я убежден, что вы не уступите в славе вашим отцам и дедам. Будете такими же молодыми, какими были они, и я вас не забуду...”¹⁶

28 октября 1866 года Его Величеством Государем Наследник Цесаревич был назначен вторым шефом полка, а два года спустя, в мае 1868 года, в полк зачислили первородного сына Его Величества, князя Николая Александровича¹⁷. 14 августа 1872 года Лейб-Гвардии казачий полк получил новое наименование: Лейб-Гвардии казачий Его Величества полк.

В 1875 году в России с большим подъемом прошли торжества по случаю юбилея – 100-летней службы лейб-казаков Отечеству. Лейб-Гвардии казачий Его Величества полк получил нового образца штандарт. Казаки и офицеры были окружены вниманием и заботой, в их честь устраивались приемы и банкеты. О казаках слагались песни, им посвящались художественные и музыкальные произведения, об их подвигах писали в монографиях, сообщали в печати.

Лейб-гвардейцы, как и все казачество России, на протяжении столетий были гарантом стабильности Российской империи. В 1848 году они участвовали в подавлении венгерского восстания, в 1863-м вели успешные боевые действия против польских повстанцев.

В начале XX века в губерниях возникают рабоче-крестьянские волнения и восстания. И лейб-казаки участвуют в умирении питерских рабочих и подавлении крестьянских восстаний, причем делают это умело, быстро, без излишнего кровопролития и жертв.

31 декабря 1905 года император Николай II на параде войск “держал царское слово” и благодарил лейб-гвардейцев за верную службу царю и Отечеству: “Теперь, в те смутные дни, которые Господь ниспослал России, вы, как и все войско Донское, служите честно, верно и беззаветно Отечеству”¹⁸.

Немалые заслуги казаки-гвардейцы имели и в период первой мировой войны 1914 – 1917 годов. Например, Лейб-Гвардии Сводно-Казачий полк, включавший в своем составе 2-ю Оренбургскую сотню, на боевые позиции был отправлен 8 августа 1914 года и все четыре года войны действовал на фронтовой полосе. Его командирами назначались генерал-майор граф Граббе, свиты Его Величества генерал-майор А.Богаевский и полковники Греков, Бородин и другие.

С 6 августа по 13 октября 1914 года полк состоял при Верховном Главнокомандующем Н.Н.Романове и нес караульную службу. С 21 по 24 сентября ему доверили особую охрану проезда Николая II, а 14 октября 1914 года казаков снова отправили на передовую.

В августе 1915 года 1-я Уральская и 2-я Оренбургская сотни Лейб-Гвардии Сводно-Казачьего полка (командир есаул Фадеев) получили приказ взять деревню Топольку (в районе немецкой крепости Торн). В 9 часов утра, при подходе дивизиона к намеченной цели, противник обстрелял казаков из пулеметов. Дивизион спешился, открыл ответный огонь, немцы, потеряв 20 чело-

век убитыми, отошли¹⁹. 29 октября того же года у поселка Избица сотни полка обнаружили наступающего противника и с утра до вечера вели бой, задержав на день немцев, несмотря на огонь артиллерии²⁰. Пробиваясь из окружения к Брест-Куявску, застава Сводно-Казачьего полка под командой урядника Баканова, состоявшая из 13 казаков, атаковала эскадрон 13-го уланского прусского полка и, изрубив офицера и 10 улан, обратила сотню пруссаков в бегство. 3-я сотня под командой подьесаула Дьякова в районе г.Брезин, атаковав и перебив конвой немцев, отбила 9 офицеров и 560 нижних чинов 6-го Сибирского корпуса и вывела их к своим частям²¹.

2-я Оренбургская сотня в 1915 году на пути из Ловича в Гловно захватила автомобиль санитарного отряда противника, короля Саксонского. Сидевший в автомобиле шталмейстер короля генерал Таук с перепугу открыл пальбу из револьвера и ранил казака Карамышева и коня сотника Мелянина²².

Казаки-гвардейцы в первый год войны дрались с врагом с большим подъемом, рвались в бой и стремились отличиться. Их полк входил в состав 9, 2, 1-й и 11-й армий Северного, Западного и Юго-Западного фронтов. Они участвовали в знаменитом Брусиловском прорыве, ходили в разведку, отступали в арьергарде, отбивали внезапные наскоки врага и на поле брани завоевали громкую славу храбрецов и большие почести. К концу войны 437 казаков-лейб-гвардейцев Сводного полка получили Георгиевские кресты и 448 – Георгиевские медали, 7 офицеров отмечены Георгиевским оружием и один – орденом Святого Георгия. Всего более половины казаков и две трети офицеров полка отмечены царскими наградами. Среди них командир лейб-гвардейцев Африкан Богаевский награжден Георгиевским оружием, казак Уйской станции Константин Замотохин и Ключевской станции Дмитрий Тарасенков – двумя Георгиевскими крестами²³.

За все время военных действий, вплоть до 1917 года, полковому суду был предан лишь один казак-лейб-гвардеец и только за то, что, находясь в Ставке Верховного Главнокомандования в Барановичах, бежал оттуда на передовые позиции, к своей бригаде, явившись там к командиру бригады свиты Его Величества генерал-лейтенанту Орлову²⁴.

Наступил переломный 1917 год. Российская армия в течение двух лет терпела поражения или вела окопную, нудную, изматывающую войну. Солдаты неделями и месяцами мерзли и голодали в окопах, ощущали острую нехватку продовольствия, об-

мундирования и боеприпасов. Среди офицерского состава участились мордобой и пьянки. Недовольство казаков порождало и невольное выполнение полицейских функций.

Во время нахождения в Гатчине часть лейб-гвардейцев послали в Петроград для подавления волнений рабочих фабрики “Треугольник”. Прибыв на фабрику, казаки пошли по цехам. В одном из них расплавленную резину разливали на сукно – делали галоши. Вонь, ядовитый дым, смрад. Рабочих чуть видно. Глаза у гвардейцев слезятся. Казак Н.П.Захаров подошел к старому рабочему – седому, худенькому, бледному. Стоит и наблюдает.

–Что морщишься, казачок? – спросил Захарова старый рабочий. – Не нравятся? Да, тяжело, душно работать у нас... А вот как скажешь об этом да лишний пятак попросишь у хозяина – вас присылают, мы и плети получаем вместо пятакчиков-то...

Посмотрел он на бравого, здорового казака и – отвернулся. А у того лицо краской залило: стыдно стало, не знает, что сказать.

На другой день пошли они с казак-однополчанином Дмитрием Тарасенковым по городу, смотрят: рослый жандарм парнишку лет 16 поймал и молотит кулачищами. Так увлекся, что их не заметил. А Дмитрий со всего маху как врежет нагайкой по широкой жандармской спине. Да еще раз. Тот ахнул, подпрыгнул, обернулся – усищи до ушей поднялись. Глазами ест их и кричит:

– Вы, казаки, и что это?

А Дмитрий Тарасенков голову – кверху, грудь колесом, звонко отвечает:

– Извини, вашбродь, – ошибка вышла, хотел мальчишку полоснуть.

А сам плеть на плече держит. Никифор рядом поигрывает нагайкой. Ругнулся в сердцах страж порядка, крутанулся на каблуках и потрусил прочь. А парнишка тем временем сбежал...²⁵

Все это привело к тому, что казаки-лейб-гвардейцы стали открыто высказывать недовольство политикой царя, активно выражать свой протест против произвола и разнузданности командного состава. В частях начали создавать сотенные и полковые комитеты. Большевики развернули сильнейшую пропаганду и агитацию в армии, стремясь разложить и расслоить казаков. В сотнях полков активно распространялась большевистская газета “Правда” и ее программные документы по свержению самодержавия. В отчете с 26 мая по 26 июня 1917 года комиссара 11-й армии, в составе которой служили казаки Лейб-Гвардии Сводно-Казачьего полка, в штаб Юго-Западного фронта сообщалось:

"...и все они [солдаты, казаки] ссылаются на "Правду", все пользуются аргументами "Правды", распространенной даже нелегальным путем"²⁶.

Именно в этой армии служил и вел агитацию известный всему фронту прапорщик Н.В.Крыленко – будущий первый Главноверх республики и ее жестокий прокурор.

Свершилась Октябрьская революция. Солдатские комитеты стали выражать недоверие офицерам и изгонять их из частей. В конце 1917 года был избран комитет в Лейб-Гвардии Сводно-Казачьем полку. Вначале его возглавлял казак Уйской станицы Троицкого уезда Н.П.Захаров, а затем казак поселка Тарутинского того же уезда А.Е.Карташев. В резолюции о командном составе полковой комитет в категорической форме настаивал на удалении офицеров и чиновников, которым выражено недоверие: "Ввиду невозможности продолжать работу по организации и укреплению боеспособности части в контакте с офицерами, которым вынесено недоверие казаками полка, мы, объединенное заседание всех сотенных командных комитетов, постановили предложить офицерам и чиновникам, которым вынесено недоверие, немедленно оставить полк, а тех, которым полк доверяет, просим оставаться на своих местах и продолжать исполнять возложенную на них обязанность.

Председатель: Карташев.

За секретаря: Осипов"²⁷.

Всего было выражено недоверие 23 офицерам, двум чиновникам, врачу и священнику²⁸. И все они вскоре покинули полк.

В начале декабря 1917 года командир Лейб-Гвардии Сводно-Казачьего полка Николай Бородин (казак Уральского войска) подал на имя казачьего комиссара Юго-Западного фронта рапорт о своей отставке: "Я и оставшиеся до сих пор офицеры и чиновники вынуждены были 4 декабря покинуть полк"²⁹.

Полковой комитет и казаки, таким образом, остались без офицеров и штаба и взяли всю полноту власти в свои руки. Лейб-гвардейский полк, десятилетиями служивший царю и самодержавию, целиком перешел на сторону революционно настроенных рабочих и крестьян и стал бороться против решений Верховного Главнокомандования. Казачий комитет, к примеру, воспротивился переводу полка на Дон, где должны были, по замыслу генерала Духонина, сводиться казачьи части, не поддержавшие большевистский переворот в октябре 1917 года.

В начале февраля 1918 года лейб-гвардейцы прибыли в Оренбург. В резолюции полкового комитета от 5 февраля 1918 года они объявили о полной поддержке советской власти и выразили свою готовность с оружием в руках отстаивать завоевания революции: "Мы, казаки Гвардии Сводно-Казачьего полка, в лице полкового комитета горячо приветствуем вас, товарищи солдаты, рабочие и крестьяне, борющиеся с авантюрой Дутова, за право, свободу трудового народа, и протягиваем вам истинно братскую руку, чтобы вместе идти на борьбу против буржуазии и тех, кто продается капиталу, чтобы вместе отстаивать свои завоевания и проводить в жизнь святыи идеи социализма.

Председатель: Карташев.

Секретарь: Пасынкеев"³⁰.

Но оренбургские лидеры – большевики и их губернский ревком не доверяли казакам вообще и лейб-гвардейцам в особенности, считая их ударной силой контрреволюции. Поэтому они категорически потребовали их разоружения и роспуска по домам. Таким образом, как в Оренбургской губернии, так и в целом по России гвардейские части были разоружены, распущены и упразднены.

Несколько месяцев спустя оренбургские казаки-гвардейцы приняли самое активное участие в гражданской войне, и многие из них не только боролись в рядах белой и красной армий, но и занимали высокие командные должности. Так, например, бывший председатель полкового комитета А.Е.Карташев командовал в гражданскую войну полком и дивизией. Его сослуживец Е.П.Ершов – начдив казачьей 21-й дивизии, не выдержав порядков в Красной Армии и связанных с ними волнений в дивизии, покончил жизнь самоубийством. Д.А.Тарасенков, Н.П.Захаров и А.Ф.Пасынкеев возглавляли казачьи сотни.

На фронтовой полосе и на местах, в казачьих станицах и поселках, произошел неведомый в Оренбуржье со времен Пугачевского бунта раскол казачества. Большевики добились не только расщепления среди казаков, но и столкнули их лбами, разожгли гражданскую войну и в течение почти четырех лет заставляли проливать братскую кровь. Фронтвики, придя домой, в станицы и поселки, возглавили борьбу против офицеров и атаманов, явочным порядком создавали революционные комитеты, упраздняли атаманское правление и выбирали Советы. Белые и красные лидеры формировали добровольческие полки и отряды. Позже все эти казачьи части влились в борющиеся армии и составили ударные силы в кровопролитной гражданской войне.

Эта длительная жестокая война принесла неисчислимые потери России. Положение усугублялось тем, что вожди советской власти Троцкий и Свердлов считали всех без исключения казаков врагами революции и ратовали за ликвидацию казачества как враждебного советской власти класса. 29 января 1919 года секретарь ЦК РКП(б) Я.М.Свердлов подписал и направил на места директиву о расказачивании и уничтожении казаков: "Необходимо, учитывая опыт гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления."

1. Провести массовый террор против богатых казаков, принимавших какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с советской властью, к среднему казачеству необходимо применить все те меры, которые дадут гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против советской власти.

2. Конфисковать хлеб и заставить ссыпать все излишки в указанные пункты. Это относится как к хлебу, так и ко всем сельскохозяйственным продуктам.

3. Принять меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организуя переселение на Дон, где это возможно.

4. Уравнять пришлых иногородних с казаками в земельном и во всех других отношениях.

5. Провести разоружение, расстреливать каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи..."³¹

Столь жестокая директива поступила и в Оренбургскую губернию, но местные большевики во главе с председателем губисполкома А.А.Коростелевым не провели ее в жизнь. Об этом, в частности, вспоминал он в 1936 году на собрании старых большевиков, состоявшемся в Москве:

"Насчет беспощадного уничтожения казачества, я не знаю от кого, но мы однажды получили даже такую директиву от центра. Я должен заявить, что мы эту директиву не выполнили, и я скажу, что хорошо сделали, что не выполнили..."³²

О том, как центр побуждал оренбуржцев выполнить эту жестокую директиву, рассказал на том же собрании бывший Чрезвычайный комиссар по Западной Сибири и Средней Азии П.А.Кобозев:

"Вопрос поставил Сольц (после занятия Оренбурга) от имени председателя Реввоенсовета Троцкого: раз вы опасаетесь возобновления казачьих нападений, Реввоенсовет предлагает вам

выселить всех казаков из Оренбургского укрепрайона... Идея Троцкого – затопить все в крови..."³³

А.А.Сольца называли совестью партии. Он занимал высокие должности члена Верховного Суда РСФСР, ЦКК и других организаций. И вот эта "совесть партии" предлагала изуверские методы борьбы с казаками уже после победы на колчаковском фронте. Оренбургский укрепрайон под руководством Н.Д.Каширина был создан осенью 1919 года, следовательно, хотя эта преступно жестокая директива и была отменена в марте 1919 года, политика расказачивания, выселения и уничтожения казаков продолжалась весь 1919 год и даже в 1920 году. И во многом Троцкий со своими сторонниками преуспел. Только во время боев в 1918–1919 годах в Троицком уезде были сожжены и разгромлены 10 поселков: Кидышевский, Кулахтинский, Краснокаменский, Солодянский, Кичигинский и другие. Во время братоубийственной войны из 4,5 миллионов казаков 2,5 миллиона погибли. Позже, в 1920–1922 годах, сотни тысяч казаков умерли от болезней и голода, организованного партийно-продовольственными органами: у казаков в 1920 году выгребли все зерно, не оставив даже для посева. И пришлось хлебобобам, в том числе бывшим гвардейцам, питаться лебедой, травами и падалью. Пухнуть с голоду и умирать. В эти тяжкие заморные годы произошла большая убыль населения во многих станицах и поселках Троицкого, Миасского и Верхнеуральского уездов Челябинской губернии. Так, в поселке Фоминском Уйской станицы Миасского уезда из 1109 казаков и казачек, проживавших там в 1920 году, к 1924 году осталось всего 387 человек, убыль составила 65,5 процента, а в поселке Воронинском убыло за те же годы 35 процентов населения³⁴.

Вот почему сопротивление казачества продолжалось, эта "малая" гражданская война крестьян и казаков с новой властью длилась вплоть до 1922 года. Вновь и вновь "белые" и "зеленые", "голубые" и "черные" казаки пытались с оружием в руках отстоять свои очаги от разорения, а детей и стариков от вымирания. Но в конце концов потерпели жестокое поражение. В бессудных расстрелах, по приговорам трибуналов и в камерах погибли сотни казаков и казачек.

Чуть позже, в конце 30-х годов, были разбиты и уничтожены и красные казаки: сотни и тысячи их закончили свою жизнь в расстрельных камерах, за решетками тюрем или за колочей проволокой лагерей. Погибли и многие казаки-гвардейцы: А.Е.Карташев, А.Ф.Пасынкеев, а с ними и выдающиеся краскомы-казаки братья Николай и Иван Каширины.

Но вот настало новое тяжкое испытание для народа и государства – разразилась небывалая кровопролитная Великая Отечественная война. И казаки, позабыв свои прежние обиды на власть, ее жестокость и враждебность по отношению к ним, все как один встали на защиту своей Родины. В Оренбургской, Челябинской и других областях Южного Урала сформировали десятки добровольческих казачьих полков и дивизий.

Именно в тяжелые годы войны руководство страны и военачальники вспомнили прошлые российские боевые традиции и вернули рядовому и командному составу Красной Армии старые воинские звания, одели бойцов и офицеров в российскую форму, а на нее нашли старого образца погоны и знаки отличия. Всем отличившимся в минувших войнах разрешили носить царские награды и отличия: Георгиевские кресты и медали, лампасы и папахи, шашки и кортики.

В дни ожесточенных боев под Москвой возродилась российская гвардия. Осенью 1941 года ряд казачьих соединений приказом Наркома обороны СССР от 26 ноября 1941 года преобразовали в гвардейские:

“За проявленную отвагу в боях с немецко-фашистскими захватчиками, стойкость, мужество и героизм личного состава преобразовать:

– 2-й кавалерийский корпус в 1-й гвардейский кавалерийский корпус (командир корпуса генерал-майор Белов П.А.);

– 5-ю кавалерийскую дивизию в 1-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию (командир дивизии генерал-майор Баранов В.К.)”.

Этим же приказом звание гвардейских получили еще ряд дивизий, а также 3-й кавкорпус генерала Л.М.Доватора, ставший 2-м гвардейским³⁵.

На другой день после того, как удостоились высокой чести, казаки-гвардейцы корпуса П.А.Белова совершили небывалый подвиг: тремя конными дивизиями в ночном бою полностью уничтожили прорвавшиеся три танковые дивизии Гудериана. Уничтожение вражеского корпуса произошло под Каширой в нескольких десятках километрах от Москвы. Генералы вермахта в течение нескольких дней не докладывали об этом позорном разгроме А.Гитлеру, боясь его гнева и немедленной расправы над виновными³⁶.

Взвод кавалеристов-гвардейцев 37-го кавполка корпуса Доватора на подступах к Москве в конце ноября 1941 года повторил подвиг героев-панфиловцев: отразил натиск танковой колон-

ны, уничтожив в неравном бою более 20 танков. Все казаки погибли, но врага не пропустили³⁷.

Донской казак К.И.Недуробов в первую мировую войну за проявленную доблесть получил все четыре Георгиевских креста. Будучи 53-летним, он ушел на фронт Отечественной войны, командовал казачьим эскадром. 2 августа 1942 года его эскадрон в лихой атаке уничтожил более 200 врагов, а сам ветеран-казак, лихой рубака, зарубил и пристрелил 70 солдат противника. За проявленное мужество и доблесть он был удостоен высокого звания Героя Советского Союза³⁸.

Сотни великих патриотов Родины казаков-гвардейцев в годы войны удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Только в 7-м Гвардейском кавалерийском корпусе это звание присвоено 146 казакам, а 18 конников стали полными кавалерами ордена Славы³⁹. Таким образом, лучшие боевые традиции гвардейского казачества были возрождены и продолжены на полях Великой Отечественной войны.

У российского казачества есть что возрождать и чему учиться при подготовке молодежи к ратной службе. Важно лишь учесть прошлые ошибки и не рядить патриотическое движение в красные, белые, коричневые и прочие цвета и оттенки классово-сословной розни и противостояния.

Примечания

- 1 См.: Советский энциклопедический словарь. М., 1985. С. 279.
- 2 См.: Очерк столетней службы. Спб., 1875. С. 2.
- 3 См.: Агафонов О.В. Казачьи войска Российской империи. М., 1995. С. 327.
- 4 Там же. С. 18, 445.
- 5 Там же. С. 21, 116, 234, 465; См. также: Очерк столетней службы. С. 16.
- 6 См.: Агафонов О.В. Указ. соч. С. 17.
- 7 Там же. С. 438.
- 8 Там же. С. 430.
- 9 См.: Очерк столетней службы. С. 4.
- 10 См.: Агафонов О.В. Указ. соч. С. 430.
- 11 Там же. С. 438, 439.
- 12 См.: Очерк столетней службы. С. 6.
- 13 Красная звезда. 1994. 14 мая.
- 14 См.: Керсновский А.А. История русской армии. М., 1992. Т.1. С. 391.
- 15 См.: Очерк столетней службы. С. 8.
- 16 Агафонов О.В. Указ. соч. С. 433.

- 17 См.: Очерк столетней службы. С. 16.
 18 История Лейб-Гвардии казачьего Его Величества полка. Спб., 1913. С. 5.
 19 РГВИА, ф. 2007, оп.1, д.47, л.46.
 20 Там же, л. 41.
 21 Там же, д. 88, л. 100.
 22 Там же, д. 47, л. 47.
 23 Там же.
 24 Там же, д. 88, л. 16.
 25 Захаров Н.П. Воспоминания. Фонд автора.
 26 РГВИА, ф. 336, оп.1, д. 38, л. 57.
 27 Там же, ф. 2007, оп.1, д. 88, л. 98.
 28 Там же, л. 99.
 29 Там же, л. 272.
 30 Известия Оренбургского РВК. 1918. 21 февр.
 31 Цит. по: Знаменский А.Д. Красные дни. М., 1991. Т. 1. С. 498.
 32 РГВИА, ф. 1346, оп.1, д. 767, л. 126.
 33 Там же.
 34 ГАЧО, ф. 421-Р, оп.1, д. 27, л. 189.
 35 Советская кавалерия. М., 1984. С. 189.
 36 См.: Красная звезда. 1993. 18 сент.
 37 См.: Алмазов Б.А. Прощайте и здравствуйте, кони! Л., 1978. С. 107.
 38 См.: Советская кавалерия. С. 227; См. также: Алмазов Б.А. Указ. соч. С. 107.
 39 См.: Докучаев М.С. В бой идут эскадроны. М., 1984. С. 203–205.

Н.С.Шибанов

ПО СЛЕДАМ КАЗАКА Ф.Г.ПИЧУГИНА

При знакомстве с публикациями, посвященными гражданской войне на Южном Урале и деятельности казачьих лидеров братьев Николая и Ивана Кашириных, бросается в глаза односторонность и анонимность критики в адрес их бывшего соратника, командующего Верхнеуральским отрядом Федора Григорьевича Пичугина.

...Поселок Пичугинский, что в Уйском районе, отстроен на берегу обмелевшей реки Уй, окружен полями и взгорьями. Вдали синюют крутые отроги Уральских гор. Добротные дома стоят рядом с высохшим прудом и разрушенной плотиной. Крестовый дом Пичугиных горделиво взметнулся на крутом, высоком фунда-

менте и далеко виден людям. Все здесь говорит о когда-то устоявшемся быте, зажиточности и большом радении хозяев.

“Бойким он был, Федор-то, отчаянным с детства, – поделился со мной старожил поселка М.П.Боровинский. – Никого не боялся. Мы, ребяташки, начнем задирать, он разгорячится, кого-нибудь поймает и – накуделит. В учебе очень способным был: начальную четырехклассную школу за два года закончил...”

Способным, да очень строптивым рос Федор. Находясь в Уйском высшем начальном училище, с группой ребят отрастил длинные волосы, завел “марксистскую” прическу. Законоучитель А.И.Успенский возмутился:

– Зачем длинные волосы отрастил? – обратился он к Федору.

– Хочу на Вас походить, батюшка, – дерзко ответил ученик.

– Непотребные слова... Богохульствуешь... Волосы подстричь надо...

– А у тебя, батюшка, почему длинные лохмы? – задрался Пичугин.

– Дерзишь, неуч... Вон! Пошел вон из класса!..

Федор уперся, его поддержал друг Алеша Третьяков. Разразился скандал. Священник добился исключения из училища их обоих и еще двух смутьянов. Федору пришлось доучиваться в Верхнеуральском начальном училище. После окончания учебы он устроился учителем начальной школы в родном поселке, а затем перевелся в поселок Косогорский. Будучи молодым, вел себя раскованно, нередко попадал впросак. Однажды школьники заманили его в подпол, закрыли крышку и продержали там час.

“Компанейским, веселым остался в нашей памяти Федя, – поделилась воспоминаниями о своем двоюродном брате Авдотья Захарова. – Он радовался гостям. К нему часто приезжали друзья. Вечера устраивали: танцы, музыка, пляски... Как он отплясывал в хромовых сапожках! Да вот горе-то какое случилось! Федор организовал красный отряд в Уйской, а мать с отцом попали в плен к белым. Уж как они галились над ними!.. Привязали шлеями к ходку и били плетью. Авдотья ослабла – бросили в ходок. Начали шилом колоть. Она голову под сиденье, а ее в зад тычут... Вся кровью подтекла. Потом ее сослали в Иркутск, а отца Феде в тюрьму бросили, он там с голоду и тоски всю руку себе изгрыз... Свои же, местные, им за Федора-“антихриста” мстили... Все окна пашками порубили, добро вывезли”.

Знал ли Федор об этой жестокой расправе? Знал. 28 июня 1918 года комиссар Миасского участка военных действий Николай Леонов сообщил главкому Ивану Каширину: "Поселок Пичугинский занят белобандитами. Отец (Пичугина. – Н.Ш.), по слухам, убит, а мать, исколов шильями, увезли в Кулахты..."¹ 29 июня Ф.Г.Пичугин привел свой отряд в Ахуново, где располагался штаб Каширина, и узнал о случившемся.

"Говорили старики, которые из его отряда, что будто в Федора свои же стреляли, – поделилась своими раздумьями его вторая сестра Екатерина Леонова, – думали, убили, а он ожил и выплыл... Голодные они были, а он их строго держал, не давал красть у жителей... Брат Михаил простудился и умер. Где сейчас Федор – не знаем. Слышала, в Красной Армии служил, награды и чин высокие имел..."

Бывший красный партизан Иван Ушаков из поселка Беловского рассказывал: "Верно, Федор ушел от Кашириных не к белым, а к красным!.. Об этом слышал от Ильи Захарова, учителя здешнего. Он жил в 30-е годы в доме Пичугиных. Колхозом управлял. Вот этот Илья Захаров переписывался с ним и говорил мне: дослужился до генерала, имел большие заслуги. Теперь его рукой не достанешь: большой человек..."

Вот так, по крупицам, беседуя с ветеранами, родственниками и годами роюсь в архивах, мне удалось собрать большой и интересный материал об одном из авторитетных руководителей красногвардейцев и командире Красной Армии.

Федор Григорьевич Пичугин родился в 1893 году. После окончания высшего начального училища поступил в Оренбургское казачье училище. В 1914 году был призван на фронт, воевал в 10-м (по другим сведениям – в 9-м) казачьем полку 1-й Оренбургской дивизии. Вместе с И.Д.Кашириным и Н.Д.Томиным вел революционную работу среди казаков. Попадал в окружение, выходил из него и выводил казаков из плена. За отличие и храбрость награжден царскими орденами, в том числе Георгиевским крестом. К 1917 году получил чин подесаула.

После Февральской революции 1917 года выполнял поручения большевиков, в марте стал коммунистом. Распространял среди казаков листовки, участвовал в братании рядовых полка с немецкими солдатами. С первых дней Октябрьской революции занимался формированием и обучением красногвардейских отрядов, защищал новую власть от повстанческих и белых частей. За храбрость и верность Советам был награжден кожаным костюмом. С мандатом комиссара на формирование казачьих отрядов.

подписанным Л.Д.Троцким, приехал в апреле 1918 года в родную станицу².

28 мая 1918 года в Верхнеуральске открылся 1-й уездный съезд Советов, и Пичугин стал его активным участником. 4 июня делегаты разъехались по домам. Им всем дали наказ: формировать и вооружать красногвардейские отряды. С помощью местных активистов А.В.Балмасова, А.М.Глазунова и А.Я.Третьякова Федор Григорьевич сформировал в станице 1-й Оренбургский революционный казачий полк. С 6 июня, момента создания полка, вел боевые действия против белоказачьих частей, вначале одиночно, а затем в составе Южноуральской партизанской армии – вплоть до своего ухода из отряда 31 июля 1918 года. В полку четырехсотенного состава насчитывалось более 500 казаков. Сотни возглавляли опытные фронтовики Л.М.Третьяков, И.Т.Зобов, А.Н.Гладков. Взводами командовали С.И.Голощапов, А.М.Глазунов, Л.И.Маслов, С.Л.Тихонов и другие. Полковым фельдшером был В.И.Третьяков, писарем А.С.Усольцев. Каждому боевику было выдано жалованье в размере 119 рублей. Через Верхнеуральский штаб договорились получить оружие в Златоусте. При движении на Златоуст, в районе Вознесенки, имея лишь холодное оружие, напоролись на белую часть. Выручила подоспевшая сотня верхнеуральцев под командой бывшего подхорунжего из Петропавловки П.И.Владельщикова. Лихим фланговым ударом она рассеяла конницу неприятеля. Залегшие боевики Пичугина восприняли духом, вскочили на коней и помогли разогнать белых. Первое боевое крещение пичугинцы выдержали. Федор Григорьевич отметил боевую лихость П.И.Владельщикова и, став командующим Верхнеуральского отряда, назначил Павла Ивановича своим заместителем.

Златоустовский ревком торжественно встретил красных казаков. На митинге пичугинцев приветствовал старый рабочий. Прямо из пакагуза партизанам выдали более 500 винтовок и вдобавок каждому по 300 патронов и две гранаты.

Хорошо вооруженный конный полк решили вернуть в район Уйской станицы: следовало противостоять натиску белоказачьих из станицы Кундравинской. В этот момент вспыхнуло крестьянское восстание в Месягутовской волости Златоустовского уезда.

Комиссар Златоустовского главного фронта писал в донесении в Екатеринбург: "По слухам, село Веселовка занято противником, в районе этой деревни идет бой. По-видимому, отряд Иванова (из Верхнеуральска. – Н.Ш.) столкнулся с противником

и, как передают, стеснил противника. В Месягутовской волости теснят 500 восставших, для более энергичных действий туда высылается поддержка»³.

Для поддержки красных Ф.Г.Пичугин направил в этот район по просьбе Златоустовского штаба полусотню казаков под командой своего двоюродного брата, полного Георгиевского кавалера А.Н.Гладкова. Оставшиеся боевики полка прибыли к вечеру в поселок Пичугинский и расположились на ночлег.

В Кундравинской станице белые сформировали два кавалерийских полка и развернули наступление в сторону Уйской. На рассвете 16 июня сотня белых казаков напала на небольшой сторожевой отряд А.Г.Козлова, входивший в полк Пичугина и размещавшийся в Косогорском поселке. Большинство красных боевиков погибло, часть попала в плен, лишь нескольким удалось уйти: Козлову, Сорокину и Полетаеву. Они и рассказали о разгроме. Белоказаки заняли поселки Замотохинский, Кочневский, Масловский. Посланные в разведку четверо красных казаков напоролись на белых, трое разведчиков были убиты, в том числе и Георгиевский кавалер Я.Толстогузов, и лишь одному Кремлеву удалось спастись. Лихим броском Пичугин выбил белых из Кочневского и Замотохинского. Закрепившись в двух-трех километрах от поселков на горе Рашкино, белоказаки открыли по красным пулеметный огонь. Пичугин отвел свой отряд в лес. Из Масловского к белым прибыло подкрепление, к уйским казакам подошла рота Н.П.Иванова. Наступило временное равновесие. Но в пичугинском полку возникло волнение.

Верхнеуральский комиссар И.И.Филатов, находившийся при красных отрядах, 25 июня 1918 года сообщал в Главный штаб: «22-го выслал отряд Пичугина, т.е. это 1-й революционный казачий полк занял деревни, где находились небольшие отряды бандитов (вот так: бандиты – родных поселков защитники! – Н.Ш.), как-то: Замотохино, Маслово, Кочнево и Усцеломово. После изгнания бандитов из этих поселков, потеряв 3 убитых, отряд Пичугина отправился в Уйск. По донесениям нашего маленького отряда, который занимал Уйск, противник силою в две сотни человек направился в Уйск, поэтому отряду Пичугина было дано распоряжение также занять Уйск и остаться там вплоть до распоряжения. Прийдя в Уйск, бывшие в полку из Уйска разбежались по матушкам и бабушкам, конечно, их настроили: Троицк пал, и большевики уже пропали, что вас там тоже постреляют, и зачем вообще воевать, когда они, т.е. большевики, грабят и т.д. То наши казаки снова поддались влиянию и на вызов тов. Пичу-

гина, что необходимо сейчас же в Агьр (Выдринский. – Н.Ш.), потому что он узнал о разложении в отрядах и хотел скорее их вывести из пагубной бабьей агитации. Но было уже поздно, казаки заявили протест и, не долго думая, выбрали из себя правительство (комитет. – Н.Ш.) в количестве 11 человек, конечно, самых зажиточных»⁴.

Причина колебаний и открытого неповиновения красных казаков – в обострении обстановки под Уйской, в усилении красного террора и грубого произвола комиссаров. 5–6 июня верхнеуральцы во время боевых операций спалили десятки домов и подворий в поселках Кулахтинском и Краснокаменском Уйской станицы. Комиссар И.И.Филатов в 20-х числах июня телеграфировал И.Д.Каширину: «Сообщаю: получил артиллерию с обозом и снарядами. Срочно выслал одно орудие с отрядом для ликвидации Уйска, Воронина, Беловского, Косогорского поселков. Для ликвидации послал отряд до 700 человек при 5 пулеметах, одном орудии под командой Погорельского»⁵.

Этот же комиссар дал такое указание своему подчиненному: «Если успеешь пододвинуть орудие, то возьми в наступление артиллерию и не оставляй в поселке (Уйском. – Н.Ш.) камня на камне, сметай все на своем пути...»⁶ Краскомы открыто говорили казакам: на месте Уйской станицы вырастет конопля. Чашу терпения пичугинцев переполнил расстрел пленного казака Упругина из Кундравинской станицы. Его взял в плен взводный, бывший фронтвик С.Л.Тихонов. Грудь урядника Упругина украшали два Георгиевских креста. Он прибыл в распоряжение отряда как представитель части кундравинцев, пожелавших перейти к красным. Но его по приказу комиссара Верхнеуральского отряда Н.П.Иванова расстреляли на глазах у всех казаков. Пичугин не пресек произвола комиссара. Такого открытого террора казаки не прощали даже на фронте. Они обрушились с обвинениями и угрозами на Пичугина.

Вступив в станицу Уйскую, часть казаков, ее уроженцев, отказалась подчиниться приказам командира. Вторая сотня решила вообще покинуть полк. Из боевиков сформировали полковой комитет в составе председателя С.И.Голощапова, секретаря В.И.Третьякова, членов Л.И.Маслова, Х.М.Халезина и других. Несмотря на протест Пичугина, Маслова и Халезина, вынесли решение: из Уйской не выходить, послать парламентариев в Кундравинскую, а Пичугина арестовать. И Федора Григорьевича временно арестовали.

Уже поздно вечером взвод верхнеуральцев И.В.Погорельского ворвался в Уйскую, окружил пулеметами штаб полка и потребовал освобождения Пичугина. Казаки отступили, краском был освобожден. С оставшимися боевиками, прихватив порядочно опорожненный обоз, он ускакал в поселок Выдринский. В станице Уйской осталось более 100 красных казаков – вся вторая сотня и взвод С.Тихонова. Еще 30 колеблющихся арестовали и заперли в амбаре, в их числе оказался и С.И.Голощанов⁷. Позже, при отходе отряда в сторону Златоуста, он, опасаясь расстрела, сбежал.

На рассвете 24 июня в Уйскую вступил крупный отряд под командованием есаула А.П.Прокопьева, и все сбежавшие от Пичугина казаки вступили в белоказачий полк. Командиром Уйского добровольческого белоказачьего полка избрали заслуженного фронтовика-орденоносца есаула А.А.Грибанова.

Объединенный отряд верхнеуральцев и троичан, насчитывавший 700 штыков и сабель, решил отбить Уйскую. 29 июня при поддержке пулеметным и артиллерийским огнем с Глазуновской горы бойцы пошли в наступление. Но атака захлебнулась. Перегруппировав силы, белоказаки незаметно, под прикрытием леса и холма, зашли в тыл левого фланга красных и стремительно атаковали их. В результате погибло много красных бойцов. Красногвардейцы в беспорядке отступили в сторону Ахуново и Учалов⁸. Белоказакам достались богатые трофеи: пушка, пулемет, много винтовок и шашек.

В этот момент осложнилась обстановка под Златоустом. Погиб комиссар фронта И.М.Мальшев. Златоустовские рабочие запросили у верхнеуральцев две сотни конников. Комиссар И.И.Филатов сообщил в Главный штаб: "... Пичугина с отрядом посылаю срочно в Златоуст, на помощь, здесь, в штабе, подъехали представители Златоуст-Челябинского фронта. С ними связан конной связью"⁹.

25 июня советские органы власти и военные части оставили Златоуст. Командующий Миасским участком фронта комиссар Н.Леонов писал в донесении в Главный штаб: "Сообщаю, что у нас левый фланг, благодаря падению города Златоуста, что я узнал от тов. Пичугина, прибывшего сюда обратно в пос. Вознесенский, совершенно открыт и нас ежеминутно обходным движением по лесам могут отрезать от главных сил. Тов. Пичугин, как он мне сказал, завтра, т.е. 29 июня, хочет направиться к Вам для присоединения. При подходе отряда Пичугина к поселку Вознесенскому ему пришлось вести бой у дер. Шарипово, которую занимали

банды противника, но, несмотря ни на что, отряд его прорвался к нам и даже разогнал всю эту противную банду, потери отряда – один человек ранен.

Сегодня ночью, т.е. 28 июня, они хотели, видимо, напасть на нас с двух сторон, а именно со стороны деревни Шарипово и пос. Поляковского, но благодаря подходу отряда Пичугина, разогнавшего банды, думаю, что они сегодня этого не сделают"¹⁰.

Бывший офицер-фронтовик комиссар фронта Николай Леонов высоко оценил боевые действия Ф.Г.Пичугина, пришедшего на помощь. Даже в труднейшей обстановке сплошного враждебного окружения – белые захватили Златоуст, нажимают с запада, наступают и со стороны Уйской, с востока – краском умело маневрирует, разбивает и рассеивает крупный отряд белых, помогая верхнеуральским партизанам удержаться на позициях и даже предотвратить их разгром.

О численности и состоянии пичугинского красноказачьего полка дает представление "приказ командира № 6 от 30 июня 1918 года по 1-му дивизиону 1-го революционного Оренбургского казачьего советской республики полка:

§ 1

К великому сожалению и стыду нашему сегодня в нашем дивизионе еще раз имел место позорный случай – бежало четыре казака: пулеметной команды Миронов, Григорьев, Хаов и 3-го взвода Иван Н. Выдрин.

§ 2

Товарищи боевики! Долго ли будем так колебаться? Что вы думаете? Чем? Одна маленькая боевая неудача, один выстрел из берданки или дробовой пушки заставляет вас разбегаться, ни на чем не основанные слухи какой-то бабы – и мы ропчем, волнуемся, бежим, как зайцы... Позор! Вперед категорически приказываю всех замеченных в провокациях, распространении темных слухов представлять немедленно в штаб полка: они будут предаваться военному суду.

§ 3

Во время походов и на квартирах командирам взводов и старым, более сознательным и верным трудовому народу казакам оставаться с малодушными и держать их в "ежовых рукавицах".

§ 4

Товарищу Ильину предлагаю быть при 1-м пулемете; старшим 2-го пулемета назначаю тов. Козлова и 3-го – Копырина. Третий пулемет сегодня же получить от левозеро-вской дружины. Последней выдать квитанцию.

§ 5

Бежавших из отряда Миронова, Григорьева, Хаова и Выдрина исключить из списков и отчислить с довольствия.

§ 6

Левозсеровская дружина Белорезцких БОНВ из отряда откомандировывается. С довольствия исключить. На довольствии полагать: людей – 163, лошадей – 168.

Подлинный подписал командир полка: Ф.Г.Пичугин.

С подлинником верно: секретарь Горбунов¹¹.

Приказ откровенный, строгий, мобилизующий. Вероятно, после падения Златоуста усилились колебания и побеги боевиков. У некоторых зародилось чувство безысходности борьбы. В приказе звучит не только тревога за судьбу отряда и суровая критика в адрес колеблющихся, но и забота о молодых бойцах, призыв к обстрелянным фронтовикам позаботиться о молодежи, дисциплинировать ее.

29 июня отряд Пичугина прибыл в село Ахуново, их торжественно встретили верхнеуральцы. И.Д.Каширин произнес приветственную речь, призвав уйчан не держаться за бабьи юбки, а воевать по-настоящему.

Основания для скрытого упрека имелись: за две с небольшим недели боевых действий полк потерял две трети своего состава. Но в целом боевой дух уйских красных партизан не был сломлен. И бои продолжались.

Белое командование развернуло наступление в разных направлениях. Захватили поселок Краснинский, расположенный недалеко от Верхнеуральска, со стороны Троицка на Сухтели наступал отряд сибирских казаков Анненкова. Троицкому отряду И.Д.Каширин приказал очистить поселки от белых. Из Петропавловки 1 июня Н.Д.Томин послал Каширину депешу: "Доношу, что первый отряд выступил около 12 часов ночи на Краснинск, второй отряд на Сухтели выступил сейчас, в 5 часов утра"¹².

Первый отряд, батальон пехоты и сотню кавалерии повел командир полка имени Степана Разина А.Е.Карташев, второй, такой же численности, – командир Троицкого отряда Н.Д.Томин.

30 июня главком отправил кавдивизион Пичугина в поселок Кассельский (сейчас Нагайбакского района), чтобы помешать мобилизации казаков в белую армию. Начальник штаба Н.Г.Енборисов 1 июля послал телеграмму командиру сотни верхнеуральцев Молчанову: "Главком приказал вашей сотне присоединиться к отряду Пичугина и действовать совместно его отрядом.

Получить от него задачу сотни действовать направлении Кассель"¹³.

Подобную телеграмму направили и Пичугину: "Главком приказал, если сотня находится в Замотохино, присоединить ее к своему отряду"¹⁴.

После ночевки пичугинцев в Кассельском штаб перебросил их в поселок Краснинский: надо было оказать помощь отряду А.Е.Карташева.

1 июля троичане сообщили военному комиссару Н.Леонову: "...обстановка на фронте Троицкого отряда следующая: занятый бандитами поселок Краснинский около 12 часов занят нами (отряд Карташева), в том же направлении действует и отряд Пичугина. Бандиты из Краснинска бежали на Сухтели под нашим давлением. В настоящее время идет бой по дороге из пос. Петропавловского на Сухтели"¹⁵.

Под Сухтелями белые сосредоточили крупные силы и хорошо укрепили позиции. Кроме местных казаков здесь окопался крупный отряд Анненкова. Первая атака кавалерийских сотен Карташева и Пичугина была отбита плотным ружейно-пулеметным огнем, прицельно била пушка. Неприятель, заняв хорошую позицию на горе Шелудивой, держал под обстрелом всю окрестность. Наступавшие бойцы отошли, залегли, окопались. Пичугин спешил дивизион, укрыл его от огня в густом овсе. К пушкам подвезли снаряды, бойцов перегруппировали. Пехота пошла в лоб, конники наступали с флангов. Белые держались. С переменным успехом бой длился два дня. Наконец, боеприпасы противника истощились, сопротивление ослабло. Атакующие ворвались в поселок, противник отступил. Н.Д.Томин донес в штаб 3 июля: "Сообщаю, прежде всего, наши сведения на вчерашний день: Сухтели взяты нами"¹⁶. С утра решили развивать наступление на станицу Степную, но из Верхнеуральска пришло распоряжение: всем отрядам отступить к городу. Тяжелое поражение под Уйской станицей вынудило Каширина стянуть все силы в кулак, чтобы отбиться от наступающих со стороны Уйской-Карагайской белых полков.

3 июля дивизион Ф.Г.Пичугина, присоединив к себе сотню Молчанова, вошел в поселок Урлядинский, а затем и в Верхнеуральск. В отряде насчитывалось около 300 боевиков, и он по-прежнему назывался 1-м революционным Оренбургским казачьим полком.

На совете командиров Верхнеуральского и Троицкого отрядов решили отступить в Белорецк. 7 июля началось передвижение частей, и 8 июля все отряды вошли в рабочий город.

Во время боевых операций комполка Ф.Г.Пичугин проявил себя способным, боевым, инициативным командиром. Верность новой власти он доказал в боях и походах. В Белорецке главнокомандующий Каширин провел реорганизацию частей и штаба. Завершил окончательное формирование двух кавполков, укомплектовал и Белорецкий пехотный полк. Первый кавполк сохранил свой прежний номер и стал называться 1-м Оренбургским революционным казачьим имени Пичугина полком, возглавил его заурядпрапорщик И.Т.Зобов¹⁷. Другой кавполк назвали 2-м Оренбургским казачьим имени Ивана Каширина полком, им командовал подхорунжий Ф.М.Каюков¹⁸.

Иван Каширин по достоинству оценил способности краскома Ф.Г.Пичугина и приказом № 7 от 8 июля 1918 года утвердил его в должности командующего крупнейшим Верхнеуральским отрядом: "Командующим Верхнеуральским отрядом назначаю тов. Пичугина, которому вменяю в обязанность по своему усмотрению организовать штаб отряда и немедленно приступить к организации боевых частей, вводя строгую дисциплину и порядок в частях своего отряда"¹⁹.

Присвоение первому кавполку имени Пичугина и назначение Федора Григорьевича командующим самого крупного отряда подтверждает, что авторитет краскома среди казачьих масс и офицеров-фронтовиков был непререкаем. В тот момент в штабе И.Д.Каширина служили испытанные огнем войны боевые казачьи офицеры, сотники, подьесаулы и есаулы: Енборисов, Леонтьев, Новиков, Гаврилов, Соломин, Крячков и другие, но Иван Дмитриевич доверил созданный и выпестованный им отряд наиболее достойному и способному офицеру из Уйской станицы Ф.Г.Пичугину.

Кстати, многие бывшие красные партизаны, их командиры, в том числе И.Д.Каширин, говорили в своих воспоминаниях о причастности Ф.Г.Пичугина к убийству видного большевика, председателя Белорецкого ревкома П.В.Точисского. На одном из заседаний Уральского землячества, проходивших в 1932–1934 годах в Москве, Иван Каширин отмечал: "Здесь не без участия Пичугина, потому что его на митинге на руках несли... Для меня дошли слухи, что Пичугин снюхался с буржуазией, здесь мне это сразу бросилось в глаза, когда я увидел, что на руках носят, качают"²⁰. Член Белорецкого штаба, один из командиров красно-

гвардейских отрядов И.И.Волков писал в воспоминаниях то же самое.

Но разве сам факт воздания почестей Пичугину на митинге, состоявшемся 11 июля, после убийства Точисского, может служить доказательством причастности краскома к убийству? Да и сам Каширин в то время говорил: "Я отдал распоряжение вызвать взвод кавалерии для ареста (Точисского. – Н.Ш.). Если из пичугинского полка, то очень далеко..."²¹ В том-то и дело, что пичугинские казаки были размещены далеко от места трагических событий, да и сам Пичугин заботился о другом: готовил свой отряд к боям с подступившими к Тирляну и Белорецку белоказаками. А "качали" рабочие (не буржуазия) на митинге краскома Ф.Г.Пичугина за решительные боевые действия, позволившие не только выбить белых из Тирляна, но и отстоять Белорецк.

Бои под Тирляном шли затяжные. В краткой истории 264-го Верхнеуральского пехотного полка так сказано о Тирлянской операции: "10 июля были получены сведения, что Тирлян занят восставшими белогвардейцами. Верхнеуральскому отряду было приказано занять Тирлян. От нашего полка под командою помощника командира полка тов. Погорельского были посланы полторы роты и, кроме того, по шоссе двинуто было несколько сотен кавалерии. Тирлян был Погорельским занят, но под натиском превосходящих сил противника его пришлось оставить..."

На другой день (11 июля. – Н.Ш.) на поддержку пришли оставшиеся 2 1/2 роты. Соединившись, роты тотчас же повели наступление на Тирлян, и к вечеру Тирлян, после небольшой перестрелки, был занят. Часть белых не успела даже скрыться и попала в плен. Так неожиданно была захвачена масса трофеев, как-то: патроны, обувь, обмундирование"²².

В донесении белого командования своему штабу сообщалось: "Утром 11 июля отряд красных, подъехавши по железной дороге из Белорецкого завода к Тирляну, под прикрытием артиллерийского огня повел наступление на отряд есаула Грибанова, занявшего Тирлянский завод. Вследствие недостатка в патронах есаул Грибанов вынужден был отойти на три версты к востоку, где и занял позицию"²³.

12 июля на подступах к Белорецку развернулись тяжелые бои. Белоказаки наступали. Отдельные их сотни ворвались в Белорецк, захватили 5 пулеметов и много пленных. Контратакой красные партизаны выбили белых. Яростный бой за город шел весь день и продолжился вновь утром 13 июля. Наличных сил у Ивана Каширина и Николая Томина явно не хватало. Нависла

угроза падения города. И снова на помощь прибыл отряд Федора Пичугина. В уже упомянутой истории 264-го полка отмечено: "...на следующий день, 13 июля, около полудня были получены сведения, что белые наступают на Белорецк, что там идет сильный бой. Командующий Верхнеуральским отрядом отдал приказание полку погрузиться в эшелоны и передвинуться в Белорецк для оказания поддержки 2 сотням, оставшимся в Белорецке. Во время посадки в вагоны противник вновь появился под Тирляном, стал обстреливать эшелон из орудий... Тирлян снова был занят белыми"²⁴.

Однако главком И.Д.Каширин по-своему, ревниво и не-объективно, оценил действия Ф.Г.Пичугина и в приказе от 13 июля 1918 года сделал ему внушение за "самовольный" приход в Белорецк: "Заняв Тирлян своим отрядом, т.Пичугин без приказания, не сообщив даже по телефону мне из Тирляна, отошел со всем отрядом без всякого нажима со стороны противника на присоединение ко мне. На первый раз Пичугину делаю замечание, ввиду того, что при разборе этого дела оказалось, что это явление произошло по недоразумению. И требую раз и навсегда ото всех начальников крупных и мелких соединений не бросать соприкосновения с противником без особого на то приказа"²⁵.

Как видим, главком "не заметил" умелого руководства Пичугиным частями под Тирляном и быстрый маневр по переброске крупного отряда под Белорецк, на выручку боевым товарищам, – положение обороняющихся было критическим. В городе активизировались враги советской власти, белые начали штурмовать город, а главком Каширин переживал трудный момент недоверия к нему рабочих Белорецка и части боевиков его отряда.

"В тот момент, когда случилась нехорошая история с Точисским (его убийство. – Н.Ш.), Иван Каширин потерял у боевиков всякое доверие", – писал в воспоминаниях один из командиров отряда троичан С.М.Жеребцов²⁶. Главком, как отмечали многие мемуаристы, его соратники, в тот период часто терял над собой контроль, злоупотреблял спиртным и совершал необдуманные, чисто эмоционального характера поступки. Так, он 1-го и 12 августа отказывался командовать Верхнеуральским отрядом и изменил свое решение только после единодушно выраженного полного доверия ему со стороны бойцов отряда²⁷. Добавим, у И.Д.Каширина имелась еще одна причина недовольства Ф.Г.Пичугиным: имеющий большой авторитет среди краскомов, Пичугин во время совещания и спора с П.В.Точисским не поддер-

жал Каширина. Он просто отмолчался, как и другой авторитетный командующий Н.Д.Томин.

Авторитет же Ф.Г.Пичугина даже после убийства Точисского не поколебался. С приходом в Белорецк отрядов Н.Д.Каширина и В.К.Блохера, при реорганизации Главного штаба, когда главкомом избрали Н.Д.Каширина, Пичугин по-прежнему остался командующим Верхнеуральским отрядом и вскоре повел полки в наступление на Верхнеуральск. Правда, он не разделял убеждения братьев Кашириных, что главный удар нужно наносить в сторону "казачьей столицы" – Верхнеуральска. По опыту борьбы под Уйской станицей он знал об антисоветских настроениях казачества. Надежды братьев Кашириных на переход большинства казаков на их сторону после одержания победы в итоге не оправдались.

На совещании командиров и комиссаров сводного Уральского отряда, состоявшемся 16 июля 1918 года, избрали нового главкома Н.Д.Каширина, утвердили командующий состав отряда и наметили направление главного удара. Совещание прошло бурно. Это подтверждает приказ главкома Н.Д.Каширина № 13 от 17 июля 1918 года. В нем Николай Дмитриевич отказывается принять отставку Ф.Г.Пичугина и предлагает ему по-прежнему командовать крупнейшим отрядом: "Рассмотрев приказ по Верхнеуральскому отряду Красной Армии от 16 сего июля за № 83, в поступке командующего отрядом тов. Пичугина я усматриваю большое переутомление вследствие напряженной боевой работы в последние дни. Все, что изложено в этом приказе, могло произойти только потому, что мы истрепали нервы и не можем хладнокровно обсуждать вопросы по существу и сейчас же переходим к сведению разного рода мелких счетов.

Товарищ Пичугин просил об увольнении его с должности командующего, чего сделать в настоящий момент не могу, т.к. каждый сознательный хладнокровный человек должен понять, что формирование нового штаба теперь недопустимо. А потому для ликвидации затронутого вопроса приказываю тов. Пичугину оставаться на своем месте, а тов. Томину, который на собрании позволил себе перейти границы тактичности, ставлю означенный поступок на вид и приказываю впредь быть более хладнокровным и воздержанным и неосторожным словом не разрушать создавшуюся с таким трудом организацию"²⁸.

Трудно что-либо сказать о причине ссоры двух командующих. Ею могли быть давняя неприязнь рядового казака к офицеру или обычные штабные неурядицы в снабжении боевиков

боеприпасами, продовольствием и фуражом. Или вот такая немаловажная причина: перед совещанием Н.Д.Томин обращался в Главный штаб с просьбой выделить две пишущие машинки, но ему сказали, что свободных машинок нет, но имеются две в Верхнеуральском отряде. Перераспределить их Пичугин отказался. Вот и мог от такой несправедливости войти в гнев горячий краском. Н.Д.Каширин поддержал своим приказом Федора Пичугина, так как уважал его и доверял ему.

Иван Каширин, первый командующий Верхнеуральским отрядом и младший брат главкома, работал рядом, в штабе Николая Каширина. Практически в тот момент Иван Каширин не числился даже в заместителях нового главкома: в приказе № 4 от 17 июля последний указывает своим заместителем Н.В.Баранова и лишь несколько дней спустя в приказе № 5 от 20 июля пишет: "...мои заместители В.К.Блюхер и Иван Каширин"²⁹.

Казалось бы, командование Верхнеуральским отрядом вместо подавшего в отставку Пичугина мог принять опытный боевой командир Иван Каширин. И тем не менее главком отдает предпочтение не своему брату, а молодому краскому Ф.Г.Пичугину. Могут возразить, что Николай Дмитриевич в приказе указал причину неприятия отставки последнего: нельзя во время боевой обстановки формировать новый штаб, как говорят, коней на переправе не меняют. Но в то же время два дня спустя, уже во время боевых операций под Верхнеуральском, он решился сменить начальника Главного штаба Н.Г.Енборисова, как не соответствующего своему назначению, и направить его в распоряжение Верхнеуральского отряда.

Поэтому без всякой натяжки можно сделать вывод: авторитет Федора Пичугина среди красных казаков и краскомов накануне ухода его из отряда был на уровне таких заслуженных командиров и борцов революции, как И.Д.Каширин, В.К.Блюхер, Н.Д.Томин.

Историки и журналисты необоснованно обвиняли Ф.Г.Пичугина в послаблении анархистствующим боевикам отряда, потачке мародерам и пьяницам. Его приказы и практические действия убеждают в обратном: он настойчиво, профессионально боролся со всякими проявлениями несправедливости, пресекал в своих полках самоуправство и произвол. В приказе № 18 от 17 июля 1918 года по 1-му Оренбургскому революционному казачьему имени Пичугина полку он писал:

"Красноармейцы-кавалеристы, пренебрегая моими распоряжениями, производят самовольные реквизиции и конфискации.

Считая такие поступки бросающими грязное пятно на весь отряд и подрывающими авторитет как командного состава, так и целого отряда по отношению к нему населения, как раз того населения, за интересы которого мы призваны бороться, ПРИКАЗЫВАЮ: за самовольные реквизиции и конфискации без моего разрешения или местных Совдепов виновные будут караться самым беспощадным образом, включительно до расстрела"³⁰.

Перед наступлением на Верхнеуральск и Тирлян главком Н.Д.Каширин определил общую задачу отрядов. В приказе № 15 от 17 июля 1918 года он предписывал:

"Наша задача – пробиться на соединение со своими частями, действующими со стороны центров, с которыми и установить связь. Ближайшей нашей задачей ставлю переход всего отряда через железнодорожную линию Челябинск–Уфа. Во исполнение указанной задачи, дабы занять исходные положения, приказываю:

1. Верхнеуральскому отряду под общим руководством Пичугина в составе двух кавалерийских и двух пехотных полков, трех орудий со всеми специальными командами завтра, 18 сего июля, сосредоточиться в дер. Абзаково, отсюда выдвинуть разведку на фронт: дер. Кабагушево–Узункулово–Большой и Малый Бугодак–Баимово–Балабаново.

2. Две сотни по своему усмотрению выслать в распоряжение начальника штаба Белорецкого военного округа"³¹.

Такую же задачу главком поставил и другим отрядам. Верхнеуральский отряд по плану наступал на правом фланге, южнее Верхнеуральска. Командующий Верхнеуральским отрядом определил приказом № 14 от 18 июля 1918 года время и порядок наступления вверенных ему полков:

"Противник занимает Тирлян – Верхнеуральск. Верхнеуральскому отряду надлежит сосредоточить свои силы в д. Абзаково и двигаться на Бугодак. К исполнению сего приказываю:

Авангарду тов. Зобова, четыре сотни 1-го полка, 3 пулемета, выступить из Ломовки в 5½ час. и двигаться по направлению на Абзаково, выслать разведку на Кабагушево, Узункулово, Большой и Малый Бугодак.

Главные силы: кавалерия Каюкова, 3 сотни, 3 пулемета, пехота Хорькова, 5 рот, 6 пулеметов, артиллерия Баклана, 3 орудия, 1 пулемет, выступить из Ломовки в 6½ час. и двигаться в авангарде на дер. Абзаково.

Арьергарды: сотня от 2-го полка, 1-я сотня 2-го полка.

Я нахожусь в голове колонны, заместитель тов. Владельщиков.

Подлинный подписал командующий Верхнеуральским отрядом Пичугин.

Начальник штаба (подпись)³².

Наступление красных партизан началось успешно. Судя по приказу главкома от 20 июля 1918 года, противник отступал. К исходу дня Верхнеуральский отряд выполнил задачу, поставленную штабом: занял село Абзаково и освободил от противника села Большой и Малый Бугодак. Именно в районе Большого и Малого Бугодака, у ближних высот, развернулись жестокие, изматывающие бои. Белые вскоре начали контратаковать, и населенные пункты по нескольку раз в день переходили из рук в руки. И все же медленно, но упорно красные полки продвигались по всему фронту к конечной цели – Верхнеуральску. Ф.Г.Пичугин сам неоднократно водил в атаки конные полки, умело и четко управлял частями. Но 26 июля в одной из атак, у горы Березовой, получил тяжелое ранение главком Н.Д.Каширин. Его заменил на посту брат И.Д.Каширин. Наступление продолжалось.

Взаимоотношения Ивана Каширина и Федора Пичугина к этому времени еще более осложнились. Упомянутый выше красный партизан И.Ф.Ушаков рассказал автору, что Иван Каширин, став временно главкомом, нашел повод, чтобы отстранить Пичугина от командования Верхнеуральским отрядом, и пригрозил ему революционным трибуналом. Причиной их ссоры и последовавшей за ней угрозы послужило нарушение Пичугиным приказа временного главкома в период боевых действий под Верхнеуральском. Приказ каким-то образом не дошел до Пичугина, и тот вопреки указанию отступить развернул наступление кавполка, прорвал оборону противника и отогнал его на несколько километров. Но, не поддержанный другими частями, попал в тяжелое положение. Белые контратаковали, кавалеристы, понеся большие потери, отступили в лесок и в итоге снова отошли на исходный рубеж.

Иван Каширин принародно резко отчитал Федора за допущенное нарушение, и тот, не сдержавшись, ответил дерзостью. Тяжелое объяснение сопровождалось взаимными оскорблениями. Краскомы схватились за наганы и окончательно рассорились. Положение усугубилось тем, что в отряде Пичугина пропала часть денег: их проиграли в карты работники штаба, бывшие офицеры. В донесении белого командования об уходе из отряда Ф.Г.Пичугина говорится о пропаже 175 тысяч рублей.

И.Д.Каширин в письменных показаниях трибуналу указывал большую сумму – 400 тысяч рублей³³.

Тот факт, что картежная игра и крупные проигрыши денег среди штабных работников в отрядах участились, подтверждает приказ Н.Д.Каширина № 14 от 19 июля: “До сведения моего дошло, что в комиссариате финансов и санитарном отряде процветает картежная игра. Позорное явление в настоящее время, когда ставится вопрос – быть или не быть власти народа... это пир во время чумы”³⁴.

Став после ухода Ф.Г.Пичугина вновь командующим Верхнеуральским отрядом, И.Д.Каширин в числе мер по укреплению дисциплины приказом № 6 от 1 августа 1918 года обязывал бойцов прекратить картежные игры: “Денежные игры в отряде категорически воспрещаются, и в случае игры в карты у замеченных игроков конфискуются все наличные деньги, превышающие 2000 рублей”³⁵.

Приведем другие трагические факты того момента. На подступах к городу, особенно у хорошо укрепленных гор Березовой и Извоз, велись многодневные тяжелые бои. С той и с другой стороны оказались большие потери. У красных они составили до 150 убитых и 350–450 раненых.

Гору Березовую взяли после короткого жестокого боя в ночь с 27-го на 28 июля. Наряду с другими подразделениями на подступах к ней, в окопах, залегла Троицкая офицерская рота в составе 283 человек, входившая в отряд атамана Б.В.Анненкова. И эту-то роту захватили врасплох и целиком уничтожили. Бывший красный партизан, связист штаба В.К.Блохера, а позже – участник Великой Отечественной войны, майор в отставке А.А.Тептеев отмечал в воспоминаниях: “Взяли гору, но в это время был тяжело ранен главком Н.Д.Каширин в колено пулей от винтовки “Гра”. На горе взяли около 200 офицеров. Ну, конечно, мы поступили с ними, как следует, потому что они были отчаянные головорезы, – уничтожили их”³⁶.

О расстреле белых офицеров каширинцами нигде не сообщалось. Вероятно, все произошло быстро, в порыве атаки: захватили врасплох в момент рукопашной схватки, окружили и – уничтожили.

Начальник штаба корпуса белых, сражавшихся под Верхнеуральском, полковник Сукин при объяснении причин сдачи города докладывал своему начальству: “Большое зло – отсутствие законных оснований к призыву старших возрастов, отсутствие офицеров – в полках по одному офицеру”³⁷.

Странная жалоба господина полковника! Ведь была же целая рота офицеров – чуть ли не 300 человек, а осталось всего по одному на полк. Куда же подевались они за несколько дней? Мы уже знаем: погибли во время боев под Верхнеуральском. Фронтвики хорошо знали кодекс войны – в пленных не стрелять. И все участники, а также свидетели этой трагедии понимали: их могут привлечь к ответственности, а земляки, отцы и матери проклянут. Как следствие, среди рядового и командного состава возникло брожение и многие из казаков покинули красные полки. Повторилась ситуация, описанная выше в связи с событиями под Уйской станицей. И.Д.Каширин на собрании работников штаба и представителей Верхнеуральского отряда от 12 августа 1918 года, мотивируя свое желание уйти в отставку, утверждал: "...бежавшие все начальствующие лица, как-то Пичугин и другие, исключительно от беспорядков и неподчинения начальствующим лицам..."³⁸

"Все начальствующие лица", покинув ряды каширинского отряда, ушли кто к белым, кто к красным, а кто просто – домой. По разным источникам, число ушедших в конце июля – начале августа составляет до 15-20 офицеров: Пичугин, Енборисов, Каюков, Зобов, Туголуков, Третьяков, Соломин, Крячков и другие. Они ушли не из-за трусости, как утверждают отдельные мемуаристы и исследователи. Напротив, храбрости им было не занимать: все они имели боевой опыт и многочисленные награды.

Подъесаул Н.Г.Енборисов к 1916 году уже был награжден орденами: Анны 4-й степени "За храбрость", 3-й степени с мечами; Станислава 3-й степени с мечами, 2-й степени с мечами³⁹. Командир 1-го имени Пичугина кавполка И.Т.Зобов был награжден двумя Георгиевскими крестами. Краском Ф.М.Каюков был лихим рубакой. Его адъютант, партизан-каширинец А.А.Федоров, утверждал в воспоминаниях: "Я в то время был адъютантом у Каюкова. Между прочим, под Бугодаком я лично видел, как он в бою зарубил восемь белоказаков. Такой был сильный рубака, такой рубака!..."⁴⁰ Помощник командира 2-го кавполка (он же командир сотни) подхорунжий Н.З.Туголуков за храбрость и отличия отмечен Георгиевскими крестами всех четырех степеней. В то время командирами избирали храбрейших и заслуженных воинов.

Уход Пичугина совпал по времени с исчезновением отрядных фуражиров. Приказом от 25 июля 1918 года главком Н.Д.Каширин (до своего ранения) обязал фуражиров краснопартизанской армии закупить в окрестных деревнях и селах овес для коней из расчета по восемь рублей за пуд. Комиссару финансов

указал выдать им с этой целью 30 тысяч рублей. И вот фуражиры в числе 12-18 человек отправились выполнять приказ – и пропали. В пути они встретились с группой покинувшего отряд Пичугина и примкнули к ней. После раздора и крупной стычки с Пичугиным (они понуждали его идти сдаваться в плен) часть из них отделилась и ушла сдаваться белым, захватив с собой закупленный фураж⁴¹.

В погоню за пропавшими фуражирами направился с сотней казаков краском Ф.А.Вандышев. Шестерых поймали, в том числе казначей полка имени Пичугина М.Смутина. При нем обнаружены 30 тысяч рублей. По приказанию И.Д.Каширина его зарубили шашкой. А на группу Федора Пичугина, в составе которой были его брат Михаил Пичугин, командир кавполка Зобов, его сын Сильвестр, начальник вооружения отряда А.Тяжелников, начальник штаба П.Горбунов, казначей Граммер, помощник комполка Крячков, вестовой С.Стахеев и другие, во время ночевки в лесу напали башкирские националисты. В короткой схватке часть казаков погибла. Пичугина ранили и бросили в реку Белую, но он выплыл и скрылся в лесу⁴².

Через день из отряда И.Д.Каширина ушли другие офицеры и казаки под руководством Н.Г.Енборисова. Храбрый русский офицер Н.Г.Енборисов, прискакав в поселок Спасский, явился к отцу, после спора с ним вышел во двор, его подкараулили и убили штыком в грудь местные казаки. Отец, имея чин полковника и верно служа А.И.Дутову, не пошел на похороны сына, лишь сказал: "Собаке – собачья смерть..."⁴³

Ф.М.Каюкова взяли в плен, допросили и отправили в Сибирь. Его помощника по полку Н.З.Туголукова посадили в тюрьму. Измученный допросами и угрозами расстрела, он сошел с ума, был убит стражником.

Командир сотни, а позже адъютант пичугинского полка Л.М.Третьяков попал в плен. Сидел в Уфимской и Иркутской тюрьмах. Бежал, воевал в 27-й дивизии Красной Армии. В начале 1920 года приехал в отпуск по болезни в станицу Уйскую, но был арестован и препровожден в Челябинск. Судим ревтрибуналом, но за отсутствием доказательств виновности оправдан и выпущен на свободу⁴⁴.

Писарь А.С.Усольцев после ухода из отряда учил детей в уйской школе. Следы И.Т.Зобова затерялись у китайской границы. Его сын Сильвестр остался невредим, умер в пожилом возрасте.

Брат Федора Пичугина Михаил перешел к белым, служил в Оренбургском казачьем училище каптенармусом. Осенью 1919

года, находясь в Иркутске, простыл, заболел и умер. Мать Е.Г.Пичугина оплакала и похоронила любимого сына – весельчака и гармониста.

Часть сбежавших фуражиров вместе с упомянутыми лицами были судимы ревтрибуналом, отсидели сроки в лагерях. Но среди арестованных и осужденных Ф.Г.Пичугин не числился. Он сумел все вынести и найти дорогу в Красную Армию. Об этом писали в своих воспоминаниях и книгах его соратники и земляки.

Вышеупомянутый бывший помощник командира Верхнеуральского кавполка Ф.А.Вандышев родился, вырос и учился в одном поселке с Ф.Г.Пичугиным. Прошел не только гражданскую войну, но участвовал и в Великой Отечественной. Дожил до глубокой старости и оставил воспоминания. В них он не щадит своего командира-однокашника, называет его “барчуком с детства” и утверждает: “... на второй день Пичугин украл полковую кассу (дались им эти деньги! Для Вандышева, бывшего батрака, они могли иметь значение, но что значили для офицера из богатой семьи?! – Н.Ш.) и с одним из офицеров из казаков сбежал. С ним 5–6 человек. Оказалось, на Златоуст...”⁴⁵ Заметим, не в сторону Верхнеуральска или станицы Уйской (там бы его, как Енборисова, самосудом убили), а в район Белорецк–Златоуст–Уфа–Бирск, на соединение с Красной Армией.

Правда, в более поздних воспоминаниях Вандышев ничего не пишет о “бегстве” Пичугина, видимо, от земляков он узнал о его дальнейшем жизненном пути и службе в Красной Армии.

В книге “Лавы”, изданной в 1927 году, работник штаба партизанской армии М.Д.Голубых так рассказал об этом драматическом эпизоде:

“ – Сегодня из нашего полка сбежал командир полка Пичугин (не командир полка, а командующий отрядами. – Н.Ш.) и начальник хозчасти. Шут их дери, – продолжал Стеганов, – ведь Пичугин хоть и бывший офицер, а все время воевал с нами против белых и ладный был командир. А тут ни с того ни с сего – взял да удрал вместе с начальником хозчасти...”

– К белым?

– Никто не знает – куда сбежал. Но только не к белым. У начальника хозчасти много денег при себе. Завтра надо было жалованье красноармейцам выдавать, а он их свистнул...”⁴⁶

Почти через десять лет после тех трагических событий соратники по борьбе на знают, куда “сбежал” их “ладный командир” Пичугин, да и деньги-то “свистнул” начхоз, на хранении у которого они находились... Они же, бывшие партизаны, утверж-

дали, что Федор Григорьевич готовился отвести свой 1-й казачий полк на отдых и выехал со штабными работниками для подготовки места и получения денежных средств. Но все получилось иначе: произошло нападение и ограбление.

Покинул отряд Ф.Г.Пичугин 31 июля, когда была взята гора Извоз и белые отступили за Верхнеуральск, т.е. после одержанной победы, а нападение на его команду произошло в первых числах августа. С ведома ли главного штаба покинул он передовые позиции или самовольно – все равно его бы обвинили в бегстве и предательстве. Так, например, с разрешения Главного штаба ушли под Кунгур бывший командующий Троицким гарнизоном М.Сугаков и начальник штаба С.Шванский. Их задержал в Белорецке председатель ревкома П.В.Точиский, но после согласования с верхнеуральским штабом – отпустил⁴⁷. А партизанам командование сообщило, что они сбежали. “Был назначен командиром Н.Д.Томин, – писал в воспоминаниях помощник кавполка имени Степана Разина С.И.Ловчиков, – а старый комсостав получил волчий билет. Мы дали им мандаты и удалили из отряда. Они уехали, а бойцам сказали, что они сбежали...”⁴⁸

Сейчас подобные действия красных партизан и их командиров нам покажутся несправедливыми и излишне жестокими. Но в той невероятно трудной обстановке непрерывных боев и нечеловеческого напряжения нельзя было и словом обмолвиться о добровольном уходе с позиций кого-либо из командиров отряда. Война многим рядовым боевикам казалась не только бессмысленной, но и антихристианской, греховной, нарушающей заповедь “не убий” – они ведь в большинстве своем были верующими. Их семьи нуждались в кормильцах, чтобы подготовиться к зиме, запасти продукты и хлеб, – иначе всем им угрожала голодная смерть. Да и пропаганда белых умело использовала факты насилия комиссаров и примеры красного террора. Вот и стремились казаки покинуть фронтную линию. Штаб красных войск всеми мерами крепил дисциплину в полках, строго карал отступников, а случаи ухода рядовых или командиров с позиций оценивал однозначно – как измену делу революции, предательство. Так получилось с Пичугиным и другими красками.

Но где документальные доказательства ухода Ф.Г.Пичугина на сторону красных? Мне удалось разыскать в Российском государственном военном архиве несколько подтверждающих это документов. Так, в своем письме 19 августа 1918 года военный комиссар 1-го батальона 2-го Бирского полка Н.Деткин сообщал, что “как только будет готов телеграф, то будет двигаться 3-я ро-

та, больше чем наполовину сформированная, в Ваше ведение прибавляется еще нестроевая рота, в которой уже около 20 человек. Ротным командиром нестроевой роты назначен Пичугин, он здесь набрал 8 человек пулеметчиков..."⁴⁹

В приказе № 3 от 19 августа по 2-му Бирскому полку (позже будет переименован в 182-й) комиссар Н.Деткин писал: "Командира нестроевой роты тов. Пичугина полагать в командировке, и врио его назначается тов. Карандашин"⁵⁰

Здесь многое сходится с известными фактами биографии Федора Григорьевича: время появления Пичугина в полку, то, что ему, как опытному военному работнику, поручают формировать роту, но нестроевую. Последнее тоже понятно: он ведь пришел сюда, будучи раненым. Одно вызывает сомнение – нет у фамилии инициалов. Но другого Пичугина в этом полку не удалось найти. Упомянутый в делах бригады бывший офицер Д.И.Пичугин служил помощником командира другого полка. Оговорюсь, Ф.Г.Пичугин уходил к белым, но не в период борьбы под Верхнеуральском, а в 1919 году и не по своей воле. Его, как имеющего репутацию "перебежчика", использовали для работы в тылу белой армии и для разложения казачьих частей. О том, что он менял фамилию и был "подставным" у белоказачков, мне рассказал его старший сын Иван при встрече в 70-х годах. По его словам, Федор Григорьевич привел из белого стана целую казачью дивизию и вскоре был отмечен первым орденом. Этого ордена его лишили в начале 30-х годов из-за семейных неурядиц. После прихода в начале 1920 года в ряды Красной Армии он снова продолжил службу в 182-м полку 21-й стрелковой дивизии.

...Прошли годы и десятилетия. Никого уже не осталось в живых из участников той тяжелой драмы, разыгравшейся летом 1918 года под Верхнеуральском и Белоречком. Умер и Федор Пичугин. После гражданской войны, изменив фамилию и биографию, он порвал всяческие отношения с родными и близкими, но продолжал служить в Красной Армии. В 1922–1923 годах занимал должность начальника полковой школы 3-го кавполка. С августа 1928-го по октябрь 1930 года командовал отдельной кавалерийской бригадой, учился на академических курсах. Но с июля 1931 года его неожиданно понижают до помощника полка. Видимо, подействовали письменные обращения и жалобы со стороны его первой семьи, а также сигналы бывших соратников – красных партизан: именно в эти годы создаются общества и землячества борцов революции и красных партизан.

В 1936 году удостоился звания полковника. В 1937–1938 годах, как известно, из 456 полковников Красной Армии в камерах НКВД погибли 401 и лишь 55 – уцелели. В тот момент Ф.Г.Пичугин служил в Ленинградском военном округе. В далеком Забайкальском военном округе в руки особистов попал его друг с детства, дивизионный комиссар Алексей Яковлевич Третьяков. "Физическим воздействием" следователи принудили его оклеветать себя: якобы в 1918 году (в этом году, в апреле, Третьяков стал коммунистом) он был "завербован" офицером Пичугиным в контрразведку Дутова, а с 1934 года стал участником военно-троцкистского заговора. 5 октября 1938 года А.Я.Третьякова расстреляли⁵¹.

Белоречский писатель-краевед, бывший работник милиции Р.А.Алферов во время нашей встречи рассказал один эпизод, ярко характеризующий шаткое положение Ф.Г.Пичугина в те годы. Примерно в 1939 году бывший красный партизан, член Белоречского военного штаба И.И.Волков, находясь в Челябинске, встретил на улице Ф.Г.Пичугина. Тот шел в военной форме, подтянутый, молодежавый и красивый. На петлицах сияли по ромбу комбрига. Поздоровались. Иван Иванович остановился, спросил:

– Вы, Пичугин?..

– Нет, не Пичугин, у меня другая фамилия...

И они разошлись. И.И.Волков опознал Ф.Г.Пичугина по шраму на лице и по выразительному взгляду темно-серых, мрачных, "печоринских" глаз. В 1918 году они бок о бок вели операции под Тирляном, Белоречком и Верхнеуральском. Иван Иванович решил "разоблачить" Пичугина и написал обо всех его "преступлениях" в органы НКВД. Ему ответили, что им, мол, все известно, и благодарили за содействие. Конечно же, не было у Ф.Г.Пичугина всех тех преступлений и проступков, в которых его обвиняли недруги, если все доносы не возымели действия⁵².

Федор Григорьевич своевременно сменил свою фамилию и биографию, хотя и не всегда был последовательным. Так, в 1932 году он написал в учетной карточке: по происхождению казак, родился в Новочеркасске, служил на германской войне в казачьем полку вахмистром⁵³, хотя в другом документе он указывал, что родился в бедной крестьянской семье в Калужской губернии.

Вот эта "перемена декораций" спасла Пичугина от репрессий. Помог также уход его из отряда верхнеуральских партизан, неучастие в рейде В.К.Блохера; большинство командиров, начиная с самого Василия Константиновича, были расстреляны в конце 30-х годов. Гражданскую войну Федор Пичугин закончил с

двумя орденами, был награжден серебряной именной шашкой. Член партии с 1917 года, а в 1920–1921 годах служил в разведорганах: возглавлял конную разведку в дивизии, служил в разведотделе⁵⁴.

В 1940 году получил высокое звание генерал-майора. В Великую Отечественную войну командовал стрелковыми дивизиями, корпусами, занимал должности заместителя командующих 16, 49-й и 50-й армий. Попадал в окружение, но с честью, сохранив дивизию, выходил в расположение своего войска⁵⁵. Вместе с ним дорогами войны прошли три его сына: Федор, Иван и Михаил. Федор пал смертью храбрых, а два брата вернулись домой с боевыми орденами. Но и они уже умерли.

Боевой генерал храбро, умело сражался на подступах к Москве. В сложный период Московской битвы с ним произошел такой случай. В штаб дивизии поступил приказ: утром начать наступление. Но дивизия не была готова к бою: не подвезли снаряды, не подошло подкрепление, не хватало винтовок и патронов. Не мог он поставить безоружных людей против танковых полчищ врага. Но мог рисковать своей жизнью, и он сделал выбор:

– Приказ выполнять отказываюсь...

– По телефону выслушал упреки и угрозы командарма. Донесли о непослушании комдива командующему фронтом. И тот явился лично в штаб дивизии. Попросил карту и стал у стола изучать ее. Вошел командир дивизии. Генерал армии, повернув к нему голову, угрюмо бросил:

– Докладывайте!..

– Я что, ж... буду докладывать?! – резко ответил комдив.

Он убедил командующего фронтом в необходимости отсрочки для подготовки и перевооружения дивизии. Добившись полной готовности последней, повел бойцов в наступление, воевал отменно⁵⁶. Его ратный путь отмечен 11 боевыми наградами, в том числе пятью орденами Красного Знамени, тремя орденами Ленина, двумя орденами Суворова 2-й степени и Отечественной войны 1-й степени, многими медалями. Имя героя упоминалось в приказах Верховного главнокомандующего при объявлении благодарности за взятие городов Юхнова, Могилева, Рославля, Августова, Мельзака, крепостей Осовец, Кенигсберг. В апреле 1945 года за отличие, мужество и полководческое мастерство, проявленные во время Восточно-Прусской операции и при взятии крепости Кенигсберг, ему присвоили высокое звание Героя Советского Союза⁵⁷. Боевой, демократичный генерал никогда не отсиживался в блиндажах, поэтому получил в войну пять ранений: два в

голову, остальные в руки и спину. В чине генерал-лейтенанта, в связи с резким ухудшением здоровья (отказывали ноги), в 1948 году ушел в отставку. Проживал в Минеральных Водах. Уже находясь на заслуженном отдыхе, вел большую военно-патриотическую работу в городском музее, в совете ветеранов, среди молодежи. Выступал в печати и по телевидению. Ф.Г.Пичугин умер 11 февраля 1969 года. В последний путь его проводили на артиллерийском лафете, при огромном скоплении гражданских и военных лиц.

Читатели могут спросить, а почему автор не назвал новую фамилию героя очерка? Еще двадцать лет назад узнал до тонкостей жизненный путь генерала. Но не мог, не смел, да и не хотел открыть людям его настоящее имя и биографию: боялся за безупречное имя Героя – не замутнилось бы от нового потока оговоров и клеветы. Но время это пришло: новое имя Ф.Г.Пичугина было *ФЕДОР ДМИТРИЕВИЧ ЗАХАРОВ*.

Примечания

- 1 РГВА, ф.1346, оп.2, д.130, л.19.
- 2 ЦДНИ ЧО, ф.596, оп.1, д.357, л.46; ГАЧО, ф.96-Р, оп.2, д.24, л.16.
- 3 ЦДНИ ЧО, ф.596, оп.1, д.158, л.13.
- 4 РГВА, ф.1346, оп.2, д.130, л.48.
- 5 Там же, л.49.
- 6 Там же, л.50.
- 7 Там же, ф.1346, оп.2, д.708, л.42.
- 8 Там же, д.130, л.34.
- 9 Там же, л.39.
- 10 Там же, л.19.
- 11 Там же, ф.7141, оп.1, д.1, л.127.
- 12 Там же, ф.1346, оп.2, д.130, л.40.
- 13 Там же, д.708, л.57.
- 14 Там же, л.58.
- 15 Там же, д.130, л.46.
- 16 Там же, д.708, л.12.
- 17 Там же, ф.7141, оп.1, д.1, л.123.
- 18 Там же, ф.1346, оп.2, д.130, л.137.
- 19 Там же, ф.7141, оп.1, д.1, л.11.
- 20 ЦДНИ ЧО, ф.596, оп.1, д.37, л.17.
- 21 Там же, д.357, л.16.
- 22 РГВА, ф.3572, оп.1, д.55, л.3.
- 23 Там же, ф.39512, оп.1, д.4, л.96.
- 24 Там же, ф.3572, оп.1, д.55, л.3.
- 25 Там же, ф.7141, оп.1, д.1, л.4.

- 26 Там же, ф.1346, оп.2, д.1157, л.429.
 27 Там же, ф.3572, оп.1, д.1, л.9.
 28 Там же, ф.7141, оп.1, д.1, л.14.
 29 Там же, л.20, 21.
 30 Там же, л.129.
 31 Там же, л.17, 18.
 32 Там же, ф.11, оп.5, д.91, л.125.
 33 Там же, ф.39512, оп.1, д.4, л.322; ГАЧО, ф.96-Р, оп.2, л.24, л.55.
 34 РГВА, ф.7141, оп.1, д.19, л.5.
 35 Гражданская война на Южном Урале: Сб. документов. Челябинск, 1962. С.125.
 36 РГВА, ф.39512, оп.1, д.4, л.308; См. также: Тептеев А.А. Воспоминания. Фонд автора.
 37 РГВА, ф.39512, оп.1, д.4, л.308.
 38 Там же, ф.3572, оп.1, д.1, л.9.
 39 См.: Письмо краеведа Курепина Ю.Г. от 14 мая 1997 г. Фонд автора.
 40 Федоров А.А. Воспоминания. Фонд автора.
 41 РГВА, ф.1350, оп.1, д.1, л.10; См. также: Вандышев Ф.А. Воспоминания. Фонд автора.
 42 ГАЧО, ф.96-Р, оп.2, д.24, л.14, 57-60.
 43 Енборисов Г.В. От Урала до Харбина. Шанхай, 1932. С.59; См. также: Енборисов В.А. Воспоминания. Фонд автора.
 44 ГАЧО, ф.96-Р, оп.2, д.24, л.71.
 45 Вандышев Ф.А. Воспоминания. Фонд автора.
 46 Голубых М.Д. Лава. М., 1927. С.131.
 47 РГВА, ф.1346, оп.1, д.659, л.17.
 48 ЦДНИ ЧО, ф.596, оп.1, д.370, л.22.
 49 РГВА, ф.1294, оп.1, д.6, л.34, 140 об., 148.
 50 Там же, ф.39512, оп.1, д.55, л.2, 6.
 51 Федеральная служба безопасности России. Управление по Челябинской области. ДП. 14230. Т 2. Л.16.
 52 Алферов Р.А. Справка. Фонд автора.
 53 РГВА. Служебная карточка Захарова Ф.Д. за 1932 г.; ф.1293, оп.2, д.741, л.29.
 54 РГВА, ф.1293, оп.2, д.482, л.93.
 55 См.: Захаров Ф.Д. Автобиография. Фонд документов семьи генерала.
 56 См.: Кавказская здравница. 1967. 4 марта.
 57 См.: Герои Советского Союза. М., 1987. Т.1. С.536.

Содержание

<i>Абрамовский А.П., Кобзов В.С.</i> О профессоре М.Д.Машине – друге, наставнике, ученом.....	3
Список научных трудов профессора М.Д.Машина	14
<i>Абрамовский А.А.</i> Патриотическое воспитание и военная подготовка в Оренбургском казачьем войске	19
<i>Абрамовский А.П., Кобзов В.С.</i> Продразверстка в Челябинской губернии (август 1919 г. – март 1921 г.).....	38
<i>Боже В.С.</i> Генерал-майор Ф.М.Стариков: спорные и малоизвестные страницы биографии	59
<i>Быков В.В.</i> Оренбургское казачье войско в русско-японской войне 1904–1905 гг.....	75
<i>Волков Е.В.</i> Военно-учебные заведения на Южном Урале в период революционной смуты (1917–1919 гг.)	90
<i>Лазарев А.И.</i> Традиционно-певческий быт варненских казаков.....	102
<i>Махрова Т.К.</i> Экономические тяжбы в станичных судах Оренбургского казачьего войска.....	113
<i>Семенов В.Г.</i> Трагическая судьба летчика-казака А.Т.Кожевникова.....	121
<i>Шадрин В.М.</i> Правовое положение и функции станичного звена управления Оренбургского казачьего войска.....	132
<i>Шибанов Н.С.</i> Казачья гвардия	154
<i>Шибанов Н.С.</i> По следам казака Ф.Г.Пичугина.....	168

Оренбургское казачье войско

Поиски. Находки. Открытия

Сборник научных статей

Редакторы Е.А. Иванова, Н.П. Мирдак

Технический редактор Т.В. Ростунова

Сдано в набор 22.03.99. Подписано в печать 13.05.99.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,4. Уч.-изд. л. 12,1.
Тираж 150 экз. Заказ 60.
Цена договорная.

Челябинский государственный университет.
454021 Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129.

Полиграфический участок Издательского центра ЧелГУ.
454021 Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57 б.